

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ходаковский Андрей Петрович

**Реестр требований кредиторов и его формирование
в процессе несостоятельности (банкротства): правовые аспекты**

Специальность 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор С.А. Карелина

Москва – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Понятие реестра требований кредиторов и основы правового регулирования, возникающих при его формировании отношений.....	17
§ 1. Понятие и сущность реестра требований кредиторов: правовые аспекты.....	17
§ 2. Формирование реестра требований кредиторов и его этапы.....	39
§ 3. Нормативно-правовое регулирование отношений, возникающих при формировании реестра требований кредиторов.....	67
Глава 2. Формирование реестра требований кредиторов: правовые аспекты.....	91
§ 1. Право требования кредитора: правовая природа и виды требований кредиторов	91
§ 2. Порядок установления требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве).....	119
§ 3. Фиктивная кредиторская задолженность: понятие, квалификационные признаки и правовые способы противодействия ее включению в реестр требований кредиторов.....	152
Глава 3. Правовые проблемы установления требований кредиторов...	174
§ 1. Правовые проблемы установления требований кредиторов, основанных на судебном акте.....	174
§ 2. Установление требований учредителей (участников) должника и иных аффилированных кредиторов.....	185
§ 3. Требования кредиторов, заявленные после закрытия реестра требований кредиторов.....	210
Заключение.....	226
Список использованных нормативно-правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы.....	232

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Правовой институт несостоятельности объективно полифункционален, предназначен не только для нормализации рыночного пространства, стабилизации хозяйственного оборота и, как результат, достижения макроэкономического эффекта, но и для решения конкретных проблем, в том числе защиты прав и законных интересов участников данных отношений, создания условий для функционирования должника с учетом специфики и особенностей его финансового положения.

Вряд ли законодатель и научное сообщество сейчас определились с тем, какие процедуры банкротства или их сочетание являются основными. Отчасти именно этим можно объяснить перманентные изменения законодательства о несостоятельности (банкротства) и непрерывное увеличение норм, посвященных частным вопросам, стремление отреагировать на текущие задачи.

Заметим, что при использовании любой модели несостоятельности должников приходится обсуждать и решать вопрос о консолидации требований кредиторов, определенным образом их учитывать и ранжировать. Это необходимо делать как при реабилитации, так и при проведении конкурса, справедливо и пропорционально распределяя средства, полученные от реализации конкурсной массы¹. Именно по указанной причине особая роль принадлежит реестру требований кредиторов как организационному элементу системы правового регулирования, направленному на выявление, фиксацию, проверку требований и установление их очередности для удовлетворения.

¹ По итогам 2020 года в 60,6 процентов дел о банкротстве кредиторы не получили ничего, доля удовлетворенных требований третьей очереди составила всего 4,4 процента (см.: Статистический бюллетень ЕФРЦБ за 2020 год. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%20%D0%95%D0%A4%D0%A0%D0%A1%D0%91%2031%20%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B1%D1%80%D1%8F%202020.pdf> (дата обращения – 02.03. 2021).

С формальной точки зрения общие представления о реестре требований кредиторов за период после принятия действующего Федерального закона Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве)»¹ мало изменились, однако усложнилось понимание самих отношений, порождающих требования кредиторов; произошли перемены в части применения критериев, позволяющих определить, относится ли кредитор к конкурсным; возникла новая практика установления очереди кредиторов и т.д.

Между тем, в зависимости от того, насколько бережно закон и правоприменительная практика относятся к правам и законным интересам лиц, участвующих в процедурах банкротства, зависит и общее состояние экономики, и эффективность правового института несостоятельности (банкротства).

Самостоятельными и пока неудовлетворительно разрешенными являются проблемы включения в реестр требований кредиторов тех требований, которые основаны на судебных актах, принятых в общеисковом производстве (за пределами дела о банкротстве), установления требований лиц, являющихся членами корпораций и аффилированных лиц, часто спорными оказываются подходы, используемые для оценки требований из договоров займа и поручительства, требований, возникших при исполнении обязательств третьими лицами, и др.

Взаимосвязано с темой и развитие в судебной практике некоторых новых стандартов доказывания, использование которых, с одной стороны, несомненно, расширяет инструментарий выявления незаконных действий при банкротстве и выступает преградой для включения в реестр требований недобросовестных кредиторов, и, с другой, требует соотнесения их с традиционными критериями оценки поведения, общими задачами процедур банкротства.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» № 127ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (далее – Закон о банкротстве).

Тема охватывает вопросы формирования реестра требований кредиторов при несостоятельности (банкротстве) как юридических лиц, так и физических лиц. Между порядками создания и ведения реестров в названных случаях имеются определенные различия, они не столько значительны и в целом опираются на близкие подходы.

Следовательно, разработка вопросов существа требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве), порядка их установления, определения очередности и, как итог, формирования реестра требований кредиторов имеет сегодня повышенную актуальность и требует углубленного научного анализа.

Степень разработанности темы диссертационного исследования.

Проблемам требований кредиторов и их удовлетворения в институте несостоятельности (банкротства) в России в период до 1917 г. посвящены работы различных ученых (Е.В. Васьковского, А.Х. Гольмстена, Д.Д. Гримма, В.Л. Исаченко, И.И. Карницкого, К.И. Малышева, Е.А. Нефедьева, В.Г. Федорова, А.И. Улинского, Г.Ф. Шершеневича).

В современной отечественной науке вопросы определения и удовлетворения требований кредиторов при банкротстве, порядка и очередности их удовлетворения анализируются в работах А.И. Белоликова, В.С. Белых, Б.С. Бруско, А.В. Валуйского, В.В. Витрянского, А.И. Гончарова, А.С. Гутниковой, Е.Г. Дорохиной, С.А. Карелиной, Е.А. Колинченко, К.Б. Кораева, П.А. Маркова, Е.В. Моховой, А.А. Пахарукова, В.Ф. Попондопуло, Е.Ю. Пустоваловой, О.В. Пустошкина, О.М. Свириденко, Н.А. Семерьяновой, В.В. Степанова, О.А. Студенцовой, Е.С. Суворова, М.В. Телюкиной, И.В. Фролова, В.А. Химичева, Л.Л. Шамшурина, Т.П. Шишмаревой и др. авторов. Вопросам юридических фактов и сложных юридических составов, субъективных прав, правам требования в сложных ситуациях оспаривания и недостаточности средств посвящены работы В.В. Байбака, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылина, В.А. Белова, В.С. Ема, А.Г. Карапетова, О.А. Красавчикова, Д.В. Ломакина, М.А. Рожковой, С.В.

Сарбаша, Е.А. Суханова, С.А. Сеницына, С.В. Третьякова, С.Ю. Филипповой, Л.А. Чеговадзе и др. исследователей.

Вместе с тем, специальных монографических работ, в которых бы исследовались именно вопросы формирования, структуры и роли реестра требований кредиторов, не было. Ближе всего к вопросам темы предпринятого исследования работы А.В. Валуйского¹, Е.Н. Матвеевой², А.О. Нестеренко³, О.А. Поташник⁴, А.А. Пахарукова⁵, Е.Ю. Пустоваловой⁶, но и в них акцент смещен на несколько иные вопросы. Впрочем, сами эти работы в основном подготовлены до внесения существенных новелл в законодательство о несостоятельности (банкротстве).

Поэтому есть основания считать, что избранная тема недостаточно разработана в отечественном правоведении.

Целью настоящего исследования является постановка и решение наиболее важных проблем определения и удовлетворения требований кредиторов в рамках института несостоятельности (банкротства), выработка предложений и рекомендаций, направленных на оптимизацию толкования и применения действующих правил о формировании реестра требований кредиторов. В работе поставлены и решены следующие вопросы, которые необходимо рассматривать как частные **задачи исследования:**

- установить природу, назначение и механизм формирования реестра требований кредиторов, выяснить существо и правовую природу понятий «реестр требований кредиторов», «требование кредитора» в процедурах

¹ Валуйский А.В. Проблемы удостоверения требований кредиторов по законодательству о несостоятельности (банкротстве) России и зарубежных стран: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

² Матвеева Е.Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций: Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2006.

³ Нестеренко А.О. Проблемы правового регулирования исполнения обязательств в деле о банкротстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008.

⁴ Поташник О.А. Формирование, реализация и распределение конкурсной массы несостоятельного должника-организации в ходе конкурсного производства (правовые вопросы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 2015.

⁵ Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц (Вопросы теории и практики): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁶ Пустовалова Е.Ю. Особенности исполнения обязательств в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

банкротства, его связь с отношениями, предшествовавшими несостоятельности;

- определить возможность и обоснованность включения отдельных спорных притязаний в реестр требований кредиторов, а также выделить основные направления, обеспечивающие уточнение их состава;

- выявить сущность фиктивной задолженности в делах о несостоятельности (банкротстве), ее особенности и правовые способы противодействия ее включению в реестр в целях справедливого и пропорционального распределения средств, полученных от реализации конкурсной массы;

- установить особенности влияния юридически значимых связей и зависимостей, в том числе корпоративных связей, на очередность удовлетворения требований кредиторов в реестре требований кредиторов;

- проанализировать особенности порядка установления требований кредиторов, которые были определены судебным актом до признания лица несостоятельным должником;

- определить правовые возможности удовлетворения требований кредиторов после закрытия реестра требований кредиторов.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся при формировании реестра требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве), в том числе отношения, возникающие при подаче заявления о включении в реестр, установлении требований и других действий по ведению реестра, при распределении средств, полученных от реализации конкурсной массы.

Предметом настоящего исследования выступают законодательство о несостоятельности (банкротстве), правоприменительная практика по данной категории дел, положения доктрины, научные представления о правовой природе реестра требований кредиторов, его формировании и содержании.

Методологическая основа исследования. При решении поставленных задач использовалась совокупность общенаучных (анализ и синтез,

сравнение, обобщение, индукция, дедукция, аналогия и др.) и специальных методов исследования правовых и общественных явлений. Метод диалектического развития как общий способ оценки явлений в их динамике применялся для анализа изменения стадий (этапов) существования правоотношений (прав) и их содержания применительно к процедурам банкротства. Для выяснения роли реестра требований кредиторов в структуре нормативного регулирования отношений несостоятельности (банкротства) применялся метод функционального анализа. Формально-юридический метод позволил провести исследование критериев требований кредиторов, подлежащих включению в реестр, и определить характеристики фиктивной задолженности. Для обеспечения комплексности анализа применялся системно-структурный подход, позволяющий рассматривать отношения при формировании реестра требований кредиторов как взаимосвязанные и взаимообусловленные этапы. Общая логика исследования основана на понимании реестра требований кредиторов как функционально необходимого и уникального звена системы правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства).

Эмпирической основой диссертационного исследования выступают материалы судебной практики (более 150 судебных актов), в том числе постановления Конституционного Суда Российской Федерации, определения и постановления Верховного Суда Российской Федерации, прежде всего — Судебной коллегии по экономическим спорам, постановления и информационные письма Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, материалы практики арбитражных судов Российской Федерации, данные статистики и мониторинга процедур несостоятельности.

Теоретическую основу исследования составили концептуальные учения и идеи в области общей теории права и гражданского права: С.С. Алексеева, М.И. Брагинского, В.П. Грибанова, Д.Д. Грима, О.С. Иоффе, О.А. Красавчикова, А.Л. Маковского, М.Н. Марченко, Д.И. Мейера, И.А.

Покровского, С.А. Сеницына, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, В.М. Сырых, А.Е. Шестобитова, В.Ф. Яковлева и др. авторов.

Применительно к специальным вопросам диссертации автор опирался на научные воззрения и оценки В.С. Белых, А.В. Валуйского, В.В. Витрянского, Е.П. Губина, Н.Г. Дорониной, Е.Г. Дорохиной, А.В. Егорова, И.В. Ершовой, С.А. Зинченко, С.А. Карелиной, А.Я. Курбатова, А.А. Пахарукова, В.Ф. Попондопуло, В.В. Степанова, М.В. Телюкиной, В.А. Химичева, Г.Ф. Шершеневича и др. исследователей.

Научная новизна диссертации состоит в том, что автором сформулировано целостное и непротиворечивое научное представление о месте и функциональном значении реестра требований кредиторов в системе отношений несостоятельности (банкротства), о ключевых элементах нормативно-правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства), обеспечивающих решение ведущих и определяющих задач в данной сфере правовой регламентации.

Научная новизна выражается и конкретизируется в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Реестр требований кредиторов есть динамическая система данных о характеристике отношений должника и кредиторов, включающая сведения об обстоятельствах, послуживших основаниями возникновения долга, выполняющая задачу последовательно, точно и непротиворечиво отражать результаты соответствующих этапов рассмотрения дела о банкротстве, способствующая определению мнения кредиторов для максимально полного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов.

Как объективно необходимый компонент правового регулирования отношений, возникающих в связи с закреплением за лицом статуса несостоятельного должника, реестр требований кредиторов: а) выполняет организационно-информационную функцию относительно требований кредиторов; б) содержит данные об объеме требований кредиторов; в) обладает эксплицитными (внешними) и имплицитными (содержательными)

свойствами, заключается в записях, последовательно отражающих динамику процесса несостоятельности (банкротства); г) выражает взаимодействие двух сфер правового механизма: личных инициативных действий участников отношений несостоятельности и правовых оценок судебных органов; д) содержит именно актуальные (релевантные) данные о требованиях к должнику каждого кредитора и их очередности.

2. Под «требованием кредитора» в процедурах банкротства следует понимать возникшее до момента инициирования процесса банкротства субъективное право кредитора, выраженное в денежной форме и находящееся в специальном правовом режиме, предопределенном задачами несостоятельности (банкротства) и допускающим возможность изменения порядка его реализации, включая изменение количественных характеристик во взаимосвязи с объемом прав других кредиторов. Данное право сохраняет свою природу субъективного права в уже сложившейся договорной связи либо в отношении, возникшем в результате других, предусмотренных Законом о банкротстве, обстоятельств.

В результате возникновения признаков несостоятельности (банкротства) должника данные права не становятся правами *sui generis* («правами особого рода»), однако с момента признания должника несостоятельным его обязательственные отношения строятся по модели «должник — множество кредиторов», что предопределяет особый режим их осуществления.

3. Включение неденежных имущественных требований в реестр требований кредиторов представляет собой изменение формы («трансформацию») удовлетворения притязаний кредитора посредством определения денежной оценки таких требований в экстраординарной ситуации. Оно предопределено задачей обеспечения принципа справедливости, в том числе исключения предоставления преимущества одним кредиторам за счет других, и особенностями статуса лиц, участвующих в конкурсном производстве, не имеющих иной возможности

удовлетворить свои требования. Поэтому необходимо предусмотреть общую норму о денежной оценке и установлении судом таких требований для включения их в реестр требований кредиторов, а также о порядке оценки, возможности ее обжалования и правовом статусе данных кредиторов.

4. Заявление кредитора о включении его требования в реестр требований кредиторов следует рассматривать как особый юридический факт, означающий согласие участвовать в процедурах банкротства, подчиниться их правилам в экстраординарных условиях развития обязательственной связи и позволяющий суду влиять на требование (в том числе уменьшить величину). С подачей искового заявления оно сходно лишь внешне, принципиально отличаясь по своей природе: заявление о включении в реестр требований не основано на «споре о праве», рассмотрение заявлений кредиторов в таких случаях есть система относительно самостоятельных производств в рамках одного дела о банкротстве.

Неисполненные обязанности должника и, соответственно, нереализованные субъективные права кредитора сами по себе, не должны включаться в реестр требований, если по ним не производилось имущественного предоставления, а имущественная масса кредитора не уменьшилась. Для достижения целей института банкротства недопустим подход, когда формально существующие права оказываются подлежащими удовлетворению, иное означало бы наполнение конкурсной массы отсутствующим имуществом.

5. Субординация требований кредиторов как их соподчинение и ранжирование (повышение или понижение в очереди) направлена на более справедливое и точное распределение средств, поступавших от реализации конкурсной массы, и потенциально способна выполнять различные функции (наказания, и поощрения, реакции на роль кредитора в образовании задолженности, недопущения включения в реестр требований кредиторов фиктивной задолженности и т.д.). Она может вызывать различные экономические и правовые эффекты, хотя в действующем законодательстве

предусмотрена лишь как мера ответственности, что существенно ограничивает ее возможности. Однако и в таком случае необходимо определить условия ее применения, ограничить круг лиц, в отношении которых она может быть применена (только конкурирующие кредиторы), установить, что формой вины является именно прямой умысел и не допускать одновременного применения мер, вызывающих сходный с субординацией эффект.

Субординация требований кредиторов как результат применения меры ответственности вызывает различные последствия для правомерно и неправомерно действовавших кредиторов и характеризуется двумя стадиями реализации ее механизма. Для правонарушителей она является средством наказания, а для правомерно действовавших кредиторов — мерой защиты. В результате понижения недобросовестных кредиторов в очереди обычно реализуются общие цели правозащитного механизма в сфере частного права: каждый из пострадавших получает свою часть утраченного — в том числе за счет правонарушителей. Из этого следует, что целесообразно как можно скорее принять общие правила о субординации требований, предусмотрев достаточную дифференциацию оснований и последствий, не допуская избыточного обременения участников взаимоотношений, не совершавших умышленных правонарушений.

6. Под фиктивной кредиторской задолженностью в целях применения Закона о банкротстве следует понимать как отсутствие имущественного предоставления кредитором, заявляющим о требовании, так и формирование действительного (реального) долга, но в целях, противоречащих смыслу и направленности процедур банкротства, и — в результате — незаконного получения имущественных благ.

Поскольку фиктивная задолженность неизбежно вызывает ущерб других кредиторов и имеется характерный для деликта состав элементов, данное правонарушение должно рассматриваться как особый (конкурсный) деликт. Противоправность выражается в том, что недобросовестно

действующий кредитор (делинквент) нарушает законный порядок получения результатов реализации конкурсной массы на равных и справедливых началах и тем самым положения Закона о банкротстве и ст. 1064 ГК РФ. Вред в данном случае представляет собой сумму, которую незаконно получает кредитор, организовавший (создавший) фиктивную задолженность и незаконно получивший часть имущества должника за счет добросовестных кредиторов (последние должны рассматриваться как совместно пострадавшие от деликта). Причинно-следственная связь должна выражаться в том, что именно действия кредитора, а не иные обстоятельства, привели к возникновению вреда. Вина (прямой умысел) заключается в том, что недобросовестный кредитор желал вызвать в результате указанных действий распределение конкурсной массы в свою пользу.

7. Проявление «корпоративного элемента» при банкротстве требует выделения двух различных ситуаций и, соответственно, различного инструментария для разрешения возникающих проблем. В первой ситуации наличие корпоративных отношений проявляется в том, что, в силу имеющегося права участия, кредитор (или группа кредиторов) обеспечивает вступление корпорации в определенные гражданско-правовые отношения (кредита, поручительства и пр.). Во второй ситуации корпоративные отношения являются случайным фактором, здесь имеющиеся отклонения принимают другую (не корпоративную) природу. «Переквалификация» тех или иных отношений в корпоративные допустима лишь в первой ситуации и лишь когда проявляется особое значение («сила») права участия в корпорации. Иное ведет к расширительному толкованию абз. восьмого ст. 2 Закона о банкротстве и необоснованному отказу включения требования в реестр.

При этом отдельно должен оцениваться факт извлечения участником корпорации выгоды (сейчас или в будущем) из таких гражданско-правовых отношений.

8. Закрытие реестра требований кредиторов означает лишь невозможность использования обычного механизма защиты прав кредиторов, предусмотренного Законом о банкротстве, на что указывает и используемый законодателем термин «погашение» (а не «аннулирование» или «прекращение»), но не исключает применения иных способов защиты, что и предусмотрено п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве. В основе данных правил лежит конструкция односторонней реституции (ст. 167 ГК РФ) в связи с установлением нарушения норм объективного права, вызывающая двусторонний эффект: с одной стороны, обеспечивается защита добросовестных кредиторов, а, с другой, изымается имущество лиц, незаконно его получивших.

Сформулированные в работе теоретические положения позволили выработать ряд предложений по совершенствованию законодательства:

- о необходимости дополнения Закона о банкротстве (в ст. 4.2 или 16) общими правилами о субординации требований, определяющими ее смысл, основания и порядок. В том числе о соотношении отказа включения требований в реестр требований кредиторов и субординации, субординации и реституционного механизма, предусмотрев дифференциацию оснований и последствий, включая случаи, когда субординация может и когда не может применяться, о возможности субординации требований в силу соглашения конкурсных кредиторов одной очереди;

- о необходимости уточнения и расширения состава «заинтересованных» лиц в ст. 19 Закона о банкротстве, включив в них, в частности, участников объединений без образования самостоятельного юридического лица, а также лиц, имеющих очевидную экономическую заинтересованность в результатах деятельности кредиторов должника;

- об установлении в ст. 2 Закона о банкротстве общего правила о возможности трансформации неденежных имущественных требований кредиторов в денежные требования в целях справедливого формирования реестра требований кредиторов, соответствующий кредитор и

конкурирующие с ним кредиторы должны обладать правом обжалования оценки (в порядке, предусмотренном ст. 60 Закона о банкротстве);

- о необходимости включения в п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве нормы, в соответствии с которой всякий судебный акт, определяющий размер задолженности, принятый вне процедур несостоятельности, может быть обжалован кредитором, являющимся участником процедур несостоятельности;

- о внесении в п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве правила о том, что неисполненные должником обязательства прекращаются после закрытия реестра требований кредиторов.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования состоит в том, что в работе сформулирован ряд теоретических и методологических выводов по вопросам формирования реестра требований кредиторов, имеющих существенное значение для дальнейшего развития нормативно-правового регулирования отношений несостоятельности, практики правоприменения и развития доктрины. Данные выводы способны служить теоретической базой для дальнейших научных работ по проблемным вопросам и могут быть использованы в практической деятельности при несостоятельности (банкротстве).

Материалы исследования могут быть использованы при преподавании учебной дисциплины «Предпринимательское право», спецкурсов, направленных на изучение отношений несостоятельности, в учебных заведениях, в разработке учебно-методических пособий.

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа выполнена, обсуждена и одобрена на кафедре предпринимательского права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы настоящего диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научных и научно-практических мероприятиях различного уровня, в частности, на научно-практической конференции «Реформирование законодательства в сфере

несостоятельности (банкротства): проблемы правовой эффективности» (26 марта 2020 г.), заседании Научно-Образовательного центра «Центр правовых исследований в сфере банкротства» Юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова на тему «Субординационно-координационные полномочия арбитражного управляющего в делах о банкротстве: проблемы реализации» (11 марта 2021 г.), научно-практической конференции «Институт несостоятельности (банкротства) на пути реформ: вектор развития» (08 апреля 2021 г.).

Результаты диссертационного исследования опубликованы в научных статьях, в том числе в журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Избранная тема и цель исследования определили структуру диссертации. Она состоит из Введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, Заключения, Списка использованных нормативно-правовых актов, материалов судебной практики и специальной литературы.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ РЕЕСТРА ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ И ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ЕГО ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ

§1. Понятие и сущность реестра требований кредиторов: правовые аспекты

Основные задачи законодательства о несостоятельности (банкротстве), вне зависимости от страны и применяемого правопорядка, объективно предопределены тем, что возникает угроза экономических потерь и требуется их минимизация и (или) возврат утраченных средств. На локальном уровне — это ущерб кредиторов (а также должника), на макроуровне — убытки всей экономики, поскольку длительный простой или ликвидация организации-банкрота неизбежно вызывает разрывы хозяйственных связей, затраты на их восстановление, потери рабочих мест, трудности у потребителей и т.д. Известно, что всякий случай банкротства ведет к существенным потерям не только кредиторов, но и в целом общества и экономики¹.

Недопущение и (или) снижение потерь, возврат утраченного кредиторами может осуществляться различным образом, что, отчасти, и заложено в парадигме отечественного законодательства о банкротстве, предусматривающего различные способы воздействия на несостоятельность (и простую распродажу имущества должника, и возможность восстановления прежнего финансового положения несостоятельного хозяйствующего субъекта). Однако нельзя сказать, что определенно выделена главная цель и сформулированы приоритеты². Это обстоятельство породило в литературе самые различные мнения об основных задачах законодательства о

¹ «Все теряют при конкурсе. Искусство законодателя состоит не в том, чтобы устранить и предупредить возможность вынужденных потерь, а в том, чтобы определить их точно и поставить в соответствие» (Renouard, *Traité des faillites et banqueroutes*. 1844. v.I. с. 190. Цит. по Шершеневич Г.Ф. *Конкурсный процесс*. М.: Статут, 2000. С. 49).

² К сожалению, осталась не реализованной принципиальная идея Руководства для законодательных органов по вопросам законодательства о банкротстве ЮНСИТРАЛ о том, что требуется определить наиболее значимые цели режима несостоятельности (см.: Руководство для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности [электронное издание], Часть первая. Нью-Йорк: ООН, 2005. С. 10 и послед.), далее – Руководство ЮНСИТРАЛ по вопросам несостоятельности.

несостоятельности.

Для отечественных исследователей характерно критическое отношение к обилию поправок, вносимых в законодательство, эти поправки справедливо оцениваются как избыточные¹. То же касается оговорок, затягивающих процесс рассмотрения дела о банкротстве². Но в целом практически все исследователи указывают на многовекторность процедур несостоятельности (банкротства)³. В литературе высказаны и другие взгляды на цели правового регулирования несостоятельности (банкротства)⁴.

Отечественный законодатель предусмотрел несколько

¹ Так, М.В. Телюкина отмечает, что «одной из системных проблем построения российского конкурсного законодательства является разработка и принятие норм, основанных не на теоретическом базисе той или иной проблемы, а на злоупотреблениях одного из участников отношений; в результате появляются нормы, защищающие участника с противоположным интересом, но их использование порождает злоупотребления уже данного участника; в ответ на это разрабатывается закон, препятствующий таким злоупотреблениям, и так далее: явно наблюдается *circulus vitiosus* – порочный, замкнутый круг» (Телюкина М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации // Хозяйство и право. 2018. № 5. С. 3–25.).

² Проф. А.И. Улинский, один из первых отечественных исследователей несостоятельности, критически оценивая сложившийся к началу XX в. конкурсный процесс, писал, что «... несостоятельность может быть признана тогда, когда торговое предприятие очутилось, вследствие известных причин, в таком положении, когда дальнейшее его ведение невозможно и оно должно прекратиться...» (Улинский А.И. Конкурсный процесс. Несостоятельность торговая и неторговая по русскому законодательству. Курск, 1915. С. 11). 114 с.

³ Поэтому в числе «основной цели» обычно указывается несколько: и «справедливое удовлетворение требований», и «восстановление платежеспособности должника» (см.: Егоров А.В. Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве // Реабилитационные процедуры в деле о банкротстве. Постатейный комментарий к главам V, VI, VIII Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». М.: Статут, 2003. С. 7; Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С.11–12. См. также обзор высказанных научных воззрений об этом: Смирнов Р.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С.109–112 и послед.).

⁴ Обсуждая цели процедур банкротства, было обращено внимание на то, что различного рода исключения, моратории, отсрочки не должны превращаться в средства поддержки неплатежеспособных должников (см.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 42–43; Карелина С.А. Мораторий на удовлетворение требований кредиторов как элемент восстановительного механизма // Право и экономика. 2008. № 6. С. 52–58). Так, целью процедур несостоятельности названо «оздоровление и предотвращение массовых банкротств», что верно лишь как возможный вариант, (см.: Одинцова О.А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11–12). Е. Г. Дорохина сводит процедуры несостоятельности к особому виду публично-правового регулирования, что явно не отражает ни задачи, ни цели процедур несостоятельности (см.: Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // СПС «КонсультантПлюс»). Ряд авторов исходит из того, что правоотношения «финансового оздоровления» и «несостоятельности» нуждаются не просто в разных нормах, но и разных методах регулирования (см.: Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. Москва: Проспект, 2017. С. 4–5, 28–29 и др., Кораев К.Б. Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. 2018. № 2. С. 25–29). . Близкие взгляды у В.Ф. Попондопуло, который, со ссылкой на М. Хоумана (см. Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник ВАС РФ. 2001. № 3. Спец. приложение. С. 35), указывает, что приоритетной задачей законодательства о банкротстве должно быть «повышение возврата средств для кредиторов». Он также полагает, что все остальные пути лишь усугубляют ситуацию в экономике (см.: Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 44–52).

разнонаправленных процедур банкротства, исходя из того, что потенциально сохраняется возможность оздоровления финансового состояния должника. Однако практика показывает, что имеющиеся процедуры наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления остаются неэффективными¹, часто затягивают процесс², и, судя по всему³, явно целесообразна иная модель несостоятельности (банкротства)⁴.

В условиях несостоятельности (банкротства) должника задача удовлетворения требований кредиторов существенно осложнена целым рядом обстоятельств: как правило, имущества критически мало и возможность получить удовлетворение из конкурсной массы незначительна⁵, а в предбанкротный период должник и аффилированные с ним лица могут предпринять действия по уменьшению имущества, необходимого для расчетов с кредиторами. В силу установления несостоятельности⁶ и, тем более, объявления банкротом⁷ у должника существенно изменяется правовое

¹ Отмечается, что затягивание процедур служит почвой для «очередного передела собственности» (Свириденко О.М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 39–46).

² К 2020 г. средняя продолжительность конкурсного производства превысила два года, см.: <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e> (дата обращения – 10.02.2020).

³ Имеется в виду общий смысл не только законопроекта, предложенного Минэкономразвития, но и оценки судей Верховного Суда РФ («Институт банкротства экономически неэффективен». Интервью с И. Разумовым // Закон. 2020. № 10. С. 10–11).

⁴ В свое время при исследовании истории вопроса Г.Ф. Шершеневич пришел к выводу, что различные моратории и отсрочки в конечном счете ничего не дают (в соединении с официальными процедурами автор называет их «проволочками»). Исключение составляет случай, когда сами кредиторы предоставят отсрочку, «если найдут ее справедливой» (Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890. С. 116).

⁵ По данным портала Федресурс, на середину 2020 г. имущества вовсе не было у 38,7% должников, а по итогам конкурсного производства 6,7% кредиторов ничего не получили: Статистический бюллетень ЕФРСБ на 30 июня 2020 г. <https://fedresurs.ru/news/42cab277-3328-4c2f-bbcd-ac728d3e1abc> (дата обращения – 29.08.2020).

⁶ См. об этом: Карелина С.А. Особенности реализации конституционных принципов в процессе несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2019. № 1. С. 7–14; Карелина С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 3–9; Батянов М.В. Основные условия принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и последствия введения процедур несостоятельности // Право и экономика. 2014. № 5. С. 69–72; Витрянский В.В. Понятие, критерии и признаки несостоятельности // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3: Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве), 27 ноября – 1 декабря 2000 г. М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 47–52).

⁷ Понятие «несостоятельность» и «банкротство» близки, но не всякая несостоятельность, как признанная судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, означает банкротство. Различаются они и в законодательстве (см. ст. 121.1, 124, 126 Закона о банкротстве), так и в доктрине (см., например: Ткачев В.Н. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 40–42; Эстерлейн Ж. В. Разграничение понятий «несостоятельность» и «банкротство» // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): Сборник научных статей/Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2017. С. 467–471).

положение и сужаются возможности по решению задачи удовлетворения прав кредиторов.

Задачу обеспечения единства и устойчивости правил о несостоятельности (банкротстве), его системности и комплексности, выполняют специфические общие положения (концепты): об обеспечении сохранности имущества должника¹, о необходимости максимального наполнения конкурсной массы², о справедливом и пропорциональном удовлетворении требований, о концентрации рассмотрения всех вопросов в одном процессе (банкротный специалитет)³, о подчинении норм смежных отраслей законодательства правилам Закона о банкротстве (банкротный приоритет)⁴.

При этом для соотношения указанных понятий используются различные критерии. Так, некоторые исследователи обращают внимание на связь этих терминов с динамикой («банкротство») и статикой («несостоятельность») правового положения должника (см.: Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Норма, 2006. С. 13–14). Действительно, это различие заметно. Но, представляется, несостоятельность как изменяющееся явление в большей степени выражает именно «динамику». А факт признания лица банкротом выражает, скорее, результат изменений, а не «динамичное» состояние. Близость характеристик несостоятельности и банкротства позволяет ряду авторов рассматривать их как «степени» одного и того же финансово-экономического состояния (см., об этом: Свириденко О.М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права // Журнал российского права. 2011. № 1. С. 39–46).

¹ Это отражено в обширной группе норм: в положении об утверждении арбитражного управляющего, обеспечивающего проведение соответствующих процедур и обеспечивающего общий надзор за состоянием имущества, в моратории на исполнение обязательств (п. 1 ст. 63 Закона о банкротстве), в запрете на самостоятельное распоряжение имуществом должника его органами управления (ст. 64 Закона о банкротстве) и т.д. Общий смысл таких ограничений состоит в том, что имущество должника на момент установления несостоятельности не должно уменьшаться.

² В этом смысле отечественное законодательство сделало значительный шаг к тому, чтобы реализовать несколько взаимосвязанных «ключевых целей» банкротства, указанных в Руководстве ЮНСИТРАЛ – «максимальное увеличение стоимости активов», «обеспечение справедливого режима в отношении кредиторов, находящихся в аналогичном положении», «сохранение имущественной массы для справедливого распределения среди кредиторов» (См.: Руководство ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности. С. 10–12).

³ Существо этого положения состоит в том, что при банкротстве все заявления, жалобы, ходатайства рассматриваются в рамках одного общего процесса (см., например, в абз. 2 п. 1 ст. 63, абз. 8 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве). Таким путем может быть осуществлен контроль суда за всеми значимыми действиями в процессе несостоятельности, не допускающими, в частности, рассмотрение требований конкурсных кредиторов в другом процессе. Это, в частности, необходимо для проверки и учета требований кредиторов в одном центре – для их соразмерного и пропорционального удовлетворения. Иногда данное положение называют «банкротным специалитетом» (См.: Суворов Е.Д. О некоторых вопросах банкротного специалитета и его ограничениях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С.158–166), а иногда «концентрацией дел в рамках банкротства» (см., например, Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая позиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54).

⁴ По сути, отдельным постулатом является отнесение дел, связанных с несостоятельностью (банкротством), к компетенции арбитражных судов. Необходимость в специальном (нейтральном и независимом) органе обусловлена и тем, что несостоятельность есть проявление экономической жизни и точно так же обладают экономическим эффектом юридически значимые действия в рамках процедур несостоятельности. Экономико-правовым является и сам институт несостоятельности.

Так, положение о приоритете специальных правил над общими (*lex specialis derogat generale*) отражено в п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве и, в частности, позволяет решать одну из важнейших задач — достижение специальных целей правового регулирования отношений несостоятельности в условиях, когда на процесс несостоятельности потенциально могут воздействовать нормы иного законодательства¹. В целом данное положение позволяет говорить о наличии в отечественном законодательстве и практике его применения принципа «банкротного приоритета», опирающегося на судебную дискрецию.

Именно эти базовые положения, на наш взгляд, и выполняют связующую роль в законодательстве о несостоятельности (банкротстве), обеспечивая его единство и устойчивость, системность и комплексность правового регулирования². А «оздоровление экономики» в макроэкономическом смысле³ и составляет, строго говоря, текущие задачи всякого государства.

При любой модели построения законодательства о несостоятельности (банкротстве) сохраняется необходимость иметь специальные нормы и приемы, позволяющие выявить размер потерь, определить состав лиц, права и законные интересы которых могут пострадать, определить обоснованность их требований, и — что не менее важно — соотнести их между собой⁴. Возможно, решать данный вопрос было бы проще, если бы речь шла об

¹ Абрамов С.И. К вопросу о приоритете специальных норм законодательства о банкротстве в регулировании соответствующих отношений // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 59–68.

² О «комплексности» норм законодательства о несостоятельности говорится часто (см., например, Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 60–67). Но в чем она заключается? Если говорить о комплексности норм, то с не меньшими основаниями правомерно утверждение, что «институт банкротства представляет собой компиляцию разноотраслевых норм» (Жаренцова Ю.С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 26–32). Очевидно, системность и комплексность в данном случае достигается за счет единства целеполагания и нормативно выраженных концептов (идеологем), позволяющих достигать специальных целей законодательства о несостоятельности, пусть даже и в результате привлечения норм и способов воздействия других отраслей.

³ Известная теория «ликвидации статуса» («устранения должника» из оборота) не может иметь превалирующего значения и не должна мешать поиску сбалансированных решений, учитывающих интересы и кредиторов, и должника, а равно и рыночной среды в целом (см., например: Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 10–13).

⁴ Именно применительно к ней Г.Ф. Шершеневич писал, что основная цель конкурсного процесса заключается «в равномерном удовлетворении всех кредиторов и устранении случайных преимуществ одного перед другими» (Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 88).

отдельной стабильно функционирующей организации. Сами по себе явления неплатежеспособности и несостоятельности — если говорить о них как об экономических явлениях — есть эксцесс, отклонение от нормального существования хозяйствующих субъектов (хотя они порой и охватывают значительную часть экономики¹).

Необходимость соблюдать определенную (не только математическую) пропорциональность распределения конкурсной массы должника осознавалась с самых первых времен появления правового института несостоятельности². Отсюда же возникла и потребность иметь специальное лицо (орган), которое бы обеспечивало не только выявление и сохранение имущества должника, но и правильное его распределение, тем более, что банкротство в древний период часто сопровождалось укрывательством должника (часто — бегством), и требовалось также обеспечить охрану имущества³. Известно также, что, если в делах о несостоятельности и принимали решения претор или иные должностные лица, то все же главными фигурами первичного конкурсного производства были сами кредиторы. Именно они и назначали ответственное лицо (*magister*), являющееся своеобразным преемником должника (*successor*), на которое и возлагались функции обеспечения, защиты, распределения имущества.

В Российской Империи работу по выявлению кредиторов, имеющих право притязать на имущество должника, учет их требований на начальном этапе вели назначенные судом присяжные попечители, а затем специальный орган — «конкурсное управление». В его состав могли входить самые разные лица, избираемые собранием кредиторов, суд лишь утверждал их назначение. Заявленные требования с указанием суммы и основания включались в пассив и отражались в специальной книге (выдаваемой судом, прошнурованной и

¹ В конце 2020 г. количество банкротств в России (да и в мире) сократилось, но это, скорее, результат моратория и других мер по борьбе с пандемией. По данным экспертов Коммерсантъ, с прекращением моратория на банкротство (т.е. на 07.01.2021 г.) 39% кредиторов готовы инициировать банкротство контрагентов, 25% предприятий допускают собственную несостоятельность (см.: Риски банкротств пошли в гору // <https://www.kommersant.ru/doc/4628263> (дата обращения – 27.12.2020).

² Это касалось и случаев, когда продавался и сам должник, или же с семейством шел в кабалу (См., например: Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 4–6).

³ См.: там же, С. 10–12.

опечатанной). Требования разделялись на три вида, а при продаже имущества должника — на несколько «разрядов», что обуславливалось преимущественно тем, предоставлялись ли конкретному кредитору преференции и полностью ли ему может быть выплачен долг (это были предтечи современных очередей). Заявленные требования подлежали проверке, но этот механизм был явно несовершенным относительно и дифференциации требований, и порядка проверки, и оснований для отказа в допущении к участию получения имущества из конкурсной массы¹.

В советский период диспозитивность определения лиц, занимающихся выяснением имущества должника и требований кредиторов, практически исчезла. Как отмечал И.Ф. Клейнман, «кредиторы совершенно отстранены от выбора как хранителя, так и ликвидаторов»², этими вопросами стали ведать специальные государственные учреждения. Тем не менее, общая логика, функции и схема действий сохранилась: а) установление имущества, б) утверждение судом баланса, в) осуществление выплат кредиторам, г) ликвидация организации-должника. Законодательство этого периода было в целом настроено на предоставление преференций государственным предприятиям³.

Современный отечественный законодатель также предпринял определенные усилия для решения проблемы полного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов при их стечении. В том числе предусмотрено и формирование специального акта, в котором фиксируются установленные притязания кредиторов, отражающие их объем и очередность удовлетворения (реестр требований кредиторов) и т.д.

Объективная потребность в специальной системе учета требований при банкротстве вызвана одновременным действием двух разнонаправленных

¹ Так, Г.Ф. Шершеневич отмечает, что вопрос оценки обоснованности требований оставался в компетенции конкурсного управления, а не суда, в результате порой принимались произвольные решения (см.: Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2013. С. 409–410).

² Клейнман А.Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву. Иркутск: Издание Иркутского университета, 1929. С. 14.

³ Были также высказаны идеи о целесообразности дифференциации должников, для государственных предприятий предлагалось установить привилегии (см. об этом: Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. С. 32–35).

факторов: наличием у каждого участника процедур банкротства определенного личного интереса¹ и объективной невозможностью его полного удовлетворения в связи с недостаточностью имущества должника. Понятия «конкурс», «стечение», «конфликт интересов» и т.п. указывают на несколько другие аспекты. Так, термин «конкурс» относится лишь к определенной части отношений несостоятельности, не выражает специфику регламентации всех отношений при несостоятельности (банкротстве)². Слово «конкурс»³ ориентирует нас на состязание, соперничество, связанное с личными достижениями («победой»)⁴. Не выражает существа ситуации и слово «стечение» применительно к требованиям кредиторов (иногда говорится о «столкновении»)⁵. Разумеется, если нет нескольких кредиторов (стечения), то нецелесообразно и применение законодательства о банкротстве⁶.

¹ Со времен Р. фон Иеринга в праве стало аксиоматичным положение о том, что интерес вообще формирует право и разнообразные его формы (включая субъективное право), см.: Иеринг Р. фон. Интерес и право // Избранные труды. Самара: Самарская экономическая академия, 2003. С. 333–428.

² Семантика этого слова предполагает наличие определенного состязания, противостояния между несколькими обладателями субъективных прав в материальных отношениях, которые и предпринимают необходимые действия для достижения цели (признания правообладателем, победителем и пр.). Однако правовое регулирование отношений несостоятельности не сводится к регламентации материальных отношений, здесь особую роль имеет довольно строгая процессуальная форма (см. об этом: Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // *Lex russica*. 2014. № 2. С. 211–227). С.А Карелина отмечает, что при конкурсе права и интересы кредиторов надо оценить и с публично-правовой точки зрения (См.: Карелина С.А. Правовая природа, сущность и особенности правоотношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) // Лекции по предпринимательскому праву. Новое в правовом регулировании бизнеса: Сб. статей, отв. ред. Е.П. Губин, Е.Б. Лаутс // СПС «КонсультантПлюс». Наконец, суд должен учитывать и действие деонтологических ценностей (см., например: Хамидуллина Ф.И. Нравственные начала гражданского права: Дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2019. С. 5–6, 9–10).

³ В этимологическом словаре Н.М. Шанского слово «конкурс» рассматривается как пришедшее из французского и польского (в значении «стычка, сшибка, сражение»), а в этих языках основой послужило латинское слово «concurrere» (т.е. конкурент), см.: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%BA/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81> (дата обращения – 20.08.2019).

⁴ В этом смысле оно и сейчас применяется для определения победителя при заключении договоров (ст. 447 ГК РФ). Однако правовое регулирование отношений несостоятельности не предполагает активных действий конкурирующих участников (если таковыми не считать представление заявлений, исков и документов, формирующих доказательственную базу), все ключевые вопросы здесь находятся в сфере компетенции государства или лиц, специально им уполномоченных.

⁵ См., например: Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. С. 1–5; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса // Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. С. 108, 147; Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 100–101. Тем более, что возможны случаи, когда имеется достаточное имущество для удовлетворения всех требований, возникающие задачи ближе к «распределению» (что, при хорошо продуманном алгоритме действий распорядителя, вовсе не нуждается в судебном процессе).

⁶ В литературе также предлагается исключить производство по делу о банкротстве, если имеется лишь один кредитор и вообще проводить судебные процедуры лишь в тех случаях, когда имеет место нарушение прав

Есть существенные сомнения и в обоснованности использования выражения «конфликт интересов» для оценки противостояния кредиторов¹, т.к. на момент формирования реестра есть установленный судебным актом долг, но это вовсе не конфликт интересов. Исходно данное выражение предназначено для указания на возможность проявления индивидуального (личного) интереса субъекта в условиях, когда есть обязанность действовать в интересах другого (представители, менеджеры и др.)². В российском праве к детерминации понятия «конфликт интересов» как самостоятельной категории исследователи приступили с 90-х годов прошлого века³ преимущественно на базе корпоративного и антикоррупционного законодательства⁴. Определенный смысл использовать выражение «конфликт интересов» в делах о банкротстве сохраняется в тех случаях, когда имеющиеся обязанности оказываются под воздействием личного интереса соответствующего лица (например, арбитражного управляющего, руководителя общества и т.п.). Разумеется, при возникновении конфликта его следует устранять легитимным способом⁵.

В странах на территории бывшего СССР имеются определенные отличия в правовом регулировании отношений при несостоятельности (банкротстве), но также имеются своеобразные аналоги реестра требований

кредиторов, см.: Кузнецов С.А. Основные проблемы института несостоятельности (банкротства). М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. V–VI.

¹ Трудно согласиться с тем, что при несостоятельности имеется «неразрешенный конфликт интересов должника и его кредиторов» (Карелина С.А. Особенности правоотношений несостоятельности (банкротства) // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности. М.: Юстицинформ, 2020. С. 16).

² Исторически рассматриваемое понятие связано с известной доктриной английского права «фидуциарной заботливости» («fiduciary duties») (См.: Шашков Ю. В. Фидуциарные обязанности директора (director's fiduciary duties): от англо-американской доктрины к российской корпоративной практике // Закон. 2009. № 12. С. 216–227).

³ По мнению Д.И. Дедова, одного из первых исследователей этого понятия в современной российской науке, необходима выработка отечественной доктрины конфликта интересов (см.: Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 2–4; см. также: Махалин И.Н. Доктрина фидуциарных обязанностей: защитница доверия под маской английской шпионки // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. 2020. № 1. С. 152–200).

⁴ Не случайно понятие «конфликт интересов» дается в ст.10 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228. Очевидно, оно ориентировано на возникновение конфликта интересов при деятельности именно должностных лиц и мало подходит для суждений в иной сфере правоотношений (например, в сфере конкурентного или конкурсного права).

⁵ См.: Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства). Правовые средства разрешения. М.: Проспект, 2014. С. 37–110.

кредиторов¹.

Итак, при любой модели процедур банкротства существует общая задача — необходимость выявить кредиторов, определить конкурсную массу, справедливо, пропорционально и открыто распределить денежные средства, полученные от реализации конкурсной массы, между кредиторами.

Краткое определение реестра требований кредиторов дается в п. 1 Общих правил ведения реестра требований кредиторов²: это «единая система записей о кредиторах», включающая определенные сведения (о наименовании кредитора, его месте нахождения, размере требований, очередности удовлетворения, дате внесения записи и исключения, основания возникновения требования, сведения о погашении требований и др.).

В юридической литературе реестр требований кредиторов также в целом оценивается как определенная совокупность сведений, с той оговоркой, что порядок его ведения и содержания разрабатывается в качестве федерального стандарта и утверждается Минэкономразвития РФ³. Его также можно считать и особым документом⁴ в сфере правовой информации, в данном случае — о кредиторах и их требованиях к должнику. Реестр требований кредиторов отличается от иных видов реестров, в частности, от Единого государственного реестра юридических лиц, являющегося федеральным информационным ресурсом, и Единого государственного реестра недвижимости, являющегося сводом систематизированных сведений о зарегистрированных правах на недвижимое имущество, данные реестры ведутся уполномоченными государственными органами, которые при

¹ Например, в подп. 20 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» также предусмотрен «перечень требований», отражающий все требования кредиторов (см.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000176>, (дата обращения – 11.05.2020). В Республике Беларусь он даже именуется также, как в России – «реестр требований» (См. ст. 90 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, URL24.07. 2012, 2/1967. (дата обращения – 10.01.2020).

² Общие правила ведения реестра требований кредиторов, утв. постановлением Правительства РФ от 9 июля 2004 г. № 345 // СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 3052. (далее – Общие правила ведения реестра).

³ См., например: Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный)/Под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2017. С. 34–35.

⁴ Именно так определяется реестр требований в ряде исследований (см., например: Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения. М.: Юстицинформ, 2018. С. 34).

осуществлении указанной деятельности выполняют публичные функции.

В экономической литературе реестр требований кредиторов преимущественно рассматривается как одно из средств антикризисного управления, основа для выработки стратегии и тактики действий¹. В таком случае он, прежде всего, элемент «информационно-аналитической системы управленческих решений»². При этом специалисты в области учета и аналитики оценивают сегодняшнюю систему данных реестра как «непрозрачную», «котловую», не позволяющую выяснить динамику происходящих процессов³.

С функциональной точки зрения реестр требований кредиторов следует рассматривать как, прежде всего, систему информации (сведений), специально организованной, упорядоченной и способной быть использованной для самых различных целей (принятия судебных актов, защиты прав, ориентации в уровне угрозы экономическим интересам и пр.). Но этим его смысл и значение не исчерпываются, поскольку для оценки существа реестра требуется учитывать и другие его формы проявления, хотя и взаимосвязанные, но обладающие определенным уровнем самостоятельной когнитивной и правовой ценности.

Определение правовой природы, т.е. существа, всякого явления, предполагает не только выработку его понятия (дефиниции), но и раскрытие функционала, установление взаимосвязей со связанными категориями (детерминацию) в системе сложившихся правовых понятий. Сложившаяся теория юридических фактов⁴ исходит из того, что такие обстоятельства

¹ См.: Литош А.А. Антикризисное управление. СПб.: СПбГАСУ, 2011. С. 120–129.

² Чернова М.В. Информационно-аналитическая система обеспечения управленческих решений в конкурсном производстве // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 5. С.18–25.

³ Соответственно, они предлагают свои варианты ее изложения (см., например: Чаленко Р.В. Концепция информационно-аналитической системы управления процедурами несостоятельности) // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1. С. 134–144.

⁴ В данном случае под юридическими фактами понимается их обычное (и даже классическое) значение как жизненных обстоятельств, вызывающих возникновение, изменение и прекращение соответствующих правоотношений. Отдельные юридические факты обладают значительными особенностями и имеют сложную структуру, делятся во времени, но все они связывают действительность и нормы права (о видах юридических фактов см., например: Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Том II. Лица, блага, факты: Учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 266 и послед.). О значении юридических фактов см., также: Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М. Госюриздат, 1957; Зинченко

(явления) вызывают правовой эффект — порождают, изменяют, прекращают правовые отношения. Их классификация давно сложилась, но практически никто из исследователей не считает ее завершенной и совершенной¹.

Оценивая правовую природу реестра требований кредиторов, у нас нет оснований отнести его к тому или иному самостоятельному юридическому факту уже потому, что как таковой он не порождает и не изменяет правоотношений (он — ни сделка, ни деликт, ни соглашение в соответствии со ст. 8 ГК РФ). Такими качествами обладают отдельные судебные акты или действия арбитражного управляющего по внесению в реестр записей², а также ряд других обстоятельств в сфере банкротства (например, заявление о включении в реестр требований, см. следующий параграф). Именно поэтому, если заинтересованный кредитор считает неправильной запись в реестре или необоснованным и неправомерным определением суда, которым ему отказано во включении в реестр, то он обжалует саму запись или определение суда, а не сам реестр.

Конечно, реестр требований кредиторов можно рассматривать как «документ» и даже «акт», создаваемый лицом, специально уполномоченным государством, но и в таком случае в нем трудно увидеть признаки юридического факта, т.е. обстоятельства, порождающего правовые последствия³. Если даже его рассматривать как нетипичный юридический факт («юридическое обстоятельство», «юридическое состояние» и т.п.)⁴, остается вопрос о том, когда и как именно законодатель усматривает способность реестра требований влиять на изменение правовой среды?

Полагать, что реестр требований кредиторов есть «длящийся юридический факт» нельзя потому, что он не просто длится, а создается

С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М.: Волтерс Клувер ; Рожкова М.А. Юридические факты гражданского и процессуального права. М.: Статут, 2009.

¹ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1-16.1. Гражданского кодекса Российской Федерации [электронное издание. Редакция 1.0.]/Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С.508–509.

² См. об этом следующий параграф работы.

³ Данное обстоятельство в теории юридических фактов является решающим для признания юридическим фактом. Отдельные же записи или их аннулирование не есть сам реестр.

⁴ Наличие таких юридических фактов признается в литературе (см.: Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица. Блага. Факты. М.: Юрайт, 2011. С. 487).

(формируется) постепенно, т.е. есть явление, способное к изменениям. Вместе с тем, данное же обстоятельство позволяет сделать важный вывод — реестр требований кредиторов есть динамичная (изменяемая) совокупность данных, излагаемая системно (во взаимосвязи своих элементов), отражающая содержательные результаты процедур и действий.

В реестре требований кредиторов надо различать его внешние (эксплицитные) и внутренние (имплицитные, содержательные) свойства. С внешней стороны это всегда именно «записи», ведущиеся по определенной форме. Но они осуществляются последовательно (развернуто), применительно к результатам отдельных процедур и актов, и в этом плане выражают также основания динамики процесса несостоятельности (банкротства). Отметим, что в соответствии с п. 5 Общих правил ведения реестра арбитражный управляющий при внесении каждого изменения в записи должен указать и основание для этого. Одним словом, в реестре требований кредиторов присутствует и ретроспективный взгляд, говорящий о юридически значимых обстоятельствах (основаниях) записей.

Таким образом, в содержании реестра требований кредиторов присутствует и временной (темпоральный) аспект, позволяющий увидеть события, действия и иные юридические факты, происходящие в их последовательности во времени. В соответствии с п. 4 Общих правил ведения реестра, «записи вносятся в хронологическом порядке». Это не застывшие данные, они показывают изменения, в реестр вносятся новые сведения, есть начальная стадия ведения и есть завершение (закрытие реестра), реестр требований кредиторов представляет собой «открытую систему информации». Вносить запись следует в день поступления определения суда. В этой связи к реестру предъявляется особое требование об актуальности (соответствии времени).

Темпоральный аспект в частности позволяет увидеть изменения функций реестра требований кредитора на различных стадиях дела о несостоятельности. Несомненно, важнейшая его задача состоит в том, чтобы

отражать объем и очередность требований кредиторов¹.

Процесс формирования реестра требований кредиторов связан с разнонаправленностью интересов практически всех участников процедур несостоятельности (банкротства), включая не только кредиторов, инвесторов кредиторов², органы местного самоуправления и арбитражных управляющих³ (хотя формально, казалось бы, подобного и не должно быть). В таком случае реестр требований кредиторов надо воспринимать не только как систему сведений о требованиях, он есть и отражение (итог) взаимосвязанных результатов правовых оценок, разрешения разногласий и споров, что выражено в отказе включить требование в реестр, так и в удовлетворении заявлений другого кредитора, в размере долга, месте в очереди и пр.

Особое значение для оценки реестра требований кредиторов имеет то обстоятельство, что сведения, входящие в реестр, представляют собой результат своеобразного взаимодействия двух сфер правового механизма. С одной стороны, это личные волевые действия участников отношений несостоятельности (например, заявление о включении требования в реестр или возражение против включения требования конкурирующего кредитора), а, с другой, это акты правовой оценки данных действий судебным органом. Более того, данные реестра, как итоги рассмотрения соответствующих заявлений, ходатайств, требований, фиксируют на определенный момент не только притязания кредиторов, но и долги должника, что позволяет передать состояние (характеристики) конкретных правоотношений.

¹ Однако на стадии наблюдения чрезвычайно важно достаточно быстро организовать и провести первое собрание кредиторов. Поэтому арбитражный управляющий обязан оперативно провести его, кредиторы в этих целях направляют требования к должнику в течение тридцати календарных дней с даты опубликования сообщения о введении данной процедуры (п. 1 ст. 71 Закона о банкротстве). Естественно, в ходе дальнейших процедур состав кредиторов и размер требований по различным причинам может измениться, но на данном этапе роль реестра требований несколько иная.

² См.: Алиев А.Р. К проблеме конфликта интересов при принудительном банкротстве юридических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 53–57.

³ См.: Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. 2012. № 3. С. 19–26; Кузнецов С. В. Конфликт интересов субъектов банкротства коммерческих организаций // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 226–229.

Следовательно, реестр требований кредиторов представляет собой специальную систему взаимосвязанных данных о характеристике отношений должника и кредиторов, включая сведения об обстоятельствах, послуживших основаниями возникновения долга, и подчиненную в механизме правового регулирования несостоятельности задаче последовательно и непротиворечиво отражать результаты соответствующих стадий рассмотрения дела для полного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов.

В основе реестра лежат данные о непогашенной задолженности, составляющей содержание соответствующих отношений (прежде всего — обязательств и налоговых отношений). К моменту установления несостоятельности данные отношения (до закрытия реестра) трудно признать прекращенными, они не исчезают¹. Если применительно к гражданско-правовым обязательствам это видится несомненным², то в отношении обязанностей по уплате налогов и обязательных платежей вопрос оказался спорным³. Представляется, имеющиеся отличия в характере указанных отношений вполне нивелируются их имущественным содержанием⁴, само существование долга как элемента данных правоотношений выступает предпосылкой и условием введения процедур банкротства.

¹ Если полагать, что они просто прекращаются путем «трансформации» в отношения «должник – множество кредиторов», то остается не ясным, на основе чего до завершения дела кредитор сохраняет возможность оспаривания и возражений относительно объема и очереди в реестре.

² Если только не доказать, что в связи с несостоятельностью они оказываются прекращенными. Но это сделать весьма трудно, поскольку глава 26 ГК РФ, посвященная основаниям прекращения обязательств, не дает почвы для подобного вывода. Не относится к ним и прекращение обязательств в силу ликвидации юридического лица (ст. 419 ГК РФ), поскольку, как известно, несостоятельность нельзя смешивать с ликвидацией.

³ Часть исследователей полагает, что в случае признания несостоятельности должника данные отношения изменяют свою характеристику, из властных (административных) становятся частноправовыми (см., например: Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 44–52). Возражая, С.А. Карелина указывает, что было бы правильно считать, что сами эти отношения остаются неизменными, изменяется лишь состояние прав и обязанностей (см.: Карелина С.А. Защита прав и законных интересов кредиторов и должника при осуществлении процедур несостоятельности (банкротства) // Предпринимательское право в рыночной экономике: Новая правовая культура, 2004. С. 146–156).

⁴ Любопытное объяснение их принципиального единства давал К.Д. Кавелин. Он полагал, что обращение с индивидуальным требованием к гражданину заплатить налог есть требование исполнить обычную обязанность, поэтому он включал налоговые отношения в предмет гражданско-правового регулирования (см.: Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 97).

Таким образом, правовая природа реестра требований¹ кредитора в делах о несостоятельности (банкротстве) предопределена необходимостью выяснить наличие всех обоснованных прав кредиторов, универсальная задача конкурсного производства, независящая от времен, уровня развития экономики и особенностей того или иного правопорядка, состоит в том, чтобы учесть и справедливо распределить имеющееся имущество должника. Сообразно этому, и составление реестра требований направлено на то, чтобы выявить кредиторов и объем требований, ранжировать их определенным образом.

Вряд ли можно считать, что правовая природа реестра требований кредиторов связана с особыми характеристиками и компетенцией самого арбитражного управляющего: у него лишь учетно-организационные функции. Известно, что составление сведений, аналогичных современному реестру требований кредиторов, в различные периоды времени поручалось и специально назначенному лицу (*magister*), и чиновникам муниципальных служб, и самим кредиторам, и судебным органам, либо действующим при них уполномоченным должностным лицам. В последнем случае примером может быть «*Rechtspfleger*» — «специализированный юрист» в судах Германии, принимающий на себя все функции по ведению дела с момента открытия конкурсного производства. Таким образом, можно сделать вывод об объективной необходимости самой функции (ведения реестра), вне зависимости от того, кто именно ее осуществляет. Это необходимо и при полном отсутствии конкурсной массы, и единственном кредиторе.

В контексте вопроса о сущности и правовой природе реестра требований уместно затронуть его связь с определенным сегментом правового регулирования. Ведение реестра требований кредиторов (через существо требований, порядок рассмотрения дела) определенным образом связано и с материальным гражданским правом, и гражданским

¹ Суды неоднократно отмечали, что вопрос о включении требований в реестр в решающей степени связан с их правовой природой (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от апреля 2019 г. № 304-ЭС18-14031 // СПС «КонсультантПлюс»).

(арбитражным) процессом, и исполнительным производством. Так же и порядок ведения реестра, его содержание объективно находятся в определенной взаимосвязи с нормами всех названных областей регулирования, но в разной степени и неодинаковым образом. Так, если гражданско-правовые нормы предопределяют само наличие тех или иных требований, их величину, а в необходимых случаях позволяют понять момент возникновения или прекращения, то процедуры реализации данных требований, порожденных материальным правом, во многом определяются нормами АПК РФ. Заметны и признаки исполнительного производства, поскольку данные о кредиторах и размере долга выступают как информационная основа для удовлетворения установленных судом требований¹. Однако вряд ли есть возможность утверждать то, что какой-то определенный компонент правового регулирования непременно доминирует или наиболее важен².

Здесь методический интерес представляют суждения Г.Ф. Шершеневича о соотношении норм о несостоятельности (банкротстве) с взаимосвязанными частями правового регулирования. Он совершенно определенно указывает на их зависимость и обусловленность, но в правилах о банкротстве выделяет особый сегмент, называя его «формальное конкурсное право». К числу таких положений ученый относит порядок «выбора кураторов, порядок проверки предъявляемых требований», «порядок выдачи причитающихся на долю каждого кредитора денежных сумм» и т.д. Таким образом, «формальное конкурсное право» имеет своей

¹ По мнению ряда авторов, конкурсное производство вообще правильно относить к особому виду исполнительного производства (см.: Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде. СПб.: Юридический центр «Пресс» [электронное издание], 2004. С. 49–57).

² Этим вопросам посвящено немало исследований, но важно учитывать, что те или иные процедуры применяются практически по всех сферах современной жизни, тем более там, где действует право (см.: Сахнова Т.В. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 9–24). Из этого не следует, что процедурный аспект «поглощает» существо дела и соответствующих (спорных) правоотношений. И было бы правильно говорить, что судебная процедура есть лишь особый порядок рассмотрения соответствующих дел, в том числе дел о банкротстве. Эта позиция вполне удачно выражена рядом авторов (см., например: Зувев Д.Ю. Специфика применения правил искового производства в делах о несостоятельности (банкротстве) // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 190–208).

целью «доставить всем кредиторам справедливое и равномерное, хотя и не полное, удовлетворение, и тем предупредить всякие преимущества одного верителя перед другим»¹. Возможно, сегодня именовать данную группу норм лучше как-то иначе, да и слово «формальное» в приведенном тексте Г.Ф. Шершеневича выражает именно аспект организации специальных процедур банкротства для учета и определения веса каждого требования в их совокупности.

Действительно, оценивая направленность различных норм, применяемых при несостоятельности (банкротстве), относительно легко обнаружить значительное своеобразие и единство тех правил, которые отвечают на вопросы о том, кто и с каким объемом требований в конкурсе участвует, надо ли кого-то не допускать к конкурсу, как следует ранжировать различные требования и т.п. Такие нормы, посвященные собственно конкурсу, уникальны, отсутствуют как в гражданском праве, так и в гражданском (арбитражном) процессе, а равно и в законодательстве об исполнительном производстве.

Относятся к ним и нормы (правовой субинститут) порядка формирования и ведения реестра требований кредиторов, позволяющего разрешить ряд важных специальных вопросов. Поэтому, с точки зрения архитектоники правового регулирования отношений несостоятельности, правила о ведении реестра примыкают не к нормам материального или процессуального права², а связаны и логически взаимодействуют со специфическими нормами об организации и осуществления процедур, позволяющих распределить конкурсную массу.

Содержание ст. 1 Закона о банкротстве позволяет все отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством), условно разделить на две

¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2013. С. 102–107.

² Разумеется, процессуальные нормы определенным образом влияют на реестр требований кредиторов и правовые возможности кредиторов. Например, если кредитор подал заявление, но не завершено рассмотрение вопроса об этом конкретном требовании, оно не включается в реестр. Хотя права кредиторов оказываются различными, все же это объяснимо тем, что права некоторых кредиторов могут еще не пройти проверки суда (см., например, Шевченко И.М. О правах кредиторов по делу о банкротстве, чьи требования приняты к производству, но не установлены определением суда // Арбитражные споры. 2014. № 2. С. 112–123).

большие группы: а) предшествующие несостоятельности и вызвавшие ее (это, прежде всего, обязательства, возникающие по основаниям, предусмотренным Разделом III ГК РФ), б) возникающие в процессе несостоятельности по поводу применения специальных норм (в том числе процессуальных) и последующие (после признания должника банкротом). В таких случаях, хотя отношения и оказываются измененными («модернизированными», «трансформированными»), все же они существуют сами по себе, не являются какими-то особыми, т.е. сохраняют свою исходную природу — договорных, корпоративных и других правоотношений. Так, если кредитор, являющийся участником договора долевого участия в строительстве, включается в реестр требований кредиторов как лицо, имеющее право получить денежную сумму (а не жилое помещение в натуре), то у него, очевидно, сохраняется статус кредитора, но изменяется правовой режим осуществления его прав.

Вторая группа отмеченных правоотношений весьма многочисленна и включает отношения: по признанию несостоятельности, по утверждению арбитражного управляющего, по введению той или иной процедуры банкротства, иные отношения, отражающие динамику рассмотрения дела, включая отношения по распределению имеющегося имущества должника (расчеты с кредиторами, ст. 142 Закона о банкротстве) и т.д. При этом возникают самые различные по характеру отношения, в том числе организационные (например, при созыве и при проведении заседания комитета кредиторов), процедурные (например, о порядке извещения кредиторов), процессуальные отношения, подчиняющиеся нормам АПК РФ.

Определяющей для рассматриваемых отношений является группа норм, позволяющая установить круг лиц, имеющих право на удовлетворение требований из имеющегося имущества должника, осуществить их ранжирование, и распределить между кредиторами. Данный сегмент нормативно-правового регулирования является уникальным, является не известным ни одной отрасли права и ни одному правовому

институциональному образованию. Функциональным элементом данной группы норм является реестр требований кредиторов как строгая и ведущаяся по определенным правилам система учета данных требований в качестве юридически значимых притязаний. В литературе отмечается, что институт формирования требований кредиторов, а также оспаривание данных требований, — «краеугольный камень законодательства о банкротстве»¹. И, на самом деле, именно на основе реестра требований кредиторов решаются наиболее острые вопросы банкротства, в нем отражается сам факт наличия требований, параметры для их очередности, определяются кредиторы, на основе реестра производятся расчеты с ними, исходя из реестра определяются кредиторы, имеющие право избирать состав кредиторских органов, сведения реестра устанавливают и пределы обязанностей должника².

Субинститут реестра требований кредиторов, равно как и само законодательство о несостоятельности (банкротстве), не является и не может являться средством поддержки и обеспечения интересов только кредиторов (хотя в его официальном наименовании названы именно они). Попытки выделить центральную фигуру в данном случае вряд ли могут быть обоснованы по целому ряду причин, хотя относительно законодательства о несостоятельности в целом непрерывно ведутся обсуждения и споры³. Реестр требований кредиторов (его содержание) отражает объективную ситуацию задолженности и в равной мере направлен на поддержку правового положения как кредиторов, так и должника, реестр нейтрален и в отношении каждого кредитора (вопрос о том, почему одни кредиторы обладают

¹ Борк Р. Экономический анализ права конкурсного оспаривания // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 150–166.

² Хотя, как и многие правовые явления, реестр требований кредиторов полифункционален, например, данные реестра являются доказательственной базой, сумма требований в реестре выступает предельной величиной для выплат кредиторам и т.д.

³ Так, С.А. Карелина выделяет пять основных моделей, отличающихся тем, в чью пользу «настроены» нормы законодательства, см.: Банкротство: в поисках «золотой середины» // Эффективное антикризисное управление [Электронный журнал]. URL: http://www.info.e-c-m.ru/magazine/91/eau_91_382.htm (дата обращения – 22.03.2019). По мнению Е.Г. Дорохиной, можно говорить о трех моделях – «продолжниковой», «прокредиторской», «нейтральной» (см., например: Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // СПС КонсультантПлюс»).

приоритетом, а другие — нет, является не вопросом реестра, а вопросом направленности законодательства в целом). Более того, вряд ли правильной, разумной и эффективной окажется любая модель несостоятельности (банкротства), если она будет построена на предпочтениях определенной группы участников данных отношений.

Как правило, современный правопорядок развитых стран исходит из соображений построения сбалансированной системы воздействия на участников отношений несостоятельности, не отдавая явного предпочтения определенным лицам. Иногда утверждается, что, например, законодательство о банкротстве США носит «продолжниковый» характер¹. Действительно, в законодательстве этой страны доминирует идея о том, что «закон о банкротстве дает людям и компаниям США шанс на возрождение, чтобы они снова смогли стать активными членами общества и налогоплательщиками»². Однако анализ соответствующих актов и оценки экспертов позволяют говорить, что в этой стране, а равно и в большинстве других, установлена достаточно гибкая система воздействия, где значительное количество норм содержит особые возможности именно для кредиторов. Так, установление в законодательстве США разнообразных правил об отсрочках, наличие процедур предотвращения банкротства и реорганизации, вместо ликвидации с долгами преследует целью именно возврат имущества кредиторам³. Собственно говоря, всякая жесткая и действующая прямолинейно система норм, ориентированная лишь на кредиторов или, наоборот, должников, на самом деле и не возможна, и не желательна, поскольку интересы кредиторов и должников, при всей кажущейся парадоксальности подобного утверждения, объективно взаимозависимы.

Изложенное позволяет считать, что:

¹ См., например: Одинцов С. Применение в США «субстантивной консолидации» в делах о банкротстве корпоративной группы // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 5.

² Законодательство о банкротстве США. (Тезисы доклада судьи Сиднея Брукса, федеральный суд банкротства США, Денвер-Колорадо) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1993. № 8. С. 57–63. Примером может быть и то, что миллионер и действующий президент США Д. Трамп неоднократно проходил процедуру банкротства.

³ См.: Студенцова О.А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 105–107.

- обеспечение единства и устойчивости законодательства о несостоятельности (банкротства), его системности и комплексности связано со специфическими общими положениями (концептами): о сохранности имущества должника, необходимости максимального наполнения конкурсной массы в целях справедливого и пропорционального удовлетворения требований, концентрации рассмотрения всех вопросов в одном процессе (банкротный специалитет), подчинения норм смежных отраслей законодательства правилам Закона о банкротстве (банкротный приоритет);

- в системе регулирования отношений несостоятельности (банкротства) реестр требований кредиторов: а) выполняет организационно-информационную функцию относительно требований кредиторов; б) отражает темпоральный (временной) аспект развития процедур несостоятельности; в) обладая эксплицитными (внешними) и имплицитными (содержательными) свойствами, заключается в записях, последовательно отражающих результаты отдельных процедур (динамику процесса несостоятельности); г) выражает взаимодействие двух сфер правового механизма: личных инициативных действий участников отношений несостоятельности и правовых оценок судебных органов; д) содержит характеристику состояния конкретных правоотношений;

- реестр требований кредиторов предназначен для отражения в актуальной форме итогов противостояния заинтересованных лиц и, прежде всего, конкурсных кредиторов (иначе было бы достаточно заявительной или аналогичной системы учета требований). Первопричиной (основой) активных действий кредиторов является личный имущественный интерес;

- правовой субинститут формирования реестра требований кредиторов, с точки зрения архитектоники правового регулирования отношений, не известен иным институциональным правовым образованиям, уникален и является определяющим для правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). Правила о формировании и ведении

реестра требований кредиторов не относятся к материальному или процессуальному праву, функционально взаимодействуя именно с нормами законодательства о несостоятельности (банкротстве);

- с точки зрения реализации задач правового регулирования в структуре норм законодательства о несостоятельности следует выделять базовые и специальные уровни регулирующего воздействия. Базовый (основной) уровень сконцентрирован на разрешении единой, но решаемой поэтапно задачи: принятия мер по сохранению экономической единицы при несостоятельности и максимально полного и справедливого удовлетворения прав кредиторов. Специальный уровень изменчив и отражает текущие потребности решения отдельных (частных) задач;

- всякая жесткая и действующая прямолинейно система норм, ориентированная лишь на кредиторов или, наоборот, должников, на самом деле и невозможна, и нежелательна, поскольку интересы кредиторов и должников, при всей кажущейся парадоксальности подобного утверждения, объективно взаимозависимы.

§ 2. Формирование реестра требований кредиторов и его этапы

В отношении реестра требований кредиторов нередко используется категория «формирование», хотя Закон о банкротстве раскрывает ее содержание¹. Исходя из общего лингвистического смысла, данная категория, конечно, может пониматься и как процесс (последовательность) включения тех или иных сведений в реестр (учинение в реестре управляющим необходимых записей). Однако применительно к рассматриваемым вопросам, учитывая предназначение реестра для разрешения конкретных правовых вопросов и в условиях существования различных процедур

¹ Данный термин применяется и в нормативных актах и актах судов. Например, так и называлась глава 23 Положения Банка России от 9 ноября 2005 г. «О временной администрации по управлению кредитной организацией» (ныне утратило силу), см. также определение Девятого апелляционного арбитражного суда от 24 февраля 2020 г. № 09АП-75624/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

банкротства, категория «формирование» должна иметь специфическое значение. В частности, сведения, включенные в реестр требований кредиторов, не могут восприниматься автономно, изолированно друг от друга, они взаимосвязаны (т.е. следует признать, что реестр требований есть именно «система»). Поэтому речь должна идти не об отдельных записях (иначе достаточно было бы слова «включение»), а о «формировании», т.е. о придании им определенной «формы» (предусмотренного законом целостного содержания). Такая информация способна быть функциональной и юридически значимой лишь при определенных обстоятельствах: а) быть полной и актуальной (отражать реальное положение дел), б) выражать итоги некоторых завершившихся правовых оценок и процессов, и в) удовлетворять задачам процедур несостоятельности.

В литературе данная категория обычно рассматривается как средство организации порядка удовлетворения требований кредиторов¹, в судебной практике «формирование» реестра требований также нередко именуется средством «максимального удовлетворения требований кредиторов»². В зарубежном законодательстве используются выражения с близким значением³.

Законодательство не выделяет каких-либо этапов при формировании реестра, но это возможно на основе различных критериев. Например, этапы могут быть выделены исходя из применяемой процедуры банкротства. Действия по включению требований в реестр могут также быть разделены на «правовые» (внесение записей, предусмотренных п. 1 Общих правил) и «технические» (подготовка и отправление данных для включения в Единый

¹ См., например: Лысенко А.Н. О некоторых правовых вопросах, связанных с порядком формирования реестра требований кредиторов в деле о несостоятельности (банкротстве) застройщиков // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 101–114.

² См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2020 г. № 09АП-75624 по делу № А40-82161/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. также следующий параграф.

федеральный реестр сведений о банкротстве, предоставление данных кредиторам, публикация, оформление реестра с необходимыми элементами¹).

Уместно также выделение этапов формирования реестра, характеризующих динамику рассмотрения дела, в числе которых, безусловно, можно назвать: а) заявление кредитора о включении в реестр, б) проверку обоснованности и размера требований кредиторов, в) определение очередности требований кредиторов, г) оценку возможности субординации требований и применение данного порядка изменения очередности, д) внесение записей в реестр, е) закрытие реестра требований.

Формирование реестра требований кредиторов исторически² начиналось с акта заинтересованного лица — кредитора — об учете его прав в конкурсном процессе (в разные времена использовались различные наименования — «просьба», «ходатайство», «заявление»).

С правовой точки зрения подача заявления должна оцениваться как самостоятельный юридический факт, соответствующий ст. 8 ГК РФ³. Но не вполне решен вопрос о том, к какой группе юридических фактов его надо отнести. Законодатель не дает исчерпывающего перечня юридических фактов и не стремится, по общему правилу, предусмотреть правовые последствия неверного (ошибочного) определения того или иного юридического факта. Однако необходимость правовой квалификации заявления кредитора крайне важна для выработки отношения к нему, в том числе в ситуациях, прямо не предусмотренных в законодательстве. С одной стороны, заявление кредитора, казалось бы, «юридический акт», т.е. волевое

¹ Так, если арбитражный управляющий не проставляет дату и подпись на каждой странице, не сообщает о проведении собрания кредиторов, это может служить основанием для привлечения к административной ответственности на основании ч. 3 ст. 14.13. КоАП РФ (см., например: постановление Верховного Суда РФ от 2 августа 2016 г. № 306-АД16-6875 // СПС «КонсультантПлюс»).

² Сама потребность в реестрах или аналогичных данных возникла лишь тогда, когда произошел отказ от первичных, совершенно не развитых методов разрешения проблемы несостоятельности (например, передачи должника, включая его семейство, «с головою» кредиторам). Но уже с появлением таких форм, как арест имущества должника и его реализация по правилам *venditio bonorum*, возникла необходимость определенно выяснять размер требований конкретного кредитора, соотносить его с требованиями других, а также противостоять искам кредиторам (см. об этом: Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 10–12).

³ На наш взгляд, точнее говорить, что это элемент в сложном юридическом составе, поскольку только заявления недостаточно для того, чтобы получить соответствующие денежные средства.

действие, преследующее достижение определенной цели (однако только в силу заявления цель еще не может быть достигнута). В этом смысле он близок к сделкам (ст. 153 ГК РФ), но явно не относится к ним, поскольку правовые последствия предопределяются не волей соответствующего кредитора. Полагаем, он должен быть отнесен к тому же типу, что и ряд других «сделкоподобных действий», отличающихся от сделок тем, что правовые последствия вызываются не намерением лица, а правовой нормой¹. В принципе, в этом ничего удивительного нет, так как такие действия нередко встречаются в праве².

Таким образом, заявление кредитора о включении в реестр есть одна из разновидностей действий, близких к сделке, но отличающихся от нее необходимостью опираться не только на волю субъекта. Такие юридические факты известны по теории юридических фактов, желаемый их эффект возникает лишь в совокупности с другими обстоятельствами³.

В современной судебной практике заявление кредитора о включении в реестр требований кредиторов часто оценивается как «аналогичное исковому заявлению»⁴. Соответственно этой позиции, и на заявление об отказе от включения в реестр должны распространяться общие правила об отказе от иска (если иное не установлено специальными нормами)⁵.

Действительно, в данном случае можно говорить об определенной аналогии. Например, с исковым заявлением заявление о включении определенного требования в реестр кредиторов объединяет волевой аспект:

¹ См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к ст. 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [электронное издание. 1.0.]/Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 507–508 (автор комментария к ст. 8 – А.А. Павлов).

² См., например: Кулаков В.В., Филиппова С.Ю. Правовые последствия совершения действий, не являющихся сделками // Гражданское право. 2020. № 3. С. 15–21.

³ К ним, в частности, относят исполнение обязательств, решения собраний, согласие на совершение сделки, юридически значимые сообщения и даже признание долга (см., например: Бисултанов Я.Х.-М. Действия, свидетельствующие о признании долга по ст. 203 ГК: теоретическая конструкция и соотношение с признанием долга по ст. 206 ГК // Закон. 2018. № 2. С. 175–191).

⁴ См. п. 8 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах применения практики Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

⁵ Отказавший от требования в процессе по заявлению другого кредитора, кредитор утрачивает и право на предъявление требования с тем же предметом и тем же основанием в процессе, инициированном по собственной инициативе, см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 февраля 2020 г. № 305-ЭС19-21315 // СПС «КонсультантПлюс».

кредитор сам решает вопрос о необходимости и целесообразности его подачи. Нельзя понудить кредитора направить заявление о включении в реестр (за исключением случаев, когда это составляет и обязанность лица)¹.

Определенное сходство не дает оснований отождествлять заявление о включении требования в реестр и исковое заявление: у них не совпадает ряд существенных признаков, в том числе в случае заявления кредитора нет «спора о праве»². Это часто порождает мнение о возможности рассматривать процедуры банкротства как особое производство, а заявление о включении требований кредиторов в реестр как заявление об открытии особого производства. Полагаем, хотя при подаче заявления о включении требования в реестр и есть некоторые признаки особого производства, а также иных процедур, но имеются и совершенно специфические черты, что позволяет оценивать заявление кредитора как вполне самостоятельное юридически значимое действие — как с процессуальной, так и с материально-правовой точки зрения.

Не является заявление о включении в реестр и способом защиты права (ст. 12 ГК РФ), если не смешивать категории «охраны» и «защиты». Это видится очевидным уже из того, что здесь нет возможности указать, кто и какое право нарушил. Полагаем, что, поскольку права кредитора, вытекающие из соответствующего требования, пока не реализованы, в условиях конкурса данное обстоятельство позволяет рассматривать заявление о включении в реестр как судебный способ реализации прав. Разумеется, если кредитор, например, обжалует включение в реестр требований других кредиторов, либо обжалует действия арбитражного управляющего, отказавшего во включении требования в реестр, признаки защиты права появляются.

Если сам по себе реестр требований нет оснований относить к

¹ «Обращение в суд является правом, а не обязанностью кредитора» (Обзор судебной практики рассмотрения требований кредиторов в делах о банкротстве) от 17 октября 2008 г. Арбитражного суда Владимирской области // СПС «КонсультантПлюс»).

² На это обоснованно указывает, например, А.В. Попов (см.: Попов А.В. Особенности судебного процесса по делам о банкротстве // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2004. № 3. С.54–59).

юридическим фактам, то записи арбитражного управляющего в реестр (или отказ в их совершении) следует признать юридическими фактами. Например, только при наличии заявления кредитора и отказе арбитражного управляющего включить в реестр определенное требование может рассматриваться соответствующая жалоба кредитора и иных лиц (ст. 60 Закона о банкротстве). Таким образом, записи арбитражного управляющего могут входить в качестве элемента сложного юридического состава, влияющего на динамику процессуальных отношений.

В судебной практике признано, что сами по себе данные реестра требований кредиторов не могут рассматриваться как доказательство долга или как признание задолженности. При формировании реестра арбитражный управляющий совершает записи исключительно от собственного имени (а не от имени должника и не от имени кредиторов)¹.

Таким образом, общий правовой смысл заявления о включении в реестр заключается не только и не столько в просьбе осуществить выплату долга, а согласие участвовать в процессе для взаимосвязанной оценки всех требований, касающихся имущества должника, готовность подчиняться правилам, связующим кредитора и должника, и, при недостаточности конкурсной массы, уменьшить величину долга.

Следующим этапом формирования реестра требований кредиторов следует назвать проверку обоснованности и размера требований кредиторов судом². Включать или не включать требования в реестр решает суд своим определением (ст. 71 Закона о банкротстве). Данный этап отражает проведение специальной судебной процедуры, позволяющей выяснить наличие требований, их размер и соответствие законодательству о несостоятельности; правовая же природа притязаний кредиторов вытекает из ранее возникших субъективных прав в отношениях с должником.

¹ См., например: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 декабря 2004 г. № ФО9-4040/04ГК // СПС «КонсультантПлюс».

² Действия на этом этапе близки установлению требований, но последняя категория логически шире. О вопросах установления требований см. § 2 главы 2.

Поскольку, строго говоря, установление требований заключается в проверке обоснованности и размера заявленных требований, самостоятельным этапом должно быть названо определение очередности требований. По смыслу Закона о банкротстве, в том числе ст. 134, удовлетворение требований кредиторов осуществляется на основе принципов справедливости, соразмерности и пропорциональности. Одним из критериев, позволяющих установить требуемую пропорциональность, является очередность погашения требований. Как правило, суд определяет очередность при принятии соответствующего судебного акта, но при отсутствии прямого указания в судебном акте очередность должен определить арбитражный управляющий.

До удовлетворения очередных требований происходит удовлетворение так называемых «внеочередных» кредиторов¹ (таких очередей пять, включая требования залоговых кредиторов). Первые две очереди (преференциальные) кредиторов вполне объяснимы².

Третья (основная) очередь состоит из требований конкурсных кредиторов. Надо отметить, что в пределах каждой из трех указанных в законе очередей фактически сформировались и своеобразные «подочереды». Так, требования по взысканию неустоек подлежат удовлетворению после погашения всей суммы основной задолженности, также после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр, происходит удовлетворение требований по сделке, признанной недействительной на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве. «Дополнительная очередь» появилась при возникновении обязательств должника в условиях соглашений с аффилированными лицами

¹ Предполагается, что они не находятся в конкуренции с очередными кредиторами. Но это верно лишь в нормативно-правовом смысле, так как объективно (математически) удовлетворение требований первых (внеочередных) приводит к уменьшению ограниченного имущества должника. Данное обстоятельство служит обоснованной почвой для обсуждения уместности сохранения отдельных категорий внеочередных кредиторов.

² Эти требования имеют очевидную социальную направленность, поскольку речь идет о требованиях именно граждан о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, и выплатах выходных пособий, заработной платы, а также вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Здесь также можно выделить свои подочереды.

(см. также параграф 2 гл. 3 работы). Более того, возникли разные способы определения очереди удовлетворения требований: на основе календарной даты, «послеочередной», как «отдельный учет» в определенной очереди¹ и т.д.

Это свидетельствует, по мнению ряда авторов, об отсутствии «единого замысла»². Наличие «подочереди» привело к тому, что, например, «четвертой» очередью именуют расчеты с кредиторами по удовлетворению требований по сделке, признанной недействительной на основании п. 2 ст. 61.1 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве. Иногда «четвертой» очередью (в том числе суды) называют очередь кредиторов, являющихся дольщиками в договорах строительства с долевым участием, если такое требование продолжает обеспечиваться залогом незавершенного строительства и земельного участка³. Особую «подочередь» образуют владельцы облигаций без срока погашения, поскольку они удовлетворяются после удовлетворения требований всех кредиторов.

Развитие практики рассмотрения дел о несостоятельности, прежде всего, Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ, свидетельствует о тенденции «обнаружения» все новых деталей и нюансов в поведении кредиторов, позволяющих усматривать различия в степени их влияния на несостоятельность должника и объем конкурсной массы. В результате появилась «пятая» очередь («опоздавшие» кредиторы) и «шестая» (следующие за ними)⁴. Эти нюансы важны, поскольку они существенно

¹ Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты и указала, что требование об уплате неустойки за нарушение сроков строительства выполняет компенсационную функцию. Оно подлежит «отдельному учету» в четвертой очереди реестра кредиторов застройщика, см. Определение от 3 октября 2016 г. № 305-ЭС16-6006 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом, например: Комментарий к Федеральному закону от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный)/под. ред. Е.А. Рыбасовой. М.: Юстицинформ, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Семнадцатого апелляционного арбитражного суда от 24 апреля 2014 г. N 17АП-4165/2011-ГК по делу № А50-14741/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В этой связи весьма симптоматично Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 26 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная коллегия отметила, что «требования кредиторов об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга должны удовлетворяться после требований как кредиторов третьей очереди, так и «опоздавших» кредиторов (далее – пятая очередь), но приоритетно перед лицами, получающими имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве, пункта 8 статьи 63 Гражданского кодекса

вливают и на экономические показатели, и на правовое положение тех или иных кредиторов. Так, требования кредиторов «пятой» очереди не учитываются при определении количества голосов на собрании кредиторов, но они могут в них участвовать без права голоса. Такие кредиторы также имеют некоторые другие права, например, право на самостоятельное оспаривание сделок по специальным основаниям (п. 2 ст. 61.9), задолженность перед ними учитывается при исчислении размера субсидиарной ответственности (п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Все это с высокой долей вероятности позволяет прогнозировать — по мере развития судебной практики и обнаружения новых проблем — появление новых «очереди» и «подочереди» в рамках суммы требований конкурсных кредиторов. При таких обстоятельствах неизбежно возникает мысль о целесообразности не просто уточнения положений об очередности, а о выработке концептуального взгляда на установление очередности конкурсных кредиторов, выяснение соотношения отдельных элементов очередности (включая «подочереды»)¹.

Очередность как последовательное («одно за другим») удовлетворение требований (и соответствующих платежей) имеет ряд исключений. Например, часть средств от продажи объекта залога в силу п. 1 ст. 138 Закона о банкротстве может быть направлена не залоговому кредитору, а на другие цели. В соответствии с нормой п. 4 ст. 71 данного Закона, при указании очередности требований владельцев облигаций надо учитывать также очередность удовлетворения требований, установленную условиями их выпуска. Здесь имеется в виду, что выпуск данных ценных бумаг может

Российской Федерации. Тем самым достигается баланс между недопустимостью ущемления прав кредиторов, понесших негативные последствия от вступления в отношения с должником, и правами кредитора по непрекращенному обязательству со встречным исполнением».

¹ Вопрос о возможных переменах в установлении очередности объемов и требует отдельного обсуждения. В целом же мы полагаем необходимым установить минимальное количество очередей, исключить «подочереды» с одновременным введением значительного количества преференциальных кредиторов, обладающих теми или иными преимуществами (например, для лиц, оказавших содействие кредитору в период кризиса и т.п.). Данная проблема не может быть успешно разрешена без увязки с реализацией рекомендаций указанного ранее Руководства ЮНСИНТРАЛ в части очередности и применения других способов оценки поведения кредиторов (например, субординации требований) помимо собственно установления той или иной очереди.

осуществляться с обеспечением с разной очередностью исполнения обязательств. Это вызвано, в частности, тем, что один и тот же обеспечительный актив (например, залог, поручительство) может обеспечивать и другие выпуски¹, в результате ранее обеспеченный выпуск может иметь приоритет по удовлетворению. Требования могут уточняться, что потенциально способно привести и к корректировке очередности².

Само по себе наличие очередей конкурсных кредиторов вряд ли вызывает возражения, соответствует общим задачам конкурсного процесса, но проводится не всегда ясно и мотивированно. В одних случаях заметно стремление несколько наказать аффилированного кредитора, поскольку остается подозрение, что он причастен к банкротству³, в других приоритет в очереди устанавливается только потому, что более значимыми закон усматривает трудовые отношения.

Явно требуется совершенствование правил об очередности. Уже сейчас очевидна необходимость пересмотреть состав и основания выделения двух первых очередей, а также «текущих платежей»⁴. А относительно третьей очереди важно увязать установление очередей с проводимой процедурой (т.е. состав очередей может и должен отличаться⁵). Не затрагивая вопроса о

¹ Данные правила предусмотрены в актах центрального регулятора, см.: Положение Банка России от 11 августа 2014 г. № 428-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг, порядке государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, государственной регистрации отчетов об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг» // СПС «КонсультантПлюс».

² Например, если кредитор вправе получить ожидаемое благо до собственного исполнения, то он оказывается в пятой очереди, но если все же осуществит свое предоставление должнику, то вправе переместиться в третью очередь. На это прямо указала Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ при рассмотрении известного спора по иску ПАО «Сбербанк России» (дело от 28 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-11840 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ См., например, п. 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Сходные законодательные предложения вносились, но были отклонены (см.: Проект федерального закона N 460633-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. Режим доступа: [http://asozd2c.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=460633-6](http://asozd2c.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=460633-6)).

⁵ В частности, очередность должна отражать готовность кредитора участвовать в процедурах согласительных и процедурах реструктуризации. В ряде стран это прямо предусмотрено в национальном законодательстве (см., например: Бычкова К.М. Очередность удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам в России и последующих требований во Франции в рамках ликвидационных процедур при банкротстве // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2016. № 4. С. 39–43).

возможном количестве очередей, следует исключить существование «подочередей» (выполняющих, по сути, ту же функцию, что и очереди).

Самостоятельным этапом формирования реестра требований можно считать применение правил о субординации требований. Более подробный ее анализ дается в § 2 гл. 3 на базе конкретных проблем установления требований, в рамках данного анализа целесообразно остановиться на анализе концептуальных вопросов.

Удовлетворение требований кредиторов осуществляется в порядке определенной очередности и соответствует центральной идее регламентации банкротства как справедливого распределения конкурсной массы¹. Если не учитывать текущие платежи и некоторые иные, предусмотренные законодательством, то в целом удовлетворение требований конкурсных кредиторов подчиняется правилам очередности, установленным п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве. Если конкурсная масса определена, то арбитражный управляющий производит расчеты с кредиторами, требования которых погашаются последовательно и в порядке, определенном нормами ст. 142 Закона о банкротстве. Изменение порядка очередности обычно и называется субординацией требований.

Субординация требований кредиторов, как их ранжирование, способна выполнять многообразные функции в делах о банкротстве и обладать различным правовым и экономическим эффектом. В действующем законодательстве ее применение прямо предусмотрено лишь в п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве и, по существу, сведена к мерам ответственности, что существенно ограничивает ее потенциал и

¹ Понятие «юриспруденция», с точки зрения этимологии, означает «науку справедливости». Также и в любой правовой системе «справедливое» одновременно означает и «правильное», «разумное», «равное». При этом равенство субъектов права проявляется и в процедурах несостоятельности, однако оно может иметь специфическое наполнение, особенности реализации применительно к конкретным ситуациям (см., например: Карелина С.А. Особенности реализации принципа равенства прав в процессе несостоятельности (банкротства) должника // Законодательство. 2008. № 6). По мнению В.А. Вайпана, требуется «юридическое выравнивание правовых возможностей в сфере предпринимательского права, ... обусловленное необходимостью учета их фактического экономического состояния и иных факторов в целях обеспечения реального равенства правовых возможностей таких субъектов в рыночной экономике» (см.: Вайпан В.А. Реализация принципа справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 19–20).

возможности¹. Между тем, логично предположить возможность как понижения, так и повышения в очереди, применение субординации относительно всех кредиторов или в пределах лишь одной очереди и т.д. В некоторых правопорядках используются различные способы изменения очередности², позволяющие учесть в рамках банкротства особенности возникновения прав, дающих основание заявить требование, а также влияние на них обстоятельств, заслуживающих оценки. В отечественной практике и доктрине пока не удалось определиться с тем, что именно следует относить к субординации, хотя в Законе о банкротстве есть несколько норм о ранжировании (взаимоподчинении) требований³. В целом существо субординации требований состоит в такой их дифференциации, когда одни требования («старшие») удовлетворяются приоритетно перед другими («младшими»).

Считается, что общей нормативно-правовой предпосылкой субординации требований в действующем законодательстве являются нормы ст. 309.1. ГК РФ, предусматривающие возможность соглашений кредиторов о порядке удовлетворения требований к должнику⁴. В силу п. 2 этой статьи соответствующий кредитор («старший») вправе требовать от другого («младшего») определенную часть полученного исполнения, либо — в отношениях между собою — поменять очередность (в целом норма является диспозитивной). Однако связывать субординацию только с нормами ст. 309.1. ГК РФ неверно. Смысл субординации как таковой — установить неравенство при исходном (изначально предусмотренном) равенстве, что

¹ В литературе субординация обычно оценивается как именно «понижение требований конкретного кредитора в очередности» (Смирнов В.И., Меньшикова П.А. Особенности применения субординации требований кредиторов в процедуре банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования // Закон.2019. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Так, относят к субординации и эффект, вызываемый нормой п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве. Она позволяет требования кредитора, сделка которого оспорена на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3, помещать в реестр после кредиторов третьей очереди.

⁴ Такие соглашения обоснованно воспринимаются как организационные, т.е. обладающие эффектом воздействия на будущие связи и решения, см., например: Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [электронное издание. 1.0.] / Отв. редактор А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. С. 73–74.

вполне соответствует задаче правового регулирования как системы, оптимизирующей сложившийся порядок отношений. Поэтому изменения очередности — по сравнению с ранее сложившимися правилами — могут осуществляться не только в автономном, но и гетерономном порядке: в первом случае основанием служит договор (соглашение), во втором случае — нормы объективного права. В этом смысле соглашения кредиторов, в том числе основанные на ст. 309.1. ГК РФ, должны рассматриваться как применимые для субординации требований кредиторов лишь постольку, поскольку законом не введены для той или иной группы норм (правового института) универсальные правила. Но в какой степени правила данной статьи вообще могут быть применены к отношениям, складывающимся при банкротстве? Указанная статья ГК РФ не предусматривает участия в таких соглашениях должника, в отношении которого ведется дело о банкротстве, в силу публичного характера норм.

Межкредиторские соглашения направлены на урегулирование взаимоотношений только между кредиторами применительно к «однородным» отношениям¹. Закон о банкротстве возникающий эффект межкредиторских соглашений увязывает не с действиями арбитражного управляющего и не с судебным решением по делу о банкротстве, а с последующим перераспределением самими кредиторами полученной суммы сообразно установленной в соглашении очередности или пропорции (п. 2 ст. 309.1. ГК РФ)². По существу, данные соглашения не могут корректировать установленный порядок очередности в делах о банкротстве. Таким образом, допускается перераспределение лишь уже полученных средств из конкурсной массы между соответствующими кредиторами.

¹ Понятие «однородности» заслуживает отдельного обсуждения, но в целом принято считать, что денежные требования однородны вне зависимости от оснований их возникновения. Это снимает основные практические вопросы применения этого понятия в делах о банкротстве, где требования, установленные и включенные в реестр требований кредиторов, выражены в рублях.

² Собственно говоря, об этом же говорит и позиция Верховного Суда РФ, выраженная в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» — данное соглашение «не меняет порядок проведения процедур и очередность удовлетворения требований кредиторов». Иначе говоря, высший судебный орган признает легитимность подобных соглашений и действительность возникших обязательств, но реализацию их связывает с последующими действиями за пределами дела о банкротстве.

Логично исходить из того, что, если фактически денежные средства не получены, условия межкредиторского соглашения применяться не должны. В тексте Закона о банкротстве такого прямого указания нет, но минимальное формально-лингвистическое толкование норм ст. 309.1. ГК РФ позволяет сделать именно этот вывод (так, в п. 2 использовано слово «предоставленное», что указывает на применение нормы лишь в отношении завершённых действий). Соответственно этому, и Закон о банкротстве не предусматривает возможности включения в реестр требований кредиторов данных о размере требования либо об очередности, основанных на таких договорах. Равно как не установлено и необходимости отмечать в реестре требований сам факт наличия подобных договоренностей.

Отечественный закон не рассматривает субординацию требований как универсальный прием. Вероятно, здесь проявилось несколько факторов. Исходно субординация требований как особый правовой институт возникла в странах англо-американского права¹. В данной ветви правовой семьи исторически была значительна роль договора, позволяющего изменить или уточнить действие нормативных положений либо восполнить их отсутствие². Но в отечественном правоведении долгое время существовало методологическое отторжение самой возможности соглашением сторон изменять положения объективного права (норм закона), тем более, если речь идет о правилах, затрагивающих публично-правовые отношения, либо отношения, где требуется учесть некоторые социальные аспекты³. Заметна и

¹ См. об этом, например: Мелихов Е. Субординация долга: практика Великобритании, США и перспективы применения в России // Слияния и поглощения. 2015. № 4 (18). С. 34–45; Габдрахманов, Д. Ф. Субординация требований кредиторов в континентальной правовой семье // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3. С. 105–107; Лехтипен Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России // Хозяйство и право. 1995. № 8. С. 56–59; Скрипичников Д.В. Некоторые вопросы о несостоятельности банкротстве Великобритании // Проблемы современной экономики. 2010. № 30-30.

² См., например: Шайдуллин А.Ш. Понижение в очередности (субординация) займов участников юридических лиц в Германии и Австрии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 116–158.

³ Чаще всего скептически оценивается возможность и целесообразность включения в отечественную практику корпоративных договоров (см. об этом, например: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2015. С. 215). Но, конечно же, речь должна идти не только о них, а вообще о роли договора в организации правовой среды, в правовой системе. Представляется, это средство правового воздействия пока недооценено и используется недостаточно.

общая неготовность законодателя допустить усиление автономных начал в сфере правового регулирования при банкротстве.

Представляется, целесообразно изменить отношение к возможности договорной субординации и допустить увязку процедур распределения конкурсной массы с содержанием межкредиторских соглашений. Такое соглашение может заключаться лишь после того, когда объем требований и очередь всех конкурсных кредиторов уже установлены¹.

На наш взгляд, субординация требований не противоречит принципу «наравне и одновременно» («*pari passu*»), наоборот, направлена на более полную его реализацию. В этой связи целесообразно на основе обобщения складывающейся судебной практики предложить общие подходы к субординации требований кредиторов и отразить их в универсальных нормах, распространяющихся на все процедуры банкротства. Не менее важно было бы предусмотреть, когда и при каких условиях субординация не должна применяться. Осуществить эти дополнения к Закону о банкротстве было бы уместно в одной развернутой статье (например, в ст. 4.2).

Следующий этап формирования реестра требований кредиторов — внесение соответствующих записей в реестр.

Сведения, включаемые в состав реестра, определены п. 1 Общих правил (размер требований и их очередность, основания и время включения в реестр, сведения о погашении и исключении из реестра и т.д.). Реестр требований кредиторов значим, прежде всего, для стадии конкурсного производства, но ведется он с самого начала деятельности управляющего. В соответствии со ст. 39 Закона о банкротстве, для признания должника банкротом в арбитражный суд в их заявлениях должны быть указаны размер требований, обязательство, из которого возникло требование, и срок его исполнения,

¹ Разумеется, если такое соглашение заключено между не всеми кредиторами, оно не может устанавливать обязанности третьих лиц, не заключивших договор (ст. 155 ГК РФ), а равно не может содержать положений, уже урегулированных нормами закона. В частности, подобное соглашение не может изменять установленный объем требований кредитора и его очередь (поскольку это приведет к изменению прав лиц, не входящих в соглашение).

доказательства задолженности, а в необходимых случаях и при наличии также и соответствующий судебный акт.

В литературе периодически вносятся предложения об уточнении состава сведений, включаемых в реестр. Например, указывалось на целесообразность вести и учет требований, подлежащих удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения кредиторов¹.

Реестр состоит из трех разделов, включающих требования соответствующих очередей, порядок записей довольно подробно определен указанными ранее подзаконными актами². Требования, заявленные после закрытия реестра, не подлежат включению в реестр, а вносятся в «отдельные тетради» (см. также параграф 4 гл. 3). Обосновано, что кредиторы, обладающие такими требованиями, не утрачивают статус кредиторов, поэтому, в частности, они не лишаются права обжаловать действия арбитражного управляющего, если считают, что их права и законные интересы нарушены³.

Поскольку реестр подтверждает определенные обстоятельства и является документом, содержащим юридически значимую информацию, он необходим кредиторам для реализации своих прав. Они вправе потребовать от арбитражного управляющего представить заверенную выписку из реестра о требованиях данного кредитора, а если сумма задолженности перед таким кредитором составляет более одного процента общей кредиторской задолженности, то арбитражный управляющий обязан направить ему копию реестра (с возмещением расходов).

В целом признание кредитора конкурсным связано не с тем, удовлетворено ли заявление арбитражным управляющим, а с тем, имеется ли

¹ В целях контроля за деятельностью конкурсного управляющего как со стороны суда, так и заинтересованных кредиторов (см. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства). М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 175–176).

² Учет требований в реестре кредиторов ведется в валюте Российской Федерации, требования в иностранной валюте пересчитываются в рубли по курсу ЦБ РФ на дату введения соответствующей процедуры. При этом надо различать «валюту долга», т.е. валюту, в которой обязательство выражено, и «валюту платежа», т.е. валюту, в которой оно должно быть исполнено (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 октября 2017 г. №303-ЭС17-8083 по делу №А51-2680/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ См.: Егоров А. Некоторые текущие проблемы банкротства // Хозяйство и право. 2004. № 12. С. 85–94.

соответствующий судебный акт. Но арбитражный управляющий вправе отказать во включении требования в реестр по самым различным причинам, в том числе техническим, а также из-за неточного изложения существа требования в судебном акте или неверного его понимания. Данное решение управляющего может быть обжаловано в суд (п. 4 Общих правил). Заинтересованными лицами может быть обжаловано и определение суда о включении требования в реестр. Надо заметить, что в последнее время сформировалась судебная практика, исходящая из того, что обжалуемое определение о включении в реестр должно затрагивать собственные права и обязанности соответствующего кредитора. В таком случае он должен доказать данное обстоятельство, иначе его жалоба будет рассматриваться как направленная «на затягивание процесса»¹.

Арбитражный управляющий должен следовать установленной судом очередности при удовлетворении требований, но иногда вправе отступить от нее².

По этим же соображениям, преимущественно процессуальным, арбитражные суды стараются без весомых причин не исключать требования из реестра, если они уже были предметом рассмотрения суда, так как при рассмотрении заявления заинтересованного лица ранее принятый судебный акт не пересматривается³. Иногда отказ в исключении из реестра мотивируется тем, что могут пострадать права и законные интересы участников процесса, но вряд ли это вероятно, если, например, кредитор ликвидирован⁴.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 6 мая 2020 г. № 305-ЭС17-2261 (11) // СПС «КонсультантПлюс».

² В п. 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 37 «О внесении изменений в постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам, связанным с текущими платежами» указано, что арбитражный управляющий вправе это сделать, если это необходимо исходя из целей соответствующей процедуры банкротства, в том числе для недопущения гибели или порчи имущества должника либо предотвращения увольнения работников должника по их инициативе.

³ Собственно говоря, это выражено и в правовой позиции, подтвержденной п. 8 Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Закона о банкротстве».

⁴ Поэтому вряд ли правильно отказывать в исключении из реестра тех кредиторов, которые уже прошли все стадии ликвидации, в отношении имущества которых, судя по материалам дела, отсутствуют правопреемники. Если следовать этой позиции, то фактически уменьшается доля других кредиторов. Во всяком случае, трудно признать правильной позицию судов, заключающуюся в том, что закон не

Правовое положение лица, ведущего реестр требований кредиторов, в целом определено¹. В силу п. 1 ст. 16 Закона о банкротстве реестр требований кредиторов ведется одним и определенным лицом — либо арбитражным управляющим, либо реестродержателем. Если количество кредиторов, включенных в реестр, превышает пятьсот, ведение реестра поручается только реестродержателю (абз. 3 п. 2 ст. 16) как профессиональному лицензируемому участнику рынка ценных бумаг.

В отличие от арбитражного управляющего, который эти функции осуществляет в силу своего правового статуса, определенного Законом о банкротстве, деятельность по ведению реестра реестродержателем осуществляется на основании договора. Исходя из содержания п. 3 ст. 16 Закона о банкротстве, другой стороной такого договора следует считать самого должника. Этому не мешает тот факт, что договор заключается арбитражным управляющим, а ряд важных вопросов решают другие лица (например, решение о привлечении реестродержателя, о размере его вознаграждения принимает собрание кредиторов)².

Следовательно, арбитражный управляющий обладает собственными правами и обязанностями, определенными специфическим статусом³. При этом, если сделки от имени должника он осуществляет как представитель в силу закона⁴, то при ведении реестра никаких представительских функций он

предусматривает исключения из реестра только в силу ликвидации кредитора (см., например: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2018 г. №07АП-5382 по делу № А27-2874/2013 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Надо обратить внимание, что исторически правовое положение лиц, аналогичных или близких арбитражному управляющему, было предметом дискуссий и споров. См., например, обзор точек зрения на сущность «администрации по делам торговым» (Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2013. С. 124–137).

² Но с собранием кредиторов в договорных отношениях реестродержатель не может находиться и потому, что собрание кредиторов не обладает самостоятельной гражданской правоспособностью. Хотя и у него имеются определенные полномочия, обзор различных взглядов на роль собрания кредиторов при банкротстве (см., например: Харитонова Ю.С. Правовые основы планирования: формирование и развитие предпринимательско-правовых подходов // Предпринимательское право: современный взгляд. М.: Юстицинформ, 2019. С. 61–64).

³ См. также: Пустошкин О.В. Правовые средства достижения цели института несостоятельности (банкротства) юридического лица: Дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2005, С. 10.

⁴ Об особенностях правового положения таких представителей см., например: Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016; Токар Е.Я. Вопросы применения конструкции представительства хозяйственными обществами. М.: Юстицинформ, 2018.

не осуществляет. У реестродержателя иное правовое положение: он не представляет должника и не замещает арбитражного управляющего при ведении реестра, его права и обязанности возникают из договора. Отчасти это служит основанием для разграничения ответственности арбитражного управляющего и реестродержателя за ущерб, возникший при ведении реестра (см. п. 4 ст. 16 Закона о банкротстве). Поэтому и взыскание убытков с арбитражного управляющего, вызванных тем, что он неправоммерно включал или, наоборот, не включал в реестр требования кредиторов, совершал иные ошибки при ведении реестра (п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве), основано на нарушении его статусных обязанностей¹.

Нет оснований считать арбитражного управляющего и представителем государства², но он — активный участник процесса, и также может быть заинтересован в определенных результатах его проведения, что требует принятия определенных мер³. Помимо записей в реестре управляющий совершает и другие действия, входящие в его компетенцию⁴.

¹ Ранее подобные иски к арбитражному управляющему рассматривались в рамках отдельного производства (см., например: постановление арбитражного суда Московского округа от 27 июля 2006 г. №КГ-А41-6514-06 // СПС «КонсультантПлюс»). В настоящее время требования о возмещении убытков подлежат рассмотрению в рамках именно дела о банкротстве (см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 сентября 2013 г. № Ф09-2252/11 по делу №А07-16925/2009 // СПС «КонсультантПлюс»). Эта правовая позиция сформулирована в п. 53 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве».

² Это не снимает вопроса об ответственности государства за факт утверждения арбитражным управляющим не пригодного для такой деятельности лица и непринятие мер в связи с неправомерными действиями управляющего. Оценку такой возможности см., например: Булгаков Д.А. Можно ли считать конкурсного управляющего представителем государства: позиция ЕСПЧ? // Закон. 2012. № 2. С. 62–71.

³ По мнению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, если выявлены косвенные данные о связанности первого заявителя и должника, следует назначить случайный выбор управляющего или перейти к рассмотрению кандидатуры, предложенной вторым заявителем по делу. В необходимых случаях может быть запрошена кандидатура управляющего путем случайного выбора саморегулируемой организации как оптимальный вариант для спорных ситуаций (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 мая 2020 г. № 305-ЭС19-26656 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Подробнее в правах и обязанностях арбитражного управляющего см., например: Владыка Е.В. Проблемы правового регулирования деятельности должника: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Мищенко А.В. Гражданско-правовые аспекты арбитражного управления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006 г.

По общему правилу в одном заявлении могут быть объединены несколько требований по разным обязательствам, в том числе не связанные между собой одними основаниями и доказательствами¹.

Закон не предусматривает включения в реестр сведений о процентах годовых на сумму требования, не учитывается величина процентов годовых и при определении голосов на собраниях кредиторов (за исключениями, предусмотренными нормами п. 5, 6 ст. 63). Однако они начисляются на требования конкурсного кредитора на дату введения процедуры наблюдения в размере ставки рефинансирования, установленной ЦБ РФ.

Динамика ведения реестра в основном выражена в дополнениях реестра новыми установленными требованиями, исключениями ранее включенных требований, уточнении их объема. Но в реестре может быть заменен и кредитор. Так, уступка требования, на основе которой требование было включено в реестр, была признана недействительной. Цессионарий обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов, согласно позиции Верховного Суда РФ, если это сделано своевременно, то происходит замена кредитора (цеденту возвращается его право)².

Кредитор может быть заменен на основании уступки требования и после завершения конкурсного производства. Так, кредитор уступил требование физическому лицу, уже после этого должник был ликвидирован и исключен из ЕГРЮЛ. Но физическое лицо и прежний кредитор расторгли сделку по уступке требования и кредитор вновь просил включить его в реестр требований кредиторов. Суды отказали ему в этом, поскольку конкурсное производство завершено, а требование признано погашенным. Однако Судебная коллегия не согласилась с таким подходом и указала, что кредитор вправе уступать право требования, а требовать уплаты он может и

¹ Однако нужно учитывать срок (момент) предъявления нового объединенного требования, см. об этом: Каменев А.Л. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении требований кредиторов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 18–28.

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 15 июня 2016 г. № 310-ЭС15-50(3) // СПС «КонсультантПлюс».

после ликвидации должника от тех лиц, которые осуществляли функции управления им¹.

Если требования уже включены в определенную очередь, но возникли новые обстоятельства, позволяющие, например, изменить очередь или увеличить размер требований, в силу п. 1 ст. 60 Закона о банкротстве такие разногласия кредиторов с арбитражным управляющим также могут быть рассмотрены арбитражным судом. Однако можно согласиться с мнением, что определенные действия по корректировке реестра может предпринимать и конкурсный управляющий самостоятельно. Так, если после включения данных о размере требования ситуация со страховыми выплатами изменилась, например, выгодоприобретатель (застрахованный) получил часть компенсационной выплаты, конкурсный управляющий при получении сведений об этом может уменьшить размер требований².

Самостоятельным этапом формирования реестра требований кредиторов следует считать закрытие реестра. Помимо удовлетворения требований кредиторов в полном объеме в рамках общей процедуры, это также может произойти и в связи с прекращением производства по делу при совершении действий, предусмотренных ст. 125 Закона о банкротстве и в других случаях (см. также параграф 3 главы 3).

Лицам, заинтересованным в определенном имуществе должника, включая его самого и кредиторов, предоставляется особая возможность оплатить все требования в полном объеме и, тем самым, сохранить объект интереса в своем ведении (оборудование, недвижимость, интеллектуальные права и пр.). Эта преференция сложилась исторически (со времен Древнего Рима) и в сегодняшнем законодательстве основана на норме п. 2 ст. 313 ГК РФ (такие действия в обиходе получили наименование «оплата реестра»). В результате остается один должник (выкупивший объект), а реестр подлежит закрытию. Следует учитывать, что в судебной практике реализация данной

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 августа 2020 г. № 305-ЭС20-5352 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство страховых организаций. М.: Юстицинформ, 2018. С. 95.

нормы ограничена¹ и в ряде случаев требуется согласие должника².

Общий правовой смысл закрытия реестра требований кредиторов состоит в прекращении записей и невозможности появления новых кредиторов³. Вопросы о возможности удовлетворения требований кредиторов после закрытия реестра рассматриваются также в § 3 гл. 3 диссертации.

С реестром требований кредиторов самым тесным образом связано понятие «конкурсная масса», служащая материальной базой для реализации данных требований⁴. Общее ее предназначение состоит в использовании для погашения требований кредиторов на основе реестра. Краткое описание⁵ конкурсной массы дано в п. 1. ст. 131 Закона о банкротстве⁶, при этом нормы ст. 130, 131, 132 являются неотделимо взаимосвязанными (в частности потому, что нельзя определить стоимость имеющегося без оценки)⁷.

¹ В частности, не признается обоснованной уплата задолженности по налогам зависимым лицом, см.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2017 по делу № 303-ЭС17-10124 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20 июля 2004 N КГ-А41/5351-04-2 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Существенно, что, по мнению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, определенные возможности у «опоздавших» кредиторов все же имеются (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 апреля 2019 г. №ЭС304-17_1382 (8)). В частности, это возможно, если договор цессии был признан недействительным и первоначальный кредитор взыскивает с должника, а также при применении субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника.

⁴ В отдельных случаях допускается использование других способов удовлетворения требований. Так, нормами параграфа 7 гл. IX предусмотрена вариативность требований: или в виде выплаты денежной суммы, или передачи жилого помещения. Иначе говоря, должник стоит перед дилеммой, которая сегодня вряд ли имеет оптимальное разрешение. См. об имеющихся затруднениях и проблемах: Марков П.А., Баркова Л.А. Особенности ведения двойного реестра требований кредиторов при банкротстве застройщиков // Вестник арбитражной практики. 2015. № 5. С. 4–11. Однако эти специфические вопросы лежат за пределами нашей темы. Отдельные авторы именуют перечень требований о предоставлении жилого помещения «подреестром», см., например: Кузнецов А.П. Банкротство застройщика: теория и практика защиты участников строительства: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2017. С. 32–33.

⁵ Его трудно назвать определением, на что справедливо обращается в литературе (см. Дарькин А.А. Понятие и порядок формирования конкурсной массы должника-банкрота // Экономика. Право. Общество. 2016. № 3. С. 82–86).

⁶ Эту величину еще предстоит установить. В том числе потому, что некоторые виды имущества не могут быть изъяты у гражданина-банкрота, см., например, п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

⁷ Правильна и критика п. 1 данной статьи. Так, М.В. Телюкина отмечает, что имущество на момент начала и окончания конкурсного производства обычно отличается и предлагает имущество, находящееся на момент открытия конкурсного производства называть не «конкурсной массой», а «имущественной массой» (Телюкина М.В. Теория и практика несостоятельности (банкротства). С. 328–329). Возможно, имущество на момент открытия конкурсного производства лучше именовать «начальной», а имущество, полученное в пределах конкурса, именовать «дополненной» конкурсной массой. Еще А.Ф. Федоров определенно отмечал, что к понятию «конкурсной массы» относится не только имущество на момент объявления должника

Периодически вносятся предложения о замене терминологии¹, но вряд ли они конструктивны. Потому было бы правильным для определения объектов, входящих в конкурсную массу при несостоятельности, ориентироваться на содержание ст. 128 ГК РФ, включающей вполне апробированный состав юридически значимых объектов. Все названные в ней объекты потенциально (за редкими исключениями) могут оказаться принадлежащими должнику, могут быть учтены, оценены и включены в конкурсную массу². Возможность наличия в конкурсной массе различного имущества³ не мешает действовать довольно ясной догматической концепции: указанные в этой статье группы объектов гражданских прав если и не охватывают все многообразие объектов, то, как минимум, дают надежную основу для системной оценки⁴. В силу развития технологий и коммуникаций появляются и новые виды имущества, которые не включены, но заслуживают включения в состав имущества⁵. Возникающие же порой недоразумения связаны или с изменением привычной редакции ГК РФ⁶, или неверным толкованием нормативного содержания этой статьи.

несостоятельным, но и «дошедшее до него в течение конкурса, будь это по наследству или в результате какой-либо возмездной или безвозмездной сделке» (Федоров А.Ф. Торговое право. Одесса, 1911. С. 264).

¹ Так, предложение использовать вместо слов «конкурсная масса» термин «активы» удачен лишь в смысле противопоставления «пассивам» (см.: Курбатов А. Соотношение понятий «имущество» и «активы» в гражданском праве // Хозяйство и право. 2005. № 4. С. 117-120). Этот термин не наполнен юридическим смыслом и способен вызвать неверное толкование, в праве он всегда имел значение, не вполне совпадающее со значением в бухгалтерском учете. Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «наше законодательство ... представляет себе конкурсную массу не в статическом, а в динамическом состоянии», «конкурсная масса обнимает только имущественные права и обязанности должника» (Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. С. 353). Одним словом, в традициях российского законодательства в конкурсной массе видеть не только активы, а «совокупность всех активов и пассивов».

² Хотя периодически предлагается составить развернутый перечень имущества, составляющего конкурсную массу (см., например: Шишмарева Т.Л. Конкурсная масса несостоятельного должника // Власть закона. 2012. № 4. С. 115–123).

³ Обсуждая проблему различных значений термина «имущество», В.А. Белов отмечает, что далеко не всегда объект имущественных отношений представляет собой имущество в традиционном смысле, но «вступление в такие отношения диктуется стремлением к удовлетворению, как правило, имущественного интереса» (Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Том II. Лица, блага, факты. Юрайт, 2011. С. 258–259. См. также: Лапач В.А. Система объектов гражданских прав. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002).

⁴ См., например: Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений. М.: Высшая школа экономики, 2010.

⁵ Это касается, например, криптовалюты и некоторых сходных объектов (см.: Санникова Л.А., Харитоновна Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86–95).

⁶ Например, после исключения из ст. 128 ГК РФ указания на такой объект как «информация», многие недоумевали, поскольку казалось естественным, что информация также обладает ценностью, и поэтому является самостоятельным объектом прав. Однако как таковая (в виде «сведений») информация не существует в сфере имущественных отношений, она непременно проявляется в других объектах или связана с ними. Так, информация входит в содержание некоторых действий (в частности, это касается обязанности

Поэтому к отношениям, складывающимся при несостоятельности (банкротстве), содержание ст. 128 ГК РФ вполне применимо, в состав конкурсной массы могут входить почти все названные в ней объекты, в том числе исключительные права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности¹, «цифровые права»². Во всяком случае, она может выступать надежным ориентиром. Наличие некоторых ограничений (см., например, п. 2 ст. 131 Закона о банкротстве) не изменяет общего подхода.

Известные определения конкурсной массы чаще всего ориентированы на содержание п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве³. С мнением о том, что конкурсную массу следует квалифицировать в качестве «комплекса»,⁴ согласиться трудно, поскольку данное понятие применяется к объектам оборота⁵. Неудачно и определение конкурсной массы как «особого правового режима»⁶.

хозяйственного общества предоставить необходимую информацию его участнику, см.: Ломакин Д.В. Право акционера на информацию как неимущественное право // Законодательство. 2013. № 1. С. 15–24).

¹ Если личные неимущественные права, вытекающие из создания результатов интеллектуальной деятельности, не передаваемы (отчуждаемы), то исключительные (имущественные) права, по общему правилу, могут быть объектом взыскания и продажи.

² См. ст. 141.1 ГК РФ. Разумеется, особо выделяются нематериальные блага, хотя обычно они не способны к отчуждению и потому не входят в конкурсную массу.

³ См., например: Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 222. (360 с.) Некоторые авторы, развивая определение, указывают на необходимость законодательного закрепления изменений в составе и объеме конкурсной массы (см. Валуйский А.В. Проблемы удовлетворения требований кредиторов по законодательству о несостоятельности (банкротства) России и зарубежных стран. Саратов, 2002.). Другие считают необходимым дополнить нормативное определение указанием на то, что конкурсная масса включает также денежные средства от продажи имущества (см.: Поташник О.А. Формирование, реализация и распределение конкурсной массы несостоятельного должника-организации в ходе конкурсного производства (правовые проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 19–20). Однако «денежные средства» уже названы в ст. 128 ГК РФ.

⁴ Именно так полагает В.Ф. Попондопуло, рассматривающий конкурсную массу как «имущественно-правовой комплекс» (см.: Попондопуло В.Ф. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебное пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 214–215 (331 с.). Сходная позиция у В.А. Белова, который также определяет конкурсную массу как «имущественный комплекс» (см. Белов В.А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. С. 125–126).

⁵ См. ст. 132 ГК РФ. (см. об этом: Романов О.Е. Предприятие и иные имущественные комплексы как объекты гражданских прав. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004). В ст. 110 Закона о банкротстве предусмотрены правила продажи предприятия как отдельного объекта (см., например Самигулина А.В. Особенности купли-продажи предприятия при процедурах банкротства // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 75–80). Впрочем, и спрос в Российской Федерации на такие предприятия весьма невысок, по данным портала Федресурс, отслеживающим ситуацию при банкротстве, ежегодно не более 6 процентов торгов признается состоявшимися.

⁶ См. Матвеева Е.Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6. Такое определение ничего не раскрывает, а определенный правовой режим имеется у всех объектов правоотношений (см.: Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Правоведение. 1996. № 1. С. 6–29).

Проблемы определения конкурсной массы преимущественно связаны со специальными задачами процедур банкротства. Так, не всегда и не всем имуществом должника можно распорядиться в целях пополнения конкурсной массы¹, а если даже и можно получить какие-то средства, то лишь после расторжения договоров с третьими лицами² или признания их недействительными³. Часть объектов вообще не может быть направлена на удовлетворение требований кредиторов в силу их социального назначения⁴.

До окончательного формирования конкурсной массы предстоит совершить необходимые действия по отысканию дополнительных источников ее пополнения, обжаловать судебные акты и (или) расторгнуть сделки, которые привели или потенциально могут привести к уменьшению имущества, разрешить вопросы, касающиеся собственности супругов⁵, привлечь в процесс наследников⁶, использовать механизм субсидиарной ответственности. Весьма непросто обеспечить и высокую (достаточную) ликвидность имущества должника (способность его преобразовываться в денежные средства для расчетов с кредиторами). Это не только правовая или чисто экономическая проблема, поскольку она связана с множеством факторов, в том числе состоянием рынка и активностью потенциальных

¹ См. об этом, например: Усольцева Н.В. Формирование и состав конкурсной массы // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 4. С. 68–73.

² Факт открытия конкурсного производства в судебной практике и литературе рассматривается как существенное обстоятельство, позволяющее расторгнуть договор в силу ст. 451 ГК РФ (см.: Рожкова М.А. Отдельные аспекты доказывания существенного изменения обстоятельств (по статье 451 ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

³ По общему правилу возврат имущества должника, незаконно полученного другими лицами по сделкам перед банкротством, осуществляется в результате признания сделок недействительными по правилам о банкротстве и предъявления виндикационного требования к текущему обладателю имущества. Однако недавно Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пояснила, что если покупатель не был намерен создать правовые последствия и передал объект (под своим контролем) по цепочке сделок бенефициару, то сумму таких сделок можно рассматривать как единую сделку и применять реституцию (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 19 июня 2020 г. №301-ЭС17-19878 по делу № А11-7472/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ В литературе высказана и критика этих правил, поскольку само по себе социальное назначение объектов не всегда препятствует их отчуждению (см., например: Никонова М.Ю. Конкурсная масса должника: понятие, правовая природа и состав // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 3. С.104–113).

⁵ О возникающих здесь проблемах см., например: Волгина О.А., Хисамова Р.В. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017. № 2 С.67–72; Ершова И.В., Енькова Е.Е. Банкротство: законодательная модель и правоприменительная практика [Электронный ресурс] // Lex russica. 2016 № 8 С. 179–208 .Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/480198>.

⁶ Так, складывается правовая позиция, согласно которой наследники умершего контролирующего лица отвечают по его обязательствам в размере принятого имущества (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. по делу №303-ЭС19-15056 // СПС «КонсультантПлюс»).

покупателей. Нередко имущество должника на торгах вообще оказывается не продано, а иных форм его реализации практически нет¹. Справедливо отмечается, что сами по себе подсчеты и методы оценки еще не могут дать точной суммы, которая будет получена из имущества, в этой связи предлагается ввести понятие «ликвидационной стоимости»². Как известно, особые сложности возникают при включении в конкурсную массу исключительных прав, тем более, что некоторые из них в принципе неотчуждаемы (например, право на фирменное наименование), а в ряде случаев требуется нести дополнительные расходы³. Да и само конкурсное производство иногда длится годами и может оказаться весьма затратным⁴.

Применительно к задачам реестра требований кредиторов конкурсная масса является предельной величиной, из которой удовлетворятся требования кредиторов, итоговый ее размер конкурсный управляющий фиксирует в отчете⁵. Отмеченные особенности существенно отличают конкурсную массу от простой совокупности объектов гражданских прав.

Некоторые особенности составляет учет и удовлетворение требований отсутствующего должника⁶. К отсутствию должника (в целях применения

¹ Замещение активов должника, как своеобразная альтернатива торгам, возможно лишь на условиях ст. 115 Закона о банкротстве (в частности, имущество должно представлять обособленный комплекс). В результате применяется оно лишь при значительном объеме требований залоговых кредиторов, и лишь тогда, когда ожидается экономическая эффективность такого шага. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ подтвердила это (см. Определение Верховного Суда РФ от 14 февраля 2018 г. №305-ЭС15-3068(3) по делу №А40-65282/14 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Чернова М.В. О составе и оценке конкурсной массы при банкротстве // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 23. С.35–39.

³ В частности, для того, чтобы поддержать действие правовой охраны. Например, суд обоснованно признал правомерными действия управляющего по обеспечению продления срока действия товарного знака, в противном случае обладание данным средством индивидуализации утратит смысл (см.: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 мая 2018 г. по делу №А12-59571/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Верховный Суд РФ указал, что могут быть признаны незаконными действия управляющего, привлечшего за счет конкурсной массы адвокатов для защиты от кредиторов, обвиняющих управляющего в бездействии (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 октября 2019 г. №305-ЭС16-20779(47) // СПС «КонсультантПлюс». Следует отметить, что Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ признала допустимым оплачивать работу адвокатов в делах о банкротстве по так называемой «смешанной модели» (речь идет о правовой позиции по известному делу о банкротстве Промбизнесбанка (дело №А40-154909/2015).

⁵ В соответствии с Типовой формой отчета конкурсного управляющего о своей деятельности и результатах проведения конкурсного производства (приложение 4 к указанному ранее приказу Минюста РФ от 14 августа 2003 г.).

⁶ В частности, именно здесь чаще всего наблюдается так называемый «конкурсный casus», т.е. невозможность применения процедур банкротства при недостаточности имущества должника для покрытия расходов по делу, см., например, Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от

Закона о несостоятельности) приравниваются случаи, когда не удастся установить местонахождение гражданина или руководителя юридического лица¹. Упрощение процедур здесь заключается в том, что после установления факта отсутствия вводится конкурсное производство и высока роль конкурсного управляющего, а для признания несостоятельности не имеет значения состав денежного требования, период его неисполнения, для предъявления кредитором требований установлен сокращенный (месячный) срок, т.е. здесь достаточно установить сам факт неисполненного обязательства в любом размере². Основным и определяющим критерием является наличие самого денежного требования, что вполне подтверждается судебной практикой³.

Указание закона о том, что требуется соблюдать очередность требований, определенную ст. 134 Закона о банкротстве, говорит вовсе не о том, что реестр не требуется, а, скорее, наоборот — подтверждает необходимость формы, в которой фиксируется объем требований и очередь⁴.

Сформулируем краткие итоги:

- формирование реестра требований кредиторов в делах несостоятельности представляет собой процесс, включающий взаимосвязанные этапы, характеризующие динамику развития отношений несостоятельности (от подачи заявления кредиторов до закрытия реестра), и направленный на обеспечение максимально полного и пропорционального

26 июня 2005 г. № 94 «О порядке рассмотрения заявления должника о признании его банкротом при отсутствии у него имущества, достаточного для покрытия расходов по делу о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Представляется, что используемое в ст. 227 Закона о банкротстве выражение «фактическое отсутствие» также является лишь формой допущения отсутствия, а методологическим основанием распространения правил об отсутствии на сопряженные ситуации выступает обязанность предпринимателей и юридических лиц давать сведения о своем истинном месте нахождения в публично представляемых ресурсах (см. также ст. 165.1 ГК РФ).

² См.: Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: Уч. пособие. М.: Юстиция, 2018. С. 170.

³ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 июня 2018 г. №305-ЭС18-1779 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Косвенно это подтверждают и обстоятельства, на которые ссылаются другие исследователи. Например, В.В. Акинфеева отмечает, что в любом случае – если следовать общим правилам о банкротстве – арбитражный управляющий должен подготовить отчет и закрыть реестр, что можно сделать лишь при наличии реестра, см.: Акинфеева В.В. Особенности банкротства отсутствующего должника // Шестой Пермский конгресс (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.)/Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

удовлетворения требований;

- заявление кредитора о включении его требования в реестр следует оценивать как самостоятельный юридический факт (ст. 8 ГК РФ) — известное по теории юридических фактов «делкоподобное действие», эффект которых возникает лишь в совокупности с другими обстоятельствами. Такие заявления есть лишь специальная судебная форма удовлетворения его требований и не может рассматриваться ни как исковое заявление (кредитор уже может иметь право на получение соответствующих средств), ни как способ защиты, так как нет «спора о праве»;

- общий правовой смысл заявления о включении в реестр состоит также в согласии участвовать в процессе для взаимосвязанной оценки всех требований, касающихся имущества должника, готовности подчиняться правилам, позволяющим изменить характер правоотношений, связующих кредитора и должника, и, при недостаточности конкурсной массы, изменить величину выплачиваемого долга;

- арбитражный управляющий при ведении реестра осуществляет собственные права и обязанности, определенные специфическим статусом, закрепленным Законом о банкротстве. Если при заключении сделок от имени должника он может рассматриваться как представитель в силу норм закона (п. 1. ст. 182 ГК РФ), то в отношении ведения реестра никаких представительских функций он не осуществляет. Реестродержатель не представляет должника и не замещает арбитражного управляющего при ведении реестра: его права и обязанности возникают из договора;

- требования кредиторов и их состав могут уточняться, что потенциально может приводить и к корректировке очередности, кредитор может быть заменен в реестре, а при возникновении новых обстоятельств может быть изменена очередь и размер требований;

- субординация требований кредиторов не противоречит принципу «наравне и одновременно» («pari passu»), наоборот, направлена на более полную его реализацию.

§ 3. Нормативно-правовое регулирование отношений, возникающих при формировании реестра требований кредиторов

Центральным и организующим компонентом всей системы правового регулирования отношений несостоятельности, в том числе по формированию реестра требований кредиторов, является Закон о банкротстве¹. Он относится к актам специального законодательства, в концентрируемой форме регулиующим такие отношения². Такой же подход обнаруживается и в зарубежных правопорядках³.

С формальной точки зрения нормативное правовое регулирование отношений, возникающих при формировании реестра требований кредиторов, подчиняется общей схеме воздействия правовых норм на общественные отношения. Нормативное правовое регулирование создает

¹ Хотя в нем и имеются недостатки. Так, отмечается, что, несмотря на специальные усилия и введение соответствующих норм, не удалось придать Закону о банкротстве «реабилитационную направленность» (см.: Витрянский В.В. Банкротство и ликвидация в свете судебной практики // Закон. 2007. № 7. С. 5–14; Каменев А.Л. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении требований кредиторов в деле о банкротстве должника // Арбитражные споры. 2014. № 4. С. 18–28; Пирогова Е.С. Правовой статус кредиторов при несостоятельности (банкротстве) // Правовое регулирование несостоятельности в России и Франции: Сборник статей / НИУ ВШЭ и университет Ниццы — Софии Антиполис. М.: Юстицинформ, 2016. С. 36–44). А постоянные изменения и дополнения, по мнению ряда исследователей, свидетельствуют о стремлении законодателя реагировать на текущие потребности в ущерб концептуальным задачам, см., например: Телюкина М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации // Хозяйство и право. 2018. № 5. С. 3–25.

² Концентрация законодательного материала о несостоятельности заметна и по дореволюционному законодательству, где нормативные акты сменяли друг друга, но непременно один акт оставался основным, системообразующим. Как только Россия перешла к системному изложению правил банкротства, вместо размещения их в разрозненных указах, старались свести их в один законодательный акт. Это касается и не вошедшего в практику, но известного специалистам, Устава о банкротах 1740 г., и Устав о банкротах 1800 г., и Устава о несостоятельности 1832 г. К сожалению, в дальнейшем эта законодательная линия была прервана, поскольку долго длившаяся подготовка реформы конкурсного права была осложнена различными социальными событиями. Мешало завершить работу над единым законом о конкурсном процессе и то, что ряд западных губерний имел собственное законодательство в этой сфере (см. об этом: Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888; Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871).

³ Так, в Германии это *Insolvenzordnung* («Положение о несостоятельности», принят 1994 г.). Даже в тех странах, где сложная структура государства предусматривает право отдельных образований иметь собственные законы, имеются общие акты о банкротстве. В частности, в Великобритании сохраняет силу законодательство Шотландии и Северной Ирландии о банкротстве, но имеется и общее законодательство («Закон о несостоятельности и банкротстве», *Insolvency Act*, принят в 1986 г., существенно модернизирован в 2002 г. при проведении реформы). В США, как известно, имеется и законодательство штатов, но существует и единый для страны акт (*Bankruptcy Code*, «Кодекс законов о банкротстве»). Во Франции помимо специальных законов («Закон о восстановлении предприятий и ликвидации их имущества в судебном порядке») (*Loi* № 85–98, принят в 1985 г., «Законом о финансовом оздоровлении предприятий» 1994 г.), действует Торговый кодекс Франции.

основу для реализации механизма правового регулирования: соответствующие нормы как средства правового регулирования, сами связи между субъектами, на которые направлено действие данных норм, а также возникающий результат (упорядоченные, облеченные в правовую форму, общественные отношения со своей специфической структурой)¹.

Вместе с тем, всегда была заметна определенная специфика в регламентации данных отношений, вызывающая, в частности, необходимость выбора подхода к пониманию и раскрытию отношений по формированию реестра требований кредиторов.

Первый возможный подход предполагает, что в центре внимания должны находиться те правовые связи, которые возникают по поводу специальных вопросов самого реестра: определения его требуемой формы, установления лица, которое будет вести реестр, внесения записей, обеспечения полноты этих записей, закрытия реестра и т.п. Таким образом, объектом отношений в таком случае рассматривается реестр как именно «система записей».

Второй возможный подход основан на том, что сам по себе реестр требований кредиторов есть лишь способ отражения юридически значимых обстоятельств по делу и акцент необходимо перенести на акты и процессы, предопределяющие содержание и динамику формирования реестра требований. Так, на запись в реестре влияет, прежде всего, содержание определения суда, удовлетворившего соответствующее заявление кредитора, но и арбитражный управляющий (п. 1. ст. 66), а также другие кредиторы и некоторые иные лица (п. 2 ст. 71) могут заявить возражения. В результате первоначальная запись может изменяться, дополняться, исключаться под влиянием различных юридически значимых обстоятельств (как правило, сложных юридических составов²). Подобный подход имеет то преимущество, что отношения при несостоятельности (банкротстве) отражаются в их

¹ См. об этом, например: Несостоятельность (банкротство): Учебник/Отв. ред. С.А. Карелина. Том 1. М.: Статут, 2019. С. 185–267.

² То есть взаимосвязанных совокупностей правовых фактов (например, заявления конкурирующего кредитора и определение суда).

динамике¹, охватывая не только записи как таковые, но и основания для них, правовую среду, в которой они возникли. Данный подход к оценке правового регулирования, без сомнений, порождает большие возможности, дает ключи к системному описанию отношений и полнее раскрывает картину правовой ситуации (как в утилитарных, так и в эпистемологических целях).

Наконец, допустим и третий подход к оценке регуляторного воздействия на отношения при формировании реестра, основанный на вычленении стадий существования² того правоотношения, в рамках которого когда-то возник долг. В таком случае в центре внимания оказывается смена этапов в его состоянии³. Вначале правоотношение существует как соответствующая обязательственная связь в своем естественном и не нарушенном состоянии. Затем, в связи с неисполнением, возникает его качественно новое состояние — состояние неисполнения обязанности должником⁴. Далее, в силу признания несостоятельности должника, данное правоотношение оказывается находящимся под воздействием норм Закона о несостоятельности и соответствующих процедур, позволяющих определить размер и очередность задолженности. При проведении первых процедур (реабилитационного характера) отношение не претерпевает существенных

¹ Однако центральным элементом данной динамики в литературе называют разные явления. Так, по мнению одних исследователей, им является «правовой статус» (см. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006; С. 303–306, Галкин С.С. Правовое положение должника-юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: Дис... канд. юрид. наук. М. 2016. С. 135–140). С точки зрения других, изменяется «состояние» самого отношения (см.: Карелина С.А. Особенности правоотношений несостоятельности (банкротства) // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности/отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 12–34). Представляется, в рамках процедур несостоятельности наблюдается и изменение правового статуса, и самого правоотношения.

² В доктрине гражданского права, в ряде нормативных актов обязательственная связь оценивается как претерпевающая различные стадии своего осуществления. Например, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» указано, что «стороны вправе согласовать предоставление отступного на любой стадии существования обязательства ...».

³ На целесообразность именно такого видения обращает внимание С. А. Карелина (см.: Карелина С.А. Особенности правоотношений несостоятельности (банкротства) // Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности/отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2020. С. 29–30). Однако вряд ли можно говорить при банкротстве об именно «развитии» данного правоотношения, так как имеет место нисходящая линия его существования.

⁴ Эта стадия в цивилистике обоснованно рассматривается как относительно самостоятельная (см. Балашова Э.Г. Неисполнение как стадия существования обязательственного правоотношения: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.

изменений. Признание должника банкротом и открытие конкурсного производства означает также, что сроки исполнения обязательств должника считается наступившими, а все требования кредиторов могут предъявляться только в рамках дела о банкротстве (ст. 124 Закона о банкротстве). С этого момента направленность действий суда и арбитражного управляющего меняется. Но даже в таком случае (до закрытия реестра) субъективное право кредитора продолжает существовать (а от конкурсного производства возможен переход к внешнему управлению, ст. 146 Закона о банкротстве).

Следует также заметить, что различие задач неизбежно приводит к тому, что на различных этапах осуществления правоотношения применяются различные нормы и различные средства воздействия. Так, с установлением несостоятельности должника уже нет возможности применять нормы ГК РФ о порядке исполнения обязательства. Здесь требуется использовать нормы законодательства о банкротстве и специальные средства разрешения задач в условиях недостаточности имущества должника (исходя из статуса должника и применяемых процедур). При этом на содержание и динамику правоотношений данного этапа могут оказывать влияние различные обстоятельства: акты суда, правовой статус должника (несостоятельный должник или банкрот), решения других участников процесса и т.д.¹ Данное обстоятельство позволяет утверждать, что действия, акты и процедуры в процессе рассмотрения дела о банкротстве в определенной степени взаимосвязаны и способны предопределять друг друга (например, решение собрания кредиторов с определенным планом внешнего управления может вызвать последствия в составе прав и обязанностей, а также, в определенной мере, предопределить следующую процедуру).

В целом же правовой режим на этой стадии существования отношений формируется под влиянием норм публично-правовой направленности, ориентированных на достижение целей специального правового

¹ См. об этом: Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 51–53.

регулирования той ли иной процедуры.

Основные правовые нормы о ведении реестра требований кредиторов содержатся, прежде всего, в ст. 2, 16, 40, 71, 100 и др. Закона о банкротстве и в ранее указанных Общих правилах ведения реестра требований кредиторов¹. Кроме того, Минэкономразвития утверждены Типовая форма реестра требований кредиторов и Методические рекомендации по заполнению типовой формы реестра требований кредиторов², а Правительством Российской Федерации утверждены Общие правила отчетов (заключений) арбитражного управляющего³. Для некоторых специальных случаев несостоятельности предусмотрены другие формы реестра⁴.

При использовании второго и третьего подходов круг правовых норм, требующих анализа, существенно расширяется и необходимо обращаться также к другим положениям: о составе кредиторов, видах требований, в том числе тех, которые имеют преимущества (ст. 2, 4, 4.1), о порядке разбирательства дел (т.е. правила гл. III), о механизме удовлетворения требований, возражений на них, обжалования судебных актов и т.д.

В целом же правила о формировании реестра требований кредиторов, с одной стороны, являются системообразующими⁵, а, с другой, фактически (текстуально) представлены в виде отдельных положений, разбросанных по всему тексту Закона, увязываемых лишь логически. Эту ситуацию было бы целесообразно исправить (при ожидаемой оптимизации законодательства)

¹ Фрагментарное (в различных сегментах текста Закона о банкротстве) размещение правил, касающихся формирования реестра требований кредиторов, вряд ли оптимально, ведет к утрате взаимосвязей между отдельными нормами. Поэтому, представляется, в этой части редакция закона нуждается в совершенствовании.

² См. Методические рекомендации по заполнению типовой формы ведения реестра требований кредиторов, утв. приказом Министерства экономического развития и торговли от 1 сентября 2004 г. № 234 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Правительства РФ от 22 мая 2003 г. № 299 «Об утверждении Общих правил отчетов (заключений) арбитражного управляющего» // СЗ РФ. 2003. №21. Ст. 2015.

⁴ Так, Указанием Банка России от 15 декабря 2014 № 3482-У утверждена форма Реестра требований кредиторов негосударственного пенсионного фонда // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ О возможности применения к отдельным частям и структурным компонентам законодательства о несостоятельности понятий «институт» и «субинститут» см., например: Юлова Е.С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2017. С.24.

путем концентрации норм о формировании реестра требований в едином блоке норм¹.

Если содержание статей Закона о несостоятельности и актов Правительства², несомненно, обладает нормативным характером³, то относительно других актов высказаны различные точки зрения⁴.

Определенное, но весьма ограниченное, воздействие на формирование реестра требований кредиторов оказывают и другие известные источники норм права: международные договоры и общепризнанные нормы и принципы международного права⁵ и правовые обычаи⁶.

Надо также выделить локальные акты организаций, решения общих собраний кредиторов, планы внешнего управления и другие⁷ специальные средства организации внутрикорпоративной жизни. Нет сомнений, что их

¹ В его основе могла бы быть нынешняя ст. 16, дополненная правилами о динамической составляющей ведения реестра, его этапах (см. следующий параграф), отсылками к взаимосвязанным нормам, закрытию реестра.

² Такие акты (чаще всего в форме постановлений) принимаются обычно для обеспечения публичных задач в сфере банкротства, (см., например: Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2005 г. № 684 «О стратегических предприятиях и стратегических акционерных обществах, в отношении которых применяются специальные правила банкротства» // СЗ РФ. 2005. № 47. Ст. 4938).

³ В литературе даются различные определения нормативных правовых актов, но обычно его раскрывают как «форму права». Весьма широкое определение дает С.С. Алексеев: это «надлежащим образом оформленное внешнее выражение воли компетентных субъектов (государства, его органов, отдельных лиц и т.д.), выступающее в качестве носителя содержательных элементов правовой системы – юридических норм, правоположений практики, индивидуальных предписаний, автономных решений лиц» (Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. М.: Юридическая литература, 1982. С. 192).

⁴ В частности, это касается правил профессиональной деятельности арбитражных управляющих по ведению реестра, которые законодательно определены как «федеральные стандарты», они разрабатываются национальным объединением саморегулируемых организаций, но утверждаются Минэкономразвития РФ, (см. об этом: Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный)/Под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2017. С. 34–35). В настоящее время утверждено шесть федеральных стандартов. В одних случаях отрицается их правовой характер, поскольку они разрабатываются не государством, в других отмечается, что положения данных стандартов не имеют признаков нормы права (см. также: Никитин С.В. Предмет судебного нормоконтроля в гражданском и арбитражном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 71–81). Мы полагаем, что данные акты все же являются и нормативными, и правовыми.

⁵ Надо заметить, что, хотя эти источники давно уже предусмотрены, например, ст. 7 ГК РФ, они применяются довольно редко, в том числе и потому, что в законодательстве России отсутствуют многие важные нормы, обеспечивающие их применение в ситуациях, когда присутствует «иностранный элемент» (см., например: Мохова Е.С. Трансграничное банкротство: российские правовые реалии и перспективы // Закон. 2014. № 6. С. 62–73).

⁶ Сходное значение имеют понятия «заведенный порядок», «деловые обыкновения» (см.: Ровный В.В. Обычай в современном обороте // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Сб. статей. Вып. 5. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 176–194).

⁷ См.: Карелина С.А. Источники правового регулирования отношений несостоятельности // Хозяйство и право. 2018. № 1. С. 3–18. Надо заметить, что автор высказывается о возможности рассматривать названные формы именно источниками права весьма осторожно. О значении проблематики источников правового регулирования отношений несостоятельности говорит и тот факт, что в соответствующих учебных изданиях материал о них обособляется в отдельную главу (см.: Несостоятельность (банкротство): Учебник/Отв. ред. С.А. Карелина. Том 1. М.: Статут, 2019. С. 185–267).

нельзя отнести к «источникам права» в классическом понимании, но они способны воздействовать на складывающиеся при несостоятельности отношения¹. Возможность рассматривать их как особые средства регламентации определяется не только тем, что они также обеспечиваются механизмом государственного принуждения или санкционированы государством², но и их функциональным местом в системе отношений несостоятельности³. Однако эту роль они выполняют лишь при отсутствии норм закона⁴, регулирующих те же отношения, и чаще всего выступают организующими или обеспечительными элементами процесса реализации норм права⁵. Например, без решений общего собрания кредиторов (об изменении сроков проведения процедур, о выборе арбитражного управляющего и т.д.) фактически невозможно полноценное проведение процедур и, тем самым, формирование реестра требований кредиторов.

На отношения по формированию реестра требований влияют и акты вышестоящих судебных инстанций⁶. Это естественная реакция правовой

¹ Нормы права не являются единственными регуляторами отношений. Так, применительно к отношениям несостоятельности даже математические значения критериев несостоятельности обладают определенным и стимулирующим, и ориентирующим эффектом. В частности, большинство предпринимателей мысленно рассматривает эти арифметические величины как некую «красную черту», за которую переступить не следует, и, соответственно, воздерживается от рискованных сделок (см.: Чернов А.В. Несостоятельность и ее последствия // Предпринимательство и экономика: Сб. статей. М.: Форум, 2015. С. 64–75).

² Так, если обычай довольно давно признан источником правового регулирования (см. гл. 5 ГК РФ), то к признанию решений общих собраний источником права (гл. 9.1. ГК РФ) законодатель пришел не сразу. А, например, в отношении таких источников, как «аналогия права», «доктрина», «особое мнение судьи Конституционного Суда» идут споры. Следует предположить, что признание государством новых источников правового регулирования продолжится (см.: Петров К.В., Сапун В.А., Смирнова М.Г. Нетипичные источники российского права // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 7–16).

³ Так, в зависимости от того, утверждают ли и с каким содержанием кредиторы план внешнего управления, зависит дальнейший ход событий и формирование реестра требований.

⁴ Так, договоры ГК РФ (см. ст. 8) прямо относят к юридическим фактам, но в отношениях несостоятельности, развивающихся под воздействием императивных норм закона, весьма ограничена сама сфера, в которой они могут быть применены. Исключение, в частности, составляют случаи мировых соглашений.

⁵ Например, планы внешнего управления выполняют роль предпосылки или элемента сложного юридического состава в организации будущих действий кредиторов. Одной из первых исследовала правовое значение плана внешнего управления Е.Г. Дорохина, которая, в частности, не усматривает в нем признаков договора (см.: Дорохина Е.Г. Арбитражное управление в сфере банкротства. М.: Новый индекс, 2008. С. 25–27). Мы полагаем, что такие акты сами по себе не могут источниками правового регулирования, но они могут выступать элементами сложных правовых составов в рассматриваемой сфере.

⁶ В их числе, прежде всего, следует назвать: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2005. № 12. Специальное приложение, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 7 (далее – постановление № 32),

системы на недостаточность и неполноту самих норм¹. Судебную практику и отдельные решения судов как источник права² нет оснований рассматривать уже потому, что в соответствии с традицией отечественного правоведения единственным источником права является сам закон³. Это касается и актов Конституционного Суда РФ⁴, которые способны влиять на границы действия материального права⁵, но не могут заменить право.

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3 (далее – постановление № 59), Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2, Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 июня 2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8 (далее – постановление № 35), Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12 (далее – постановление № 45), Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3 (далее – постановление № 53), Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 25 декабря 2018 г. «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2 (далее – постановление № 48).

¹ Обоснованные примеры приводит С.Л. Будылин, отметивший, что масса нововведений в ГК РФ в части, касающейся регулирования обязательственных отношений и оборота, вначале появилась в судебных актах Высшего Арбитражного Суда РФ, и лишь затем перешла в текст закона, см.: Будылин С.Л. Прецедент на распутье. Краткая история судебного правотворчества в России // Вестник экономического правосудия в России. 2015. № 11. С. 112–149.

² См., например: Первухина Л.Ф. Значение судебного прецедента в практике федеральных судов Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Красноярск: Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2005, Ч. 2. С. 20–26; Скуратовская М.М. Роль судебной практики и судебного прецедента при сопоставлении решений третейских судов // Законы России: опыт, анализ, практика. № 1. 2012. С. 64–71; Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма прав или произвола? // Lex russica. 2015. № 3. С. 28–42.

³ Хотя отдельные ученые полагают, что к ним относятся и некоторые акты судов (См.: Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2011; Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник/Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно, М.: Юристъ, 2010. С. 83–74 (автор главы – Г.А. Гаджиев); Свириденко О. М. Судебная практика – источник российского права? // СПС «Консультант Плюс»). Часть авторов высказывается более осторожно, говоря лишь о том, что решения вышестоящих судов «имеют значение» для рассмотрения конкретных дел (см., например: Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации/ Отв. ред. И.В. Решетникова. М.: Юрайт, 2014. С. 34–37; Карелина С.А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) // Право и экономика. 2017. № 11. С. 19–25).

⁴ Имеется в виду эффект, вызываемый признанием соответствующих норм правовых актов неконституционными. Такие случаи известны и по делам, связанным с банкротством (см. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 мая 2020 г. «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственности «Льсыва-теплоэнерго»); Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. №39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ См.: Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс: Учебное пособие. М.: Норма-Инфра-М, 2012. С. 64.

Не относятся к источникам права и обобщения судебной практики¹, хотя они и указывают ориентиры², которыми должны пользоваться суды при рассмотрении конкретных дел. Периодически публикуемые обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда, являются обязательными для учета судами «в целях единообразного применения судебной практики»³. Они адресованы именно судам, а не субъектам правоотношений, заключаются не в установлении нормы права, а в указании на алгоритм действий, порядок (способы) оценку конкретных обстоятельств для лиц, осуществляющих правоприменение. В целом эту группу актов можно было бы, в полном соответствии с их функциональным эффектом и местом в правовой системе, именовать «источники правоприменения».

Особое значение при решении задачи воздействия на отношения при формировании реестра требований имеет специальный инструментарий, вырабатываемый судебной практикой по делам данной категории. Его задачей, не подменяя нормы права, является отыскание подходов к оценке поведения участников отношений несостоятельности в конкретных ситуациях. Анализ показывает, что они более всего востребованы при формировании реестра требований кредиторов: для выработки позиции о размере, правовой природе требований, о соответствии процессу несостоятельности, об очередности данного требования, оценки возможности их понижения и т.д. Нормы права, в силу их абстрактного характера, часто не содержат достаточных параметров для их применения в конкретной ситуации, из дела необходимые данные прямо не следуют, что и вызывает необходимость дополнительного исследования для результативного

¹ По мнению Р. К. Лотфулина, такая оценка выражена в Постановлении Конституционного суда РФ от 17 октября 2017 г. №24-П «О проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других» (см.: Лотфулин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве : научно-практическое пособие [элект. издание]. М.: Saveliev, Batanov & Partners. 2019. С. 23). Так обычно толкуют и другие исследователи. Однако надо заметить, что Конституционный суд не уполномочен устанавливать юридическую силу судебных актов.

² «Особым уровнем формы права» именует их О.В. Зайцев (см.: Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 24.

³ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 марта 2018 г. по делу №306-КГ17-17056 // СПС «КонсультантПлюс».

процесса¹. Система таких критериев и подходов только вырабатывается. Она связана отчасти с процессуальными правилами, отчасти с нормами материального права, но в целом довольно специфична и в некотором смысле представляет собой развитие такого уникального компонента как «формальное конкурсное право» (в значении, которое ему придавал Г.Ф. Шершеневич, см. выше). На них обычно и опираются «ratio» основных определений по данной категории дел. Такие апробированные и научно обоснованные инструменты связывают правила рассмотрения дела о несостоятельности (процесс) с глубоко специальными задачами конкурсного производства (прежде всего с принципом справедливого и пропорционального удовлетворения требований) и, концептуально, способны составить особую систему оценок и критериев (субинститут).

В числе тех из них, которые имеют непосредственное отношение к формированию реестра требований кредиторов, следует назвать следующие.

В условиях множества факторов, способных влиять на оценку действий кредиторов и их требований, существует потребность выявления ряда обстоятельств, известных лишь самому кредитору. В силу этого в судебной практике стал применять «повышенный стандарт доказывания», позволяющий возложить на заинтересованного кредитора обязанность их доказывания (например, возможность исполнения договора с должником)². Это, скорее, особая методика доказывания, позволяющая раскрыть те области экономической жизни, которые или невозможно, или очень трудно раскрыть с помощью обычных доказательств³.

¹ Такая система подходов вырабатывается преимущественно в результате усилий Судебной коллегии по рассмотрению экономических споров Верховного Суда РФ, часто представлена стандартами доказывания, но не сводится к ним.

² Данный подход в российской практике ранее не применялся. О происхождении и значении стандартов доказывания как инструменте правоприменения (см., например: Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 8. С. 129–165).

³ Данный прием известен как «баланс вероятностей» (в английском праве – «balance of probabilities»), есть сходные понятия и в практике США («preponderance of the evidence» и др.). См. об этом: Будылин С. Л. Стандарты доказывания в банкротстве, или Дело о пропавшем вкладе: https://zakon.ru/blog/2018/11/01/standarty_dokazyvaniya_v_bankrotstve#comment_478176 (дата обращения – 20.01.2020). Данный стандарт можно понимать и как минимизация риска принятия несправедливого решения в условиях, когда нет возможности выяснить все обстоятельства по делу.

Заметим, что со временем было признано, что применение повышенного стандарта допустимо только в случаях, когда кредиторы оказались в неравном положении, т.е. к их требованиям должно быть одинаково неформальное отношение¹.

Складываются подходы «ограничительного» и «расширительного» толкования (хотя они так и не именуется) для установления возможности признать требования кредиторов. В основе лежат признаки доказательства определенных («ключевых») обстоятельств², касающиеся преимущественно дел, где предполагается влияние членов корпорации или аффилированных лиц на принятие должником решений. Если установлены определенные обстоятельства при образовании задолженности (чаще всего, это наличие той или иной зависимости), то на влияющее лицо (аффилированное лицо, члена корпорации) переходит бремя опровержения соответствующих фактов³.

При оценке поведения кредитора стал оцениваться и уровень его «осмотрительности» (например, при выдаче кредита⁴).

Предложено применять стандарт, предполагающий большую «глубину проверки» (в отношении круга лиц, времени, движения денежных средств). Например, в целях уточнения статуса кредитора и очередности его требований стало чаще использоваться выражение «ретроспективный период глубины проверки» сделки⁵.

¹ По делу известно, что в хозяйственном обществе было два участника, оба в разное время предоставляли кредит обществу. Но если требование первого участника включено в реестр, то включить требование второго участника суды отказались со ссылкой на аффилированность (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 1 ноября 2019 г. №307-ЭС19-10177 (2, 3) по делу №А56-42355/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Определение Судебной коллегии ВС РФ от 20 февраля 2019 г. №306-ЭС17-2344 (31) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. №308ЭС17-1556(1) по делу №А32-19056//14 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. №305-ЭС18-15540; Определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2018 г. №309-ЭС18-14765 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2019 г. №305ЭС18-22069 // СПС «КонсультантПлюс».

Намечены подходы к тому, чтобы учитывать в стандартах доказывания факт принятия или непринятия обеспечительных мер¹, что позволяет точнее оценить поведение должника и кредиторов.

Судебная коллегия по рассмотрению экономических споров Верховного Суда РФ считает, что следует учитывать всю «цепочку» заключенных сделок и оценивать добросовестность «конечного приобретателя»².

Однако стандарты должны применяться лишь в определенных ситуациях, не во всех случаях³.

Отдельные стандарты вызывают вопросы и порою свидетельствуют о лакунах и дефектах в нормативной регламентации отношений несостоятельности. Само по себе обилие стандартов (как «критериев достаточности доказательств») еще не говорит о целенаправленной и осмысленной их предварительной проработке⁴, также как требуется ревизия накопленного «багажа» стандартов, можно сказать — их систематизация.

Представляется также, что данные стандарты не должны исключать применение апробированных подходов к выяснению существа дела, в том числе использование общеправовых оценочных категорий, например, понятия «добросовестность»⁵.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. №305ЭС-4004 (1) // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 июня 2020 г. №307-ЭС19-26444 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 февраля 2019 г. №305-ЭС18-8671(2) // СПС «КонсультантПлюс». По данному делу известно, что признаки аффилированности имеются, но квартира должником приобретена не только за счет заемных средств, но и материнского капитала, а также личных сбережений.

⁴ См.: Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 №305-ЭС18-413 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 130–157.

⁵ При этом мы согласны с тем, что добросовестное или недобросовестное поведение не должно интерпретироваться как наличие или отсутствие правонарушения. Ведь «добросовестность» – это правовой принцип. Так, К.И. Скловский полагает, что для применения принцип добросовестности нуждается в фактах, установленных правоприменительным органом, применение принципа добросовестности «имеет частный характер», иначе говоря – требуется прецедент (см.: Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 94–118). Аналогично высказывается и Р.С. Бевзенко, полагающий, что не следует смешивать «несправедливость» и «незаконность», см.: Бевзенко Р.С. Анализ тезисов о принципе добросовестности в гражданском праве: https://zakon.ru/blog/2019/8/20/analiz_tezisov_o_principe_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave (дата обращения – 09.10.2019). Но важно заметить, что эта же логика допускает признание результата совместного недобросовестного поведения именно как правонарушения (например, если должник при

Ряд новых подходов должен быть оценен критически. Так, появилась практика, основанная на том, что деятельность компании должна быть полностью обеспечена уставным капиталом. Эта идея, явно заимствованная из германского права, предполагает недопустимость «компенсационного финансирования», и содействия членов корпорации ей и друг другу¹. Однако, тем самым оказывается дискредитированной и сама возможность финансовой помощи.

Накопленная за последние годы практика рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) явно дополняет нормативное правовое регулирование и непосредственно влияет на его развитие². После долгих десятилетий преобладания нормативистского подхода в правовой регламентации оказалось, что имеется значительная потребность в наборе правовых средств коррекции механизма применения права, вооружения корпуса лиц, осуществляющих процесс правоприменения, прежде всего судей, эффективным арсеналом достаточного полного раскрытия смысла закона и, соответственно, оценки действий субъектов права при несостоятельности.

Системная проверка и определенное упорядочение современных стандартов доказывания по делам о банкротстве целесообразны и потому, что у их действия два несовпадающих аспекта. Они подлежат применению соответствующими судами как специфический инструментарий, позволяющий раскрыть ряд значимых обстоятельств и успешно применить положения закона. Но они также ретроспективно действуют в отношении хозяйствующих субъектов — при оценке уже совершенных ими действий. И далеко не всегда полученные выводы при такой оценке совпадают с нормативными положениями о «дозволенном и недозволенном». Между тем,

несостоятельности скрыл счет и получил на него средства от обязанного лица). Итогом таких совместных действий, не вредоносных в отдельности, является причинение вреда кредиторам должника.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 августа 2020 г. №309-ЭС20-6158 // СПС «КонсультантПлюс».

² Ряд исследователей связывает это с наблюдаемым отходом в практике правоприменения от «сверхпозитивизма» и «нормативизма» (см.: Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 45–65).

субъекты права вправе рассчитывать на то, что критерии, предъявляемые к их действиям нормами права, а также порядок (алгоритм) правоприменения, способы доказывания тех или иных обстоятельств — в соответствии с началом транспарентности — будут прозрачны, понятны и представлены им заблаговременно, а не после состоявшегося судебного решения. В соответствии с п. 11 Руководства ЮНСИТРАЛ, «законодательство о несостоятельности должно быть прозрачным и предсказуемым», лишенное таких качеств законодательство подорвет доверие не только участников, но и потенциальных инвесторов¹. В этой связи уместным было бы найти удобную форму доведения существа основных стандартов требований до самих хозяйствующих субъектов как потенциальных участников отношений несостоятельности.

В сегодняшней структуре нормативного правового регулирования правила о формировании реестра требований кредиторов не увязаны с определенной процедурой, не дифференцированы исходя из того, какие юридически значимые результаты могут быть получены. Вряд ли это правильно уже потому, что направленность процедур не совпадает. Реестр требований кредиторов в законодательстве о банкротстве выполняет роль особого специального средства, обеспечивающего реализацию одного из важнейших концептов — справедливого и пропорционального распределения средств должника, соответствующий субинститут уникален, предназначен именно для конкурсного производства². Его возможное применение на этапе, когда сохраняется возможность реструктуризации задолженности, ограничено.

Основная и невосполнимая другими нормами функция реестра требований кредиторов заключается в аккумуляции и фиксации динамики процесса и итогов противостояния («борьбы») различных участников процедур банкротства в условиях, когда конечная сумма, на

¹ Руководство ЮНСИТРАЛ по вопросам законодательства о несостоятельности. С. 14-15.

² Близкая позиция высказана и в других работах (см., например: Пирогова Е.С., Курбатов А.Я. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебник. М.: Юрайт, 2015. С. 17-18).

которые направлены интересы конкурсных кредиторов, едина, представляет собой лишь стоимость конкурсной массы. При отсутствии этого не требовался бы и сам реестр в его сегодняшнем виде (достаточно было бы заявительной или аналогичной системы учета требований).

Необходимость оптимизации норм Закона о банкротстве, упрощения процедур и повышения роли арбитражных управляющих отражена в проекте изменений в Закон о банкротстве¹, ряд его объективно уместных положений связан с вопросами формирования реестра требований кредиторов. Предлагается установить, что эти действия совершает сам арбитражный управляющий, рассматривающий и заявления о включении в реестр, а также возражения на них (в арбитражный суд он лишь один раз в месяц направляет отчет о такой работе).

Подготовило проект значительных изменений в Закон о банкротстве и Министерство экономики РФ (для представления Правительством РФ в Государственную Думу²). Предлагаемые перемены весьма существенны и требуют специального анализа. Отметим лишь, что, на наш взгляд, предложения во многом целесообразны, необходимость изменений назрела давно и подтверждается данными о низкой эффективности большинства процедур в сегодняшнем их виде. В частности, следует считать конструктивными предложения об исключении процедур наблюдения, финансового оздоровления и внешнего управления (явно избыточных и неработоспособных) и введении вместо них процедуры реструктуризации долгов (весьма напоминающей аналогичную процедуру при банкротстве граждан). Уместна также идея о ее достаточно длительном характере (в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», см.: http://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2018 (дата обращения – 20.02.2019).

² Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) и отдельные законодательные акты Российской Федерации» представлен на портале раскрытия нормативно-правовых актов: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=100272> (дата обращения – 05.05.2020). См. также: Обобщение: ГПУ президента раскритиковало проект Минэкономразвития о реформе института банкротства. URL.: <https://fedresurs.ru/news/b3918103-c9ad-439b-a81d-607ab52edbe8> (дата обращения – 21.12.2020).

проекте указано, что это возможно с согласия кредиторов, а предельной срок — четыре года). Привлекает ряд предложений о реализации имущества должника, например, о продаже предприятий (как имущественных комплексов) целиком, без дробления, обычного при банкротстве¹.

В результате, возможно, удастся усилить роль и значение реструктуризации, выбрав определенную модель управления при банкротстве². Одновременно ожидается повышение значения конкурсного производства, исходя из того реального положения, которое оно занимает в концептуальной схеме банкротства и его фактического значения в современной практике³, усиление роли арбитражных управляющих при формировании реестра⁴.

Полезным может оказаться и опыт регулирования отношений по формированию реестра в других странах⁵. Правда, используемые правила обычно увязаны с применяемыми процедурами, а универсальной процедуры не существует⁶.

¹ К сожалению, практически не учтен зарубежный опыт такого приема реструктуризации, как сделки M&A («слияния и поглощения»), то есть действующих производств (going concern). Между тем, удельный вес таких сделок при проведении реструктуризации в зарубежной практике растет год от года, см.: Бобылева А.З. Раскрытие ценности неблагополучных компаний путем слияний и присоединений // Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения/Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстициформ, 2020 // СПС «КонсультантПлюс». Принята и Директива ЕС о проведении превентивной реструктуризации (см. The Insolvency Review. Sixth Edition // Ed. Bernstein D.S. Law reviews. Law Business Research Ltd., 2018).

² Например, английское законодательство о банкротстве отличается от российского тем, что в нем выбор наиболее подходящей процедуры осуществляется по рекомендации эксперта, при отсутствии перспектив сразу начинается конкурсное производство, см. Хоуман.М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3: Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве), 27 ноября – 1 декабря 2000 г.М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. С. 34–46.

³ См.: Пахаруков А.А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 28–32.

⁴ Однако предложения, касающиеся порядка отбора арбитражных управляющих, введения весьма сложной системы их оплаты и оценки деятельности требуют проверки и дополнительного анализа. Предлагаемый вариант определения арбитражных управляющих без участия кредиторов на основе специального алгоритма (рейтингов и элементов случайности) требует дополнительной проверки. В том числе потому, что арбитражных управляющих предполагается вовлечь в процесс улучшения показателей, а роль саморегулируемых организаций несбалансированно и резко возрастает (хотя они также могут быть заинтересованными лицами).

⁵ Заимствования из иностранного права оказываются эффективны лишь в случае, если они учитывают контекст и реалии жизни национального права (см.: Смирных А.Г. Рецепция иностранного права и реформирование законодательства о банкротстве // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право». 2018. № 3. С. 12–16.)

⁶ Так, проф. О. Харт пишет: «Подход «всех под одну гребенку» является ошибочным» (Цит. по: Подколзина Е.А. Формирование института банкротства в России: стимулы и поведение участников процедуры банкротства: Дис. ... канд. эконом. наук. М., 2007. С. 25).

Так, в Германии¹ правила о составе требований и их «регистрации» размещены практически в середине основного акта², после многочисленных правил о начале процедур несостоятельности, в том числе о предотвращении банкротства, лицах, принимающих участие в процедурах, потенциальных объектах и благах, которые могут быть использованы для удовлетворения требований (§§ 35–55, здесь немецкое законодательство выглядит более основательным). Согласно § 152, администратор составляет реестр («список», Gläubigerverzeichnis) всех кредиторов с указанием их данных, суммы долга, отдельно указываются кредиторы, имеющие право на отдельный платеж, особые права на специальные объекты (например, те, в отношении которых у кредиторов есть преимущества). Любопытно, что особо предусмотрено указывать варианты «компенсации» (т.е. замены) данного долга. Параграф 174 определяет «регистрацию» претензий (требований) у администратора, она обязательна (без нее, в частности, нельзя и обжаловать иски других кредиторов). При регистрации указывается сумма претензии, причина и обстоятельства, с которыми связана претензия (нарушение обязательства, неуплата налога и т.п.). Администратор данные о задолженности включает в специальные таблицы с отражением необходимых сведений. Надо заметить, что данный закон специально указывает, что представление данных, основанных на деликте или налоговом правонарушении кредитора, дает основание суду заблаговременно указать на возможность должника возражать против требования (§ 175). Интерес представляет правило о том, что коллекторские организации могут представлять кредиторов. Допускается ведение переписки в электронной форме. Возражения на претензии (в целом равнозначные отечественным заявлениям кредитора о включении в реестр) могут быть оспорены. Администратор в таком случае может за счет конкурсной массы заказать

¹ Институт несостоятельности Германии уже исследовался российскими учеными, см., например: Валягин В.В. Институт несостоятельности (банкротства) в законодательстве Российской Федерации и Германии: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

² То есть принятого в 1994 г. Закона о несостоятельности - Insolvenzordnung (InsO), см.: URL: . <http://www.gesetze-im-internet.de/inso/index.html> (дата обращения – 20.12.2020).

экспертизу (п. 2 § 177). Заинтересованным кредиторам выдается заверенная выписка о включении в «Tabell» с указанием суммы и очередности (§ 179).

Надо учитывать, что, если в соответствии с § 180 спор не подпадает под юрисдикцию местных судов, то региональный суд (здесь — суд федеральной земли) обладает исключительным правом рассматривать дело.

В законодательстве Франции о несостоятельности¹ до сих пор действует Торговый кодекс², в его Книге VI («Деловые трудности») содержатся основные нормы о порядке определения требований (претензий), их оценке и учете (см., например, ст. R631-1 – R634-1). Однако французское законодательство имеет весьма дифференцированные процедуры, хотя они и условно могут быть разделены на процедуры «реструктуризации» и «конкурса» («судебной ликвидации»). Относительно недавно (2014 г.) произошли существенные перемены, что привело к еще большему усложнению процедур реструктуризации (можно выделить «процедуры согласования», «ускоренного сохранения» и «сохранения»)³. В результате, если в процедурах ликвидации основная роль по определению состава требований принадлежит судебному комиссару, контролерам и администратору, то в процедурах реструктуризации у «судебного администратора» суд может сохранить весьма незначительные функции. Многие функции, включая учет претензий, выполняют комитеты кредиторов, администратор в таком случае осуществляет, скорее, лишь контроль.

¹ Основным актом остается Закон от 25 января 1985 г. № 85-98 «О судебном оздоровлении и судебной ликвидации предприятий», дополненный рядом других (например, Законом от 10 июня 1994 г. «О финансовом оздоровлении предприятий» № 94-475).

² Code de commerce. URL: www.legifrance.gouv.ru/affichCodeArticle.do?cidTexte=\\ (дата обращения – 20.12.2020). Имеется и переводы на русский язык (см.: Коммерческий кодекс Франции/Пер. и комм. В.Н. Захватаева. М.: Волтерс Клувер, 2008. 1269 с.). Позднее, в связи с принятием так называемой регламентационной части данного акта, вышел ее перевод и на русском языке (см. Коммерческий кодекс Франции (Регламентарная часть). (Предисловие, перевод и комментарии В.Н. Захватаева). Волтерс Клувер, М.: 2010).

³ Ле Корр П.-М. Функции и полномочия судебного администратора в процедурах, направленных на сохранение предприятия, предусмотренных правом Франции // Правовое регулирование процедуры несостоятельности в России и Франции: Сб. статей. М.: Юстициформ, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобный подход, в том числе распределение функций исходя из назначения и роли процедур, был бы желателен и в отечественном законодательстве¹.

Законодательство США выделяется по различным причинам. У него сложная структура, помимо законов федерации действуют и законы отдельных штатов (за отдельными исключениями), дополнительно действуют и другие законы («Закон о предотвращении преступлений», «О защите прав потребителей» и пр.), и все они постоянно модифицируются². Особый и довольно удобный компонент составляют Федеральные правила процедуры банкротства (постоянно изменяющийся синопсис организационно-технических правил)³. Исходно оно нацелено скорее на реабилитацию, а не на ликвидацию⁴.

Если выделить некоторые явно полезные для отечественной правовой системы особенности, отметим⁵ следующее.

Во-первых, если в отечественном законе практически не выражена связь порядка ведения реестра кредиторов и соответствующей процедуры, то в большинстве экономически развитых стран она, как правило, непременно проводится.

¹ Надо отметить, что сходные идеи обсуждаются сегодня в связи с возможностью введения института корпоративных арбитражных управляющих (см.: Компании – арбитражные управляющие не должны создаваться в форме ООО – замглавы ФНС. URL: <https://fedresurs.ru/news/ce7c3a8b-ca3a-4f32-9b18-6dd60abc6519>; Путин поручил создание института корпоративных арбитражных управляющих. URL: <https://fedresurs.ru/news/3a5ec8ba-6401-40fb-a3d8-aca8ec5a5393> (дата обращения – 28.12.2020).

² Это касается и Свода законов о банкротстве (Bankruptcy Code), который существенно обновляется практически каждые 7-10 лет, см.: URL: <https://www.usbankruptcycode.org/> (дата обращения – 20.12.2020). В отечественной литературе вопросам сравнения отечественного законодательства о банкротстве и в законодательства США посвящено несколько работ, см., например: Студенцова О.А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 70–109.

³ URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frbp/rule_1001 (дата обращения – 20.12.2020).

⁴ Прежде всего имеется в виду известная гл. 11 Свода законов о банкротстве, позволяющая относительно быстро осуществить реструктуризацию и освободиться от долгов, частично – гл. 12 и 13 (см. также: Мельник Т.П. Правовое регулирование отношений несостоятельности в России и Европейском Союзе: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 34–39).

⁵ Здесь остановимся лишь на вопросах темы. Но заслуживают внимания и другие аспекты, например, отношение к порядку информирования кредиторов. Если в отечественном законодательстве для начала течения срока процедуры наблюдения или конкурсного производства достаточно простой публикации, то в большинстве европейских стран с развитым правопорядком, регулирующим несостоятельность, необходимо и личное извещение. См. Маликов А.Ф. Вопрос соотношения принципа равенства кредитов (pari passu) с пресекательным сроком на включение в реестр кредиторов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 1. С. 154–170.

Во-вторых, заметен больший, нежели в отечественном законе, «практицизм» в предоставлении преференций отдельным требованиям. Так, во Франции имеются близкие отечественному законодательству правила о включении требований в реестр, выделяются «последующие» и «предшествующие» требования, а также «внешняя» и «внутренняя» задолженность¹. Однако, текущие требования, как правило, не имеют приоритета, если фактическое положение не позволяет удовлетворить все требования. Французский законодатель исходит из того, что очень трудно объяснить, почему при явной нехватке средств кому-то следует предоставить привилегии. Но явно сильнее защита прав работников и инвесторов, а также лиц, оказывавших финансовое содействие должнику; так, кредиторы, финансировавшие предприятие, и после введения процедуры несостоятельности, кредиторы, согласившиеся на отсрочку платежа, стоят выше в очереди прочих кредиторов (весьма привлекательное правило, которое было бы целесообразно включить в отечественный закон).

В-третьих, если доктрина и практика зарубежных стран активно осваивает ранжирование требований кредиторов (их субординацию) и, во всяком случае, определилась в этом вопросе, то мы лишь приступили к освоению этого способа коррекции реестра. Однако заметим, что представления о субординации требований разные. В США Кодекс о банкротстве (Раздел «С» § 510), субординация требований (именуемая «справедливым подчинением»), фактически оставил на усмотрение судов. Законодательство Германии в части, посвященной очередности кредиторов, в целом построено аналогично отечественному закону. После существенной реформы в 2008 г.² все займы участников группы, вне зависимости от того, когда они были выданы, оказываются в пятой очереди (после имущественных предоставлений безвозмездного характера). Если

¹ Что в целом близко к делению на «текущие» и «реестровые» требования, а также очереди в реестре по российскому праву (см. об этом: Бычкова К.М. Удовлетворение требований кредиторов в рамках процедуры несостоятельности в России и Франции: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С.41–48).

² «Закон о реформировании законодательства об обществах с ограниченной ответственностью и о борьбе со злоупотреблениями» (Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbräuchen).

сопоставить это с российской практикой последних лет, то легко заметить у них единые идеологические корни. С данным подходом не всегда можно согласиться уже потому, что немецкие и российские компании существуют в различной финансовой и экономической среде, а требования к уставному капиталу и его достаточности российское и немецкое законодательство предъявляют различные.

Многие страны Европы отказались следовать линии, намеченной в законодательстве Германии¹, и даже там, где допускается субординация требований при финансировании (Испания, Италия), она ограничена определенными рамками (например, не может быть субординации, если это была помощь для выхода из кризиса)². А в Англии преобладает мнение о том, что «в банкротстве все кредиторы равны»³.

В-четвертых, правопорядки развитых стран обоснованно исходят из того, какой процедуре конкурса должны предшествовать реабилитационные процедуры⁴. Поскольку в условиях реабилитационных процедур жесткое правило «справедливого и равного» распределения имущества должника во многом уступает методу «взаимных уступок» и более тонкому механизму баланса возможностей, обычный реестр требований на этой стадии оказывается не так важен (что, видимо, и мы скоро заметим).

Так, в США, в рамках правил главы 11 Кодекса⁵ «требования» кредиторов толкуются очень широко, при этом на стадии первичных процедур они не обязательно должны быть подтверждены судебным

¹ Не все страны согласились следовать этой «жесткой» модели субординации требований (см., например: Ионцев М.А. Компаративная справка о субординации требований контролирующих лиц при банкротстве должника во Франции // Документ не опубликован // https://m-logos.ru/img/M-Logos_Ioncev_27042018.pdf, дата обращения – 11.10.2020).

² См.: Белоусов И.А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 120–169.

³ Арабова Т.Ф., Будылин С.Л. Статья: Дело о транзитном должнике, или Верховный Суд о субординации требований в банкротстве. Комментарий к Определениям Судебной коллегии ВС РФ от 14.02.2019 N 305-ЭС18-17629, от 28.03.2019 N 305-ЭС18-17629(2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С.4–24.

⁴ Кстати, в ЕС принята и соответствующая Директива ЕС (Директива 2014/59/ЕС от 15 мая 2014 г.), направленная, по существу, на создание в ЕС единого механизма «финансового оздоровления», см: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0059> (дата – 20.02.2021).

⁵ См. Краткое содержание главы 11 Кодекса законов США о банкротстве (перевод работы судьи Р. Дрейна): URL: https://www.m-logos.ru/img/tezis_Miftahutdinov_161115.pdf. Дата обращения – 20.12.2020.

решением, а «списки» активов и пассивов составляет сам должник. В результате применения правил главы 11 Кодекса нет необходимости суду педантично подсчитывать долги и распределять имущества между кредиторами, здесь в центре внимания возможные, хотя и вынужденные, уступки сторон и позиция специализированного суда. Исключение составляют обеспеченные требования. Суду предоставляются весьма широкие полномочия по различной модификации требований и их консолидации в соответствии с планом. В соответствии со ст. 1129, суд утверждает план лишь при соблюдении весьма значительного числа условий и оговорок (например, если все сборы уплачены или план разрешает этот вопрос). Но если не удалось уложиться в 18-ти месячный срок или суд не увидел перспектив разработки и реализации плана реструктуризации, то назначается управляющий и процедуры несостоятельности ведутся по нормам главы 7 (ей более всего соответствует отечественное конкурсное производство). Правила ведения учета кредиторов и их требований описаны в ст. 501–511.

В-пятых, зарубежные правовые системы имеют различные оговорки и специальные нормы, допускающие подачу требований вне единого процесса банкротства и позволяющие рассматривать отдельные требования вне конкурирующих требований. Например, известно так называемое «внеконкурсное оспаривание», позволяющее избежать длительного банкротного процесса и в упрощенном порядке вернуть утраченные ценности в результате заключенных сделок¹. Его общий смысл и направленность понятны²: здесь дело о возврате имущества рассматривается по заявлению отдельного кредитора, которому причинен вред (обычно это происходит в силу особой ценности для него имущества, «выведенного» из обладания). Нередко подобное требование является единственным

¹ См. подробнее о мотивах и зарубежной практике применения внеконкурсного оспаривания»: Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание сделок должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С.8–54.

² См. обзорную публикацию о данном виде оспаривания в дореволюционный период: Верещагин А.Н. Дело 1907 г. о внеконкурсном оспаривании сделки должника // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 3. С. 176–192.

средством, поскольку фактически имущество может оказаться у лица, которое в процедуры несостоятельности не вовлечено, либо на данное имущество взыскание вообще не может быть обращено¹. По существу, речь идет о том, что одно из требований удовлетворяется не только вне общего процесса, но и без соотношения с другими требованиями — за пределами сформированного реестра требований.

Резюмируя, можно утверждать следующее:

- анализ отношений по формированию реестра требований кредиторов и оценка его влияния на взаимосвязанные отношения, исходя из задач исследования, может осуществляться на основе различных подходов (методов). Первый предполагает объектом реестр требований кредиторов как «систему записей». Второй ориентирован на необходимость изучения также данных об основаниях включения записей в реестр и, тем самым, позволяет увидеть правовую среду, в которой записи сделаны. Третий подход опирается на последовательность (этапность) существования правоотношения, в рамках которого возник долг, и позволяет отслеживать смену состояний существования отношения несостоятельности;

- отношения, возникающие на различных этапах формирования реестра требований кредиторов, не только детерминированы характером и задачами соответствующего этапа, но взаимозависимы и взаимообусловлены. Поскольку на каждой стадии задачи различны, они объективно нуждаются и в различных средствах правового воздействия (нормативных правовых актах, обобщениях судебной практики, а также в иных «нетипичных» формах воздействия);

- Современные способы исследования отношений при рассмотрении дел о банкротстве, в том числе стандарты доказывания, не относятся к средствам правового регулирования, но объективно дополняют действие норм права и представляют собой специфический инструментарий,

¹ Так, судебной практике известны случаи, когда имущество передавалось в режиме, исключающем обращение взыскания (п. 2 ст. 1018 ГК РФ) на него, см. п. 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

обеспечивающий раскрытие обстоятельств, минимизирования риска принятия несправедливых решений.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ РЕЕСТРА ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

§ 1. Право требования кредитора: правовая природа и виды требований кредиторов

Для указания на притязания кредиторов при банкротстве законодатель использует термин «требование», но это не означает утраты основной массой требований своих исходных свойств и природы в материально-правовых отношениях (хотя и может быть изменен их объем).

Слово «требование» в толковых словарях русского языка обычно определяется как выраженное в категоричной форме распоряжение, просьба¹. В римском праве специального термина для притязаний к должнику при его неплатежеспособности не было, использовалось общее наименование иска («actio») с добавлением формы и вида процесса². В российских правовых актах, посвященных несостоятельности, слово «требование» появилось довольно давно. Его использует и Устав о банкротах (например, в п. 43, 61 и др. говорится о «банкротовых требованиях», о «требованиях»), и Устав о торговой деятельности 1832 г.³ Положения названных актов вошли в принятый в 1903 г. Устав судопроизводства торгового (как часть Свода Законов Российской Империи)⁴, но слово «требование» стало заменяться на сходные: «исковая просьба», «претензия» и т.п.

«Требования», указываемые в Законе о банкротстве, генетически восходят к тому роду субъективных прав, которые возникают в ходе

¹ См., например: Словарь Ожегова [элект. ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32188> (дата обращения – 02.07.2020).

² Личные иски (actions in personam) подавались претору и назывались также *condictiones*, они заключались в требовании обязать к имущественному предоставлению (см.: Римское частное право/Под ред. И.Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юристъ, 1996. С. 56–57). Ульпиан (см.: D. 44. 7. 25) пишет, что личные иски делятся на: а) из «контрактов», б) из «факта», в) из «содеянного». Иски к неисправным должникам охватывались иском из «факта». Неизбежная конкуренция исков при множественности кредиторов решалась на основе правила «превенции» – преимущества подавшего иск ранее. Но отыскавший свое недвижимое имущество имел приоритет.

³ См.: Устав о банкротах 1800 г. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Устав судопроизводства торгового/С разъяснениями А. Добровольского. СПб.: Изд-во товарищества «Общественная польза», 1903.

движения товаров, юридического оформления перехода прав на объекты¹. Классическое понимание прав кредитора в обязательстве (ст. 307 ГК РФ) есть именно «право требовать» от должника соответствующего действия в конкретной правовой связи², а также в тех случаях, когда порядок исполнения изменился³. Ранее данное субъективное право традиционно именовалось «право требования», но со временем первая часть синтагмы (т.е. «право») была признана избыточной, свидетельствующей о тавтологии, так как «требование» в данном контексте и есть субъективное право. Это нашло отражение, в частности, в нормах главы 24 ГК РФ, где выражение «право требования» заменено на «требование».

Поэтому под требованием, применительно к Закону о банкротстве, следует понимать субъективное право, которым обладает кредитор в уже сложившейся договорной связи, либо в обязательстве, возникшем в результате правонарушения, в предусмотренной нормой закона внедоговорном обязательстве (например, в связи с обещанием награды, неосновательным обогащением)⁴ или в отношении по уплате обязательных платежей. В рамках процедур банкротства, где значительная часть понятий и категорий обычного хозяйственного оборота не может быть применена, оно осуществляется с учетом специальных задач регулирования в данной сфере.

¹ О.С. Иоффе отмечал, что «экономическая функция обязательства состоит в опосредовании перемещения имущества и иных результатов труда из сферы производства в сферу обращения и через последнюю – в сферу потребления»: Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 4 Эта связь с экономическими процессами важна для понимания и характеристики обязательств вообще, и для их применения в отдельных областях правового регулирования в частности.

² В случаях, когда речь идет о договорных обязательствах, право требования преимущественно реализуется как исполнение долга другой стороной (см., например: Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005). Но обязательства могут быть различного рода, в том числе и внедоговорные (см., например: Обязательства, возникающие не из договора: Сб. статей/Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2015).

³ В связи с развитием имущественного оборота, такие права могут представлять собой самостоятельную ценность и выступать объектом других правоотношений, т.е. право требования кредитора в обязательстве при соответствующих обстоятельствах может оказаться и объектом правоотношения; например, при цессии, при покупке долгов, при продаже предприятия и т.д. (см.: Байбак В.В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота. М.: Статут, 2005. С. 26 и далее; см. также: см., например: Сеницын С.А. Абсолютные и относительные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 55–62.)

⁴ Как отмечал Рене Саватье, всякое такое право «представляет собою ценность, поддающуюся учету в деньгах» (см.: Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. С. 94).

В современных языках хорошо прослеживается связь требований кредиторов с тем, что их субъективные права были не исполнены или нарушены должником¹.

В законодательстве и доктрине для классификации требований кредиторов в делах о банкротстве используют различные критерии, что часто зависит от направленности исследования².

В литературе обоснованно отмечается, что основу системы правоотношений, складывающихся в рамках института несостоятельности, «составляет обязательственное правоотношение», введение процедур банкротства «не изменяет существа правоотношения, из которого возникло право требования кредитора к должнику»³. Но самым существенным образом меняется правовой режим его исполнения.

Специальные нормы (прежде всего, ст. 2), регулирующие отношения несостоятельности, дают понятию «требование» несколько иную коннотацию, а равно и связанным с ним понятиям. В нормативно определенный тезаурус (т.е. основные понятия) Закона о банкротстве включено краткое раскрытие этих терминов⁴. Так, к «обязательствам» Закон

¹ В США и Англии определяющим словом, соответствующим «требованию», является термин «claim», в отечественных переводах это слово нередко переводится как «претензия», но это общее название для реакции на нарушение (см., например: Американская система банкротства // Сборник American Enterprisw Institute – 2005 г. URL: http://ria-arbitr.ru/old_materials/preview.php?id=16038&table=arbi_news&t=reg. Любопытно, что при переводе Модельных правил европейского частного права также использовался термин «требование», раскрываемое как «притязание, обоснованное ссылкой на право», см.: Модельные правила европейского частного права/ Пер. с англ. М.: Статут, 2013. С. 869. В Германии и других германоязычных странах требования кредиторов именуется «Glaubigeransptuch». Этимологически оно восходит к ключевому понятию немецкого права – «Anspruch», которое, видимо, лучше всего переводить как «правопритязание». Данное право (возможность) реализуется лишь путем обращения в суд, собственно говоря, это квинтэссенция, суть всякого субъективного права. (см., например: Жалинский А., Рерихт. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001. С. 306; Шапп Ян. Основы гражданского права Германии. М.: Спарк, 1996. С. 161–162)..

² Они могут быть связаны с инициативой банкротства, что позволяет выделять требования заявителей и лиц, не являющихся заявителями. С точки зрения того, могут ли требования участвовать в конкурсном процессе, выделяют конкурсные и неконкурсные. Поскольку для участия в конкурсе требования должны пройти проверку суда, рассматривающего дело, выделяют «установленные» и «неустановленные» требования. Определенное значение имеет деление требований на заявленные и незаявленные, очередные и неочередные, погашенные и непогашенные, «обычные» и «привилегированные» и т.д.

³ Карелина С.А. Особенности реализации принципов правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности/ Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. С. 298–309.

⁴ Прежде всего, понятий «должник», «кредитор», «конкурсный кредитор», отличающихся от общегражданского законодательства. Е.Г. Дорохина отмечает, что Закон о банкротстве использует

о банкротстве относит и те отношения, которые возникают по основаниям, предусмотренным Бюджетным кодексом РФ (ст. 2). Отличается от обычного гражданско-правового и правовое положение конкурсных кредиторов при банкротстве¹. Надо добавить, что определение данного понятия в ст. 2 Закона о банкротстве фактически исключает из состава должников при банкротстве публично-правовые образования, хотя, разумеется, они также участвуют в гражданско-правовых отношениях (см. главу 5 ГК РФ)².

По изложенным причинам у нас нет оснований усматривать в содержании требования кредитора, заявленного при несостоятельности, какое-то особое самостоятельное субъективное право (*sui generis*).

Оказавшись предметом дополнительной правовой регламентации, ранее возникшие права кредиторов оказываются находящимися в несколько измененном правовом режиме. В частности, это касается порядка и размера удовлетворения требований кредиторов как особого («экстремального») способа исполнения обязательств³.

Следовательно, под «требованием» в процедурах банкротства следует понимать находящееся в специальном режиме осуществления субъективное имущественное право кредитора, способное к денежной оценке, сущностная

«собственное» понятие кредитора, (см.: Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства // СПС КонсультантПлюс. 2009.

¹ См: Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 7–8. Должником признается не только лицо, обязанное в обязательстве (см. ст. 307 ГК РФ), но и граждане, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования по выплате зарплаты, выходных пособий и других платежей в рамках трудового договора.

² Закон о банкротстве объединяет их в категорию «уполномоченные органы», понимая под ними федеральные органы власти, уполномоченные Правительством РФ на представление в процедурах банкротства касательно требований об уплате обязательных платежей и требований РФ по денежным обязательствам, а также органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления (т.е. здесь они рассматриваются как лишь представители публичных образований в судебном процессе).

³ Расчеты с кредиторами на стадии конкурсного производства трудно признать надлежащим способом исполнения (в том числе из-за принудительного характера). С другой стороны, применение процедур банкротства, если долг существовал в денежной форме, не мешает признанию такого исполнения «реальным» (кредитор получает удовлетворение в той же форме, которая и предусмотрена обязательством). Здесь хорошо видно, что спор о соотношении принципов «надлежащего» и «реального» исполнения обязательств малопродуктивен, если пытаться это соотношение строить на субординации, данные принципы отвечают на разные вопросы, см. например: Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: Монография. М.: Проспект, 2014. С. 363–364; Волос А.А. Вопросы соотношения принципов надлежащего и реального исполнения обязательства // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 142–145.

характеристика которого predeterminedена задачами данного этапа существования правоотношения, а количественная характеристика обусловлена взаимосвязью с объемом требований других кредиторов и конкурсной массы. Данные права сохраняют свою природу (права в уже сложившейся договорной связи либо в отношении, возникшем в результате других, предусмотренных законом, обстоятельств). В результате возникновения признаков несостоятельности возникают не права особого рода (*sui generis*), однако меняется структура связей, устанавливается специальный режим осуществления, способный существенно скорректировать их количественные показатели долга.

Причины, по которым законодатель к числу включаемых в реестр требований указал лишь денежные требования, вызваны преимущественно специальной задачей процедур несостоятельности: учесть, сопоставить и даже ранжировать притязания кредиторов (реакция на «эффект стечения»)¹.

В гражданском праве словосочетания «денежное обязательство» должно объясняться не столько особыми свойствами передаваемого (предоставляемого) объекта², сколько спецификой характера действий — они направлены на исполнение обязанности платежа³. В прочих правоотношениях, в отношении объекта которых используется слово «деньги» или его производные, они не указывают на функцию платежа, такие обязательства нет оснований считать денежными (например, если деньги лишь хранятся, перевозятся и пр.).

¹ В литературе отмечается, что «требования кредиторов должны быть сопоставимыми и иметь некоторое количественное выражение, поскольку для каждого кредитора необходимо установить степень влияния..., а для каждого должника – минимальный порог, преодоление которого свидетельствовало бы о банкротстве» (Карелина С., Эрлих М. Разграничение денежных и неденежных обязательств в процессе несостоятельности (банкротства) // Корпоративный юрист. 2008. № 2. С. 50–54).

² Таким образом, особенности вызваны не физическими свойствами монет и купюр. Собственно говоря, деньги в цивилистическом смысле и с учетом ст. 140 ГК РФ есть лишь право произвести легитимный (признаваемый государством) платеж.

³ В литературе высказаны близкие, но несовпадающие мнения об особенностях денежных обязательств. О.С. Иоффе полагал, что ими являются любые отношения по платежу, см.: Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. С. 90. Менее точной была позиция Л.А. Лунца, считавшего, что в данных отношениях всегда передаются знаки, признаваемые «деньгами», см.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства // Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 2004. С. 106–108. В последнее время логический объем понятия был еще более сужен и к ним стали относить лишь те правоотношения, где проявляется платежная функция денег (см., например: Новоселова Л.А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. М.: ЮрИнфоР, 1996. С. 15–17).

Не всегда просто выяснить существо правоотношений, тем более, что они иногда модифицируются. Поэтому денежные обязательства в гражданском праве традиционно разделяются на: а) регулятивные и б) охранительные; если в первом случае уплата денег или иное действие составляет основную обязанность, то во втором случае выплата денежных средств есть обязанность предоставить некоторый денежный аналог несостоявшегося исполнения¹.

Указав, что к конкурсным требованиям относятся лишь «денежные требования», законодатель опирается на логику «от противного», т.е. не подлежат включению все требования, не имеющие такого характера². Закон не содержит и перечня требований, которые, наоборот, не должны включаться в реестр, их состав не только не изложен в исчерпывающем списке (*numerus clausus*), нет и системного описания критериев, по которым следует отказать во включении того или иного требования в реестр. Это обстоятельство несколько уравнивается развитием судебной практики³, но в целом явно требуются развернутые нормативные установки.

Ясна лишь недопустимость включения в реестр тех требований, которые прямо названы в абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве. Впрочем, и это описание весьма кратко (и не полно), да и синтаксически построено на противопоставлении (*in contrario*) «денежным» обязательствам⁴. Некоторые

¹ См., например: Лавров Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 38–39.

² В п. 3 ст. 63 Закона о банкротстве относительно этого весьма непростого вопроса имеется лишь краткое указание на то, что при наличии возражений арбитражный суд «проверяет обоснованность требований и наличие оснований для включения указанных требований в реестр кредиторов».

³ Так, именно в судебной практике были сформулированы правовые позиции о том, что: а) требование владельца счета в банке должно быть квалифицировано как требование о возврате остатка средств на счет в связи с расторжением договора (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 августа 2018 г. №305-ЭС17-10167), б) о том, что возврат займа учредителю может прикрывать распределение прибыли (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. №305-ЭС16-17018), о том, что злоупотребление правом при заключении договора, не признанного недействительным в самостоятельном порядке, может привести к отказу включения требования из него в реестр кредиторов (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19 марта 2018 г. №302-ЭС17-17018) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Представляется, что текст абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве не точен. Например, слово «обязательства» используется применительно к корпоративным отношениям, однако последние по основаниям, направленности и структуре, как правило, отличаются от обязательств. Как об отношениях «обязательственного типа» (но не обязательствах) можно говорить лишь об отношениях по поводу распределения прибыли. Об отличии корпоративных отношений от обязательств см., например: Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39.

ограничения и запреты¹ по включению в реестр следуют из ст. 131, 142 и других отдельных положений Закона о банкротстве, либо выводятся косвенным путем из сопоставления различных норм, в том числе ГК РФ.

Исключение² требований учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия, из числа требований конкурсных кредиторов заслуживает отдельного обсуждения (см. также § 2 гл. 3). Как правило, имеются в виду требования, связанные с выплатой части распределяемой прибыли хозяйственных обществ (например, дивидендов), но, в принципе, речь может идти о различных правах, вытекающих из корпоративных отношений (см., в частности, ст. 65.2. ГК РФ). Отметим, что не включаются в реестр лишь те требования участников корпорации, которые основаны на праве участия, поскольку иные (общегражданские) требования как к корпорации в целом, так и отдельным ее участникам, могут включаться в реестр (например, вытекающие из подряда). В литературе относительно требований участников корпорации к должнику были высказаны различные суждения³, но следует признать, что специфика корпоративных отношений в рамках отношений несостоятельности не должна лишать таких кредиторов ни права на получение части распределяемой прибыли, ни сумм,

¹ В силу прямого указания закона (абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве) не могут включаться в реестр требования граждан, перед которыми должник несет ответственность за причинение вреда жизни или здоровью, по выплате вознаграждений авторам результатов интеллектуальной деятельности. Их требования сохраняют силу, они лишь удовлетворяются в особом порядке. Названные лица имеют значительные преимущества в очередности удовлетворения требования. Это особый вид преференций, поскольку, как известно, отношения по возмещению вреда также являются обязательствами, а на отношения по распоряжению исключительными правами распространяются общие положения об обязательствах (см., например, п. 2 ст. 1233 ГК РФ). Не включаются в реестр и требования из обязательств по выплате сумм сверх возмещения вреда, предусмотренные ст. 60 Градостроительного кодекса РФ. Принципиальная возможность взыскания в качестве возмещения вреда, помимо предусмотренного ст. 15 ГК РФ, вытекает из положений п. 1 ст. 1064 ГК РФ, равно как могут быть установлены и правила, по которым вред возмещается не только причинителем вреда. Выведение таких требований за пределы конкурса направлено на повышение гарантированности их получения и обеспечение более высокого стандарта социальной справедливости.

² Видимо, точнее говорить о понижении требований, поскольку требования из корпоративных отношений не участвуют лишь в конкурсе, но при достаточности имущества все же могут быть удовлетворены. Здесь сказывается эффект субординации, позволяющей понижать в очередности различные требования, см. также: Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Обзор судебной практики от 29 января 2020 г.

³ См., например: Долинская В.В. К вопросу о защите прав акционерных обществ и акционеров при несостоятельности (банкротстве) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7. С. 37–40.

составляющих ликвидационную квоту¹. Это может произойти лишь после специальной проверки обоснованности, размера требований² и после удовлетворения требований конкурсных кредиторов.

В ряде случаев кредитор может утратить право войти в число конкурсных и в силу реализации принадлежащего ему права на выбор средства защиты³.

Не подлежат включению в реестр требований кредиторов текущие платежи. Причиной является то, что они предназначены: а) для обеспечения удовлетворения потребностей их получателей, в том числе при исполнении публичных потребностей, б) данные требования не находятся в режиме конкуренции с прочими требованиями. Их понимание в целом сложилось, обобщена и судебная практика⁴. Такие требования также удовлетворяются в определенной очередности (п. 2 ст. 134 Закона о банкротстве)⁵. В судебной практике признано, что требования по оплате поставленных товаров относятся к текущим, если даже передача их произошла после возбуждения производства по делу о банкротстве⁶.

Проценты годовых (ст. 395 ГК РФ) имеют сложную природу, поскольку с одной стороны, они выступают средством стимулирования, а, с

¹ Иной подход означал бы, что их права на свое имущество ограничены и в условиях специальной нормы, устанавливающей такое ограничение, на них не распространяются нормы ст. 55 Конституции РФ.

² Это следует из п. 3–5 ст. 71, п. 3–5 ст. 100 Закона о банкротстве и должно осуществляться независимо от наличия разногласий. Соответствующая правовая позиция сформулирована и в п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». В любом случае суд должен предварительно дать оценку природы требования (т.е. является оно корпоративным или гражданско-правовым). См. также Обзор судебной практики от 29 января 2020 г.

³ Такая ситуация возникает, в частности, у дольщиков в делах о банкротстве застройщиков по договорам долевого строительства. Если участник выбирает формой защиты своих прав признание права собственности (на объект или долю в праве собственности), то его требования не могут включаться в реестр (исключаются из него), см.: Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения. М.: Юстицинформ, 2018. С. 76–77.

⁴ См. также: п. 1, 3 ранее указанного постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63.

⁵ Исследователи отмечают несовершенство данной очередности, см., например: Витрянский В.В. Российское законодательство о несостоятельности (банкротстве) в процессе его перманентного реформирования // Актуальные проблемы частного правового регулирования. Liber amicorum в честь академика М.К. Сулейменова. Алматы: Зангер, НИИ частного права, 2011. С.232–247.

⁶ См.: Определение Верховного Суда РФ от 5 июля 2017 г. №306-ЭС17-1387 по делу №А06-2865/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Важно, чтобы дата возбуждения дела о банкротстве предшествовала дню возникновения требования исполнения; если же исполнение было произведено до возбуждения дела о банкротстве, требование нет оснований считать текущим (см.: Определение Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. №303 ЭС17- 2748 по делу № А59-537/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

другой, направлены на компенсацию реальных потерь кредиторов и даже могут рассматриваться как плата за пользование денежными средствами¹. В этой связи ограничения по их учету и взысканию (см. § 3 гл. 1) не действуют в отношении процентов, начисленных по обязательствам, возникшим до возбуждения дела о банкротстве; проценты, начисленные до этой даты, включаются в реестр как задолженность (п. 3 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 88).

Случаи, когда третье лицо исполняет за должника обязательство, неоднозначно толкуются в отечественной практике. Чаще всего во включении в реестр отказываются по основательному подозрению, что в этом проявляется аффилированность должника и третьего лица, либо платеж был следствием заемных отношений (в результате, требования третьего лица часто рассматриваются как требования самого заемщика). Однако, если названные обстоятельства не установлены, было бы справедливо считать такие действия правомерными (помимо сходных платежей, предусмотряемых ст. 112.1 Закона о банкротстве)², и требования третьего лица включать в реестр кредиторов. Отметим, что норма ст. 387 ГК РФ прямо предусматривает «автоматический» переход требования к лицу, исполнившему обязательство, а Закон о банкротстве не запрещает платежи третьих лиц за должника.

Закон избирательно относится к требованиям по возмещению убытков (ст. 15, 393 ГК РФ). Требования, представляющие собой суммы убытков в форме упущенной выгоды, а также неустоек, иных финансовых санкций, подлежат включению в реестр, но учитываются отдельно и подлежат удовлетворению после погашения основной задолженности и процентов (п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве), т.е. в «четвертую» очередь³.

¹ О позициях, высказанных в литературе относительно природы воздействия, предусмотренного ст. 395 ГК РФ, см, например: Добрачев Д.В. Журнал российского права. 2009. № 3. С. 43–51.

² См.: Тигранян А.Р. Оспаривание сделок по исполнению третьим лицом обязательств несостоятельного должника // Банковское право. 2016. № 1. С. 21–30.

³ См. п. 10 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договора незаключенным, утв. Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 165.

Судебная практика исходит из того, что заключение между должником и кредитором мирового соглашения не дает оснований считать, что происходит своеобразное смешение различных по природе сумм и образуется некий общий «трансформированный» долг, поэтому суммы санкций по-прежнему учитываются отдельно¹.

Практически все специалисты положительно отнеслись к тому, что требования в части возмещения реального ущерба оказались в Законе о банкротстве уравнены с требованиями основной задолженности. Но идея уравнивать с ними и требования о взыскании упущенной выгоды была отвергнута². Такой подход трудно признать справедливым, поскольку фактически в неравном положении оказывается значительная часть хозяйствующих субъектов³.

Требования из векселей, как таковые, подлежат включению в реестр. Однако в соответствии со сложившейся практикой надо доказать ряд обстоятельств, в том числе «наличие финансовой возможности передачи денежных средств, так и факт, и реальность такой передачи». Представляется, что данная формулировка (отраженная в п. 26 Постановления Пленума № 35) не вполне корректна применительно к вексельным требованиям. В указанном пункте постановления речь идет о любых случаях, когда надо подтвердить задолженность, ее основание и размер, в том числе самые разные ситуации, когда фактически задолженность не возникла или вызвана искусственно. Действительно, векселем могут оформляться и заемные отношения, тогда требуется

¹ Однако суммы, фактически уплаченные стороной в счет платежей по договору, признанному в дальнейшем незаключенным, в судебной практике относят к денежным требованиям и включают в сумму основного долга (см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2011 г. №Ф08-4869/11 по делу №А53-9308/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

² С очень сомнительной аргументацией, что это может вызвать злоупотребления, см.: Добрачев Д.В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012 // СПС «КонсультантПлюс». Как известно, злоупотребления рождаются вовсе не из того, что что-то дозволено, а что-то — нет.

³ Важно учитывать, что для массы хозяйственных организаций, деятельность которых основана на производственном цикле, а не на торгово-посреднических операциях, упущенная выгода представляет собой не менее реальный ущерб, чем та часть убытков, которая получила наименование «реальный ущерб».

проверить сам факт займа¹. Однако вексельный оборот, в том числе в сфере предпринимательской деятельности, может быть и не связан с заемными операциями (например, может оформлять ранее возникшую задолженность, выступать в качестве обеспечительного средства перед третьими лицами и пр.). При этом важно учитывать особый правовой режим вексельного оборота, на который не распространяются общие положения гражданского законодательства. Собственно говоря, вексель есть абстрактная ценная бумага, его сила и действие определяются по обязательным реквизитам и дополнительным оговоркам. Но при этом надо различать простой и переводной вексель, первый есть ничем не обусловленная обязанность заплатить, второй представляет собой «ничем не обусловленное предложение заплатить» (см. пп. 2 п. 1 Положения о переводном и простом векселе, от 7 августа 1937 г.). Переводной вексель при отсутствии акцепта, авая, иных оговорок не дает оснований квалифицировать содержание векселя как «обязанность заплатить»². Однако его выдача обычно сопровождает некоторые другие отношения, которые и требуется выяснить и оценить (т.е. не сам вексель). Поэтому перед тем, как принимать решение о включении или невключении вексельной суммы в реестр, следует определить юридическую характеристику таких действий, выяснить, не прикрывают ли они создание фиктивной задолженности (см. также § 3 гл. 2).

Необходимость учитывать особенности обязательств, возникающих на организованных торгах, включая биржи, побудила законодателя ввести ст. 4.1. Закона о банкротстве. Однако ее появление не устранило ряда проблем правоприменения. Это касается сделок РЕПО, которые, в стандартном их варианте, заключаются не в целях приобретения самих ценных бумаг, а для получения определенной суммы средств (первая часть сделки). По прошествии определенного времени сумма средств возвращается (вторая часть сделки), а сами ценные бумаги выполняют роль своеобразного

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 8 июня 2018 г. №305-ЭС18-6805 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Белов В.А. Вексельное законодательство России. М.: ЮрИнфоР, 1996. С. 51.

обеспечения. Таким образом, данные сделки заключаются в расчете на рост цены ценных бумаг и разницу стоимости двух платежей (платеж о второй части включает в себя и плату за предоставленные средства). Эта структура сделки и состав действий отражены и в ст. 51.3. Федерального закона о рынке ценных бумаг¹, правда, в ней указано, что данные бумаги в первой части сделки переходят в «собственность» покупателя.

При рассмотрении одного из дел было установлено, что банк-клиент выполнить условия сделки РЕПО не может, поскольку у него отозвана лицензия, началось конкурсное производство, а ценные бумаги находятся у депозитария. Суды удовлетворили требование о взыскании суммы оставшейся выкупной цены и процентов по ст. 395 ГК РФ, согласившись с мнением банка-клиента, полагавшего, что все же надо взыскать с брокера, совершавшего операции. По мнению же брокера, это просто невозможно, так как банк-клиент уже не сможет исполнить сделку в полном объеме (если даже обязать депозитария распорядиться деньгами в его пользу). Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила судебные акты, а дело вернула на новое рассмотрение в первую инстанцию². Она сослалась на п. 2 ст. 328 ГК РФ, ряд положений закона о рынке ценных бумаг и необходимость более тщательно изучить вопрос о том, есть ли признаки прекращения отношений в связи с названными обстоятельствами и на ком именно лежат последствия невозможности исполнить сделку.

Представляется, что «горизонт» принятия решений в таких ситуациях достаточно велик, если анализировать все детали условий договора. Однако есть лишь два базовых подхода к решению вопроса о том, включать или не включать сумму задолженности в состав конкурсной массы. Во-первых, правовая природа сделок РЕПО не оставляет сомнений, что общие нормы о сделках, договорах и обязательствах здесь могут применяться лишь за пределами специального нормативного регулирования. Одним словом,

¹ Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1956. (Далее – ФЗ о рынке ценных бумаг).

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27 августа 2019 г. №305-ЭС19-4324 // СПС «КонсультантПлюс».

руководствоваться следует специальными положениями о таких сделках, совершаемых на рынке ценных бумаг. Законодательство о рынке ценных бумаг в ряде статей предусматривает наличие «генерального соглашения» или иного общего для данного сегмента рынка стандарта, определяющего судьбу отдельных обязательств, которые могут быть прекращены с выведением так называемых «нетто-обязательств». Последние, если их определить кратко, представляют собой результат взаимозачетов («сухой остаток») при клиринге¹ по сделкам на организованных финансовых рынках².

Второй подход потребуется в случаях, когда сделка РЕПО не подчиняется условиям генерального соглашения или иного стандарта, действующего на организованном сегменте рынка³.

Впрочем, главное состоит в том, что законодатель не определяет РЕПО как особую сделку, описав совершаемые действия в самых обычных терминах (так, предусмотрено, что ценные бумаги на первом этапе передаются покупателю в «собственность»). Но ведь конституирующим и квалифицирующим признаком сделок РЕПО, отличающим их от других, является не переход «права собственности» (как это имеет место, например, при купле-продаже), а предоставление на время финансовых ресурсов владельцу ценных бумаг в результате передачи оговоренной суммы, возвращаемой на втором этапе. Тем более, что ценные бумаги как таковые

¹ Определение неттинга (операций по формированию нетто-обязательств) содержится в ст. 2 Федерального закона РФ от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904.

² Заметим, что согласно п. 3 ст. 51.5. ФЗ о рынке ценных бумаг установлено, что в примерных условиях генеральных соглашений должно предусматриваться прекращение неисполненных обязательств первой части сделки при банкротстве. Если договор брокера (как участника биржи) включал условия о применении таких общих правил, что видится несомненным, то и надо пользоваться этим специальным регулированием (то же следует из ст. 4.1 Закона о банкротстве). Иными словами, договорные отношения следует считать прекращенными после первого этапа.

³ Анализ возникающей ситуации проведен П.В. Хлюстовым, увязывающим ее разрешение с выяснением экономической природы сделки РЕПО, см.: Хлюстов П.В. AMICUS CURIAE по делу №А40-109356/2017 Инициативное научное заключение (по аналогии с § 34.1 Регламента Конституционного Суда РФ) по вопросу возможности включения ценных бумаг, переданных покупателю в рамках исполнения первой части договора РЕПО, в состав его конкурсной массы // <http://www.phplaw.ru/upload/iblock/a86/Инициативное%20научное%20заключение%20по%20делу%20№%20А40-109356-2017.pdf> Дата обращения – 11.09.2019). При этом, по мнению автора, возможны различные варианты оценки второй части сделки (и заем, и залог). Однако он предлагает практически неосуществимый (в данном случае, т.е. в связи с банкротством) вариант действий – «признать», что ценные бумаги являются именно обеспечением. Во всяком случае, надо согласиться с тем, что здесь налицо противоречие юридической формы сделки и ее экономического содержания.

обладают ценностью лишь потому, что выражают определенные права, выраженные в них (а не сами по себе)¹. Данные обстоятельства не дают возможности признать, что ценные бумаги, переданные покупателю, поступают ему именно в собственность. Но может ли суд, в том числе и после указаний Судебной коллегии Верховного Суда, направившей дело на новое рассмотрение, дать иную квалификацию отношений, которая уже зафиксирована в законе, и, тем самым, «поправив» законодателя? Представляется, в сложившихся условиях, когда специальных правил о трансформации обязательства для данного случая нет, допустимость подобного приема надо доказывать отдельно². Отсутствует и норма, позволяющая оценивать ценные бумаги как предмет залога (хотя в РЕПО они выполняют именно обеспечительную функцию). Одним словом, было бы правильно предусмотреть сделки РЕПО как самостоятельные (экономический смысл таких сделок не предполагает перехода права собственности). А пока этого нет, надо учесть имеющиеся обстоятельства и сопоставить их с правилами, допускающими изменение или даже расторжение договора (должно действовать правило *clausula rebus sic stantibus* — т.е. «обязательства неизменны при неизменной обстановке») и правила ст. 450–453 ГК РФ.

Обязательства, возникшие из дополнительных нетипичных оснований, например, из предусмотренных главой 26 ГК РФ, также могут быть включены в реестр требований кредиторов. Возможность их использования прямо предусмотрена п. 8 ст. 142 Закона о банкротстве. Это вполне соответствует Рекомендации 101 Руководства ЮНСИТРАЛ, предусматривающей, что следует признать связанные с финансовыми контрактами договорные права, которые позволяют прекратить эти контракты и произвести зачет либо взаимозачет.

¹ Это вытекает и из их нормативного определения (см. ст. 142 ГК РФ), и из того, что ценность представляют именно возможности, отраженные в соответствующей бумаге, см., например: Грибов А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим. М.: РИОР, 2006. С. 19–23.

² В том числе здесь нет оснований воспользоваться положениями п. 34 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 о трансформации «неденежных» обязательств в «денежные».

Неисполненная подрядчиком обязанность по внесению обеспечительного платежа (ст. 381.1. ГК РФ) по обеспечению гарантийных обязательств (в рамках госконтракта) не должна включаться в реестр требований. В том числе и потому, что с момента введения конкурсного производства такой платеж не может выполнять своей определяющей функции¹, обеспечительный платеж существует лишь в исполняемом сторонами договоре. Возможно, требуется коррекция оценки, если производилась предварительная оплата, а обеспечительный платеж предусматривался для компенсации различных потерь заказчика. Строго говоря, хотя и есть номинал, но такое обязательство не является денежным.

Требования к должнику о внесении предоплаты, авансового платежа и прочих «первичных исполнений», по мнению Верховного Суда РФ², не дают голоса на собраниях кредиторов, но учитываются в составе «пятой очереди», т.е. после обычных кредиторов, «опоздавших» кредиторов и перед требованиями участников корпорации.

Запрет установлен для новации и только при производстве расчетов с кредиторами в рамках конкурсного производства (абз. 1 п. 9 ст. 142 Закона о банкротстве). Новированные же обязательства кредитора, как таковые, могут включаться в реестр. Решающее значение имеет общий смысл новации как способа именно прекращения ранее существовавших обязательств и появления новых. Возможно, при иной оценке действия нормы п. 1 ст. 414 ГК РФ (которая является диспозитивной), можно было бы избежать категоричного ее толкования, но применительно к делам о несостоятельности это нежелательно, так как обостряет проблему разграничения новации с близкими правовыми явлениями³. В сегодняшнем толковании соглашение о новации, безусловно, не просто прекращает ранее существовавшее

¹ См.: Е. Платицина. Есть ли требованию внесения обеспечительного платежа место в реестре требований кредиторов? // https://zakon.ru/blog/2020/6/27/est_li_trebovaniyu_o_vnesenii_obespechitel'nogo_platezha_mesto_v_reestre_trebovaniy_kreditorov_sud_na (дата обращения – 03.07.2020).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ №305-ЭС18-11840 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом, например: Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. М.: Статут, 2014. С. 220 и послед.

обязательство, но и порождает новое. Придание новации иного смысла вступило бы в противоречие с целями конкурса, а процесс признания банкротом был бы не завершен. Поскольку норма о запрете новации помещена лишь в главу VII Закона о банкротстве, новация как способ прекращения обязательств не исключена в других ситуациях при несостоятельности (см., например, п. 1 ст. 156 Закона о банкротстве). Но, очевидно, она может быть востребована при реструктуризации.

Трудно согласиться с мнением о том, что запрет на новацию¹ при конкурсном производстве неоправдан, а ссылки на допустимость отступного и мирового соглашения неубедительны².

Применительно к обсуждаемому вопросу всегда существовала идея допустить включать в реестр и те требования, которые проистекают из тех неденежных обязательств, которые способны быть выражены в денежной оценке. Поэтому целый ряд требований в рамках процедур банкротства рассматривается как конкурсные, если даже обязанность не предусматривает платежа, но размер в денежной форме может быть определен (или даже указан в такой форме в договоре). Например, рассматриваются как конкурсные оплаченные требования о поставке товара или выполнении работ. Впрочем, иное решение вопроса было бы несправедливо — по сравнению с прочими кредиторами³. Существенно, что в конкурсном

¹ См.: Аминов Е.Р. Особенности соглашения о новации в процедуре несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 5. С. 28–33.

² При использовании конструкции отступного (ст. 409 ГК РФ), обязательства сторон просто прекращаются, мировое же соглашение, хотя и может включать появление новых обязательств, все же представляет собой особую процедуру именно банкротства, причем процедуру именно прекращения производства по делу (ст. 2 Закона о банкротстве). Таким образом, мировое соглашение в делах о банкротстве не является просто разновидностью мирового соглашения. Оно имеет значительные особенности, не применяется в отношении кредитных организаций, да и заключается оно не в условиях, когда есть истцы и ответчики. У мирового соглашения при банкротстве также особый порядок заключения (со стороны кредиторов и уполномоченных органов решение об утверждении принимает собрание кредиторов) и т.д. Поэтому на практике мировые соглашения, заключаемые на стадии конкурсного производства, и включающие положения, не свидетельствующие о прекращении отношений, не позволяют прекратить производство и не дают оснований для их утверждения судом (См. также: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)»).

³ Это кажется очевидным: «если какой-то из кредиторов должника получает полное удовлетворение своего требования, он оказывается в преимущественном положении по отношению к другим кредиторам. Более того, он оказывается в таком положении за счёт других кредиторов...» (Суворов Е.Д. Реализация принципа равенства кредиторов при исполнении обязательства при выполнении работ и передаче их результата при в

производстве кредитор по таким обязательствам лишен возможности подать отдельный иск: все их требования рассматриваются в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве¹.

По этим же причинам, а также для того, чтобы достичь целей конкурса, справедливо распределив выявленное имущество должника, подлежат включению в реестр требования реституционного характера². Это касается также разнообразных прав, возникающих при изменении («трансформации», «преобразовании») ранее имевшихся обязательств³.

Однако норма ст. 2 Закона о банкротстве, относящая к конкурсным требованиям лишь права из денежных обязательств, до сих пор дает почву для постоянных дискуссий и споров о том, является ли конкретное требование «денежным» или нет⁴.

Высшие судебные инстанции поясняли, что с даты признания должника банкротом требования кредиторов могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства. Однако в конкурсном производстве могут предъявляться и возникшие до возбуждения дела требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера по правилам ст. 100 Закона о банкротстве, то есть в порядке искового производства (см., например, п. 33–34 постановления Пленума № 35).

Одни исследователи связывают данный прием (обычно именуемый «трансформацией») с тем, что здесь проявляется различие регулятивных и

случае несостоятельности подрядчика // Вестник московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 129–145.

¹ Эта проблема была известно давно. Г.Ф. Шершеневич полагал возможным придавать денежную форму различным обязательствам должника, полагая, что нет необходимости в этом лишь в случаях, когда обязательства сами выражены в рублях (см. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: 2000. С. 384 и далее).

² То есть вытекающие из нормы п. 2 ст. 167 ГК РФ, см., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. №303-ЭС16-12221 (1) по делу №А59-46605/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Однако надо учитывать, что при некоторых обстоятельствах реституционные требования могут быть отнесены к текущим. Например, если предоставление по сделке совершается до возбуждения дела о банкротстве, то требование включается в реестр, см. об этом: п. 29.5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в ред. от 30 июля 2013 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III, 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

³ Например, если до признания несостоятельности должника его обязанность поставить товар была по соглашению сторон заменена на уплату денежных средств.

⁴ Справедливо на это обращает внимание М.А. Рожкова, см.: Рожкова М.А. О круге денежных обязательств, значимых для определения признака банкротства // Корпоративный юрист. 2009. № 4. С.22–23.

охранительных отношений. Поскольку в случае несостоятельности прежняя деятельность должника осуществляться не будет, отношения кредитора и должника приобретают охранительный характер, где денежная форма является если не приоритетной, то допустимой¹. Другие отмечают, что преобразование в денежную форму — единственный способ удовлетворить обоснованные интересы кредиторов. Третьи ссылаются на то, что деньги являются универсальным средством расчетов в рыночной экономике и т.д. Все эти доводы имеют свою логику и в определенной мере обоснованы. Кстати, идея о «трансформации» является, по сути, заимствованием из немецкого законодательства (*Insolvenzordnung*, действующего с 1999 г.) и перешла вместе с рядом других положений в российский Закон о банкротстве.

Мы полагаем, становление и применение трансформации² в нашем законодательстве и практике его применения должно осуществляться с учетом следующих соображений.

Во-первых, данный прием позволяет реализовать одну из важнейших задач законодательства о несостоятельности (банкротстве) — отреагировать на факт несостоятельности и воздействовать на уже сложившиеся правоотношения³.

Во-вторых, такая трансформация должна быть отделена от других способов регулирования и воздействия на возникшую ситуацию, в том числе от различных приемов субординации требований или недопущения к конкурсу. У них просто разные задачи. По аналогии с рядом правопорядков

¹ См., например: Кархалев Д.Н. Объект охранительного правоотношения // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 51–58.

² В литературе отмечается, что само это явление («трансформация») практически не исследовано в праве, но также признается необходимость нормативных изменений (см.: Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. М., 2006. С. 128–130).

³ По мнению ряда исследователей, понятие «трансформация» имеет универсальное значение для конкурсного права, так как при несостоятельности модифицируются, изменяются почти все связи и их компоненты, включая права, обязанности, объем правоспособности и дееспособности. Автор «конкурсной трансформацией» называет «систему последствий», охватывающих как отношения до наступления несостоятельности, так и те, которые наступают в процессе конкурса (см.: Васильченко Д.Д. Конкурсная трансформация заключения и исполнения договора об осуществлении прав участника общества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 34–37.). В целом верно, но не обошлось и без преувеличения, поскольку несостоятельность затрагивает не все элементы сложившихся правоотношений.

трансформации подлежит всякое требование, способное быть выраженным в деньгах, такие требования, как минимум, должны давать право на участие в процедурах несостоятельности¹.

В-третьих, трансформация «неденежного» обязательства в «денежное», как логический (мыслимый) юридико-технический прием, часто совершается вынужденно. Ее общий смысл состоит не в аннулировании прежнего обязательства и создании нового, а в определении суммы долга для разрешения локальных задач, возникающих при несостоятельности (в установлении арифметической величины требования по итогам процесса).

В-четвертых, трансформации может быть подвергнуто именно имущественное требование и лишь со специальным объяснением причин и мотивов этого судом. Более того, трансформация, видимо, может применяться и в отношении неимущественного требования, если оно было сформулировано кредитором вынужденно и потенциально могло быть предъявлено как требование выплатить денежные средства².

Таким образом, российской практике известно своеобразное изменение неденежного имущественного требования (например, выполнения услуг) в денежное для целей учета величины таких требований в процедурах несостоятельности. Поэтому понятие «имущественное требование» для целей применения норм о несостоятельности оказывается фактически шире понятия «денежное требование»³.

Сходное правило имеется и в Положении о несостоятельности Германии, которое к конкурсным кредиторам относит и кредиторов по

¹ В частности, предоставлять кредиторам, желающим трансформировать свои обязательства в денежные, участвовать в мероприятиях конкурса наравне с конкурсными кредиторами (см. Бруско Б.С. Категории защиты в российском конкурсном праве. С. 128–130)

² Например, требование государственного бюджетного учреждения о «передаче технической и иной документации» об управлении многоквартирным домом может быть заменено на требование уплаты расходов на изготовление данной документации, см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18 июня 2018 г. №305-ЭС17-6358 по делу №40-23400/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Необходимость шире толковать нормы, допускающие это преобразование из неденежной формы в денежную, неоднократно отмечалась в литературе, см., например: Карелина С. А., Эрлих М. Е. Право неденежных кредиторов на участие в процессе несостоятельности (банкротства) должника // Предпринимательское право. 2007. № 3. С. 2–5; Шишмарева Т.П. К вопросу о преобразовании неденежных обязательств в денежные в процедурах несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 6. С. 33–36.

личным обязательствам с имущественным содержанием. Параграф 45 предусматривает, что «претензии, которые не ориентированы на получение денег или чья сумма денег является неопределенной, должны предъявляться по стоимости, которая может быть оценена на момент открытия производства по делу о несостоятельности ...»¹.

Сложившиеся представления о трансформации имущественных требований необходимо отразить непосредственно в ст. 2 Закона о банкротстве. Кроме того, необходимы пояснения Верховного Суда РФ относительно того, какие именно признаки требуется выявить для признания требований имущественными и способными к трансформации. Если опираться на известные доктринальные воззрения, и, учитывая весьма широкое по смыслу толкование слова «имущество»², надо признать, что имущественными являются все или почти все требования, которые имеют или способны иметь денежную оценку. Тот факт, что отечественная судебная практика часто отрицательно относится к признанию их заслуживающими включения в реестр, говорит, на наш взгляд, скорее о том, что не решен вопрос, как именно суд или арбитражный управляющий найдут денежный эквивалент таким требованиям. Но в данном случае имеется в виду не исполнение, а преобразование имущественного требования, пусть и выраженного в натуральных показателях (*in natura*), в денежное. В результате трансформации, вопрос об исполнении в натуральных показателях уже не стоит, и главная задача заключается в справедливом распределении конкурсной массы. Ведь сумму благ из конкурсной массы, не полученную кредитором с неденежными имущественными требованиями, получают другие кредиторы (с денежными требованиями).

В литературе отмечается, что неденежные кредиторы не участвуют в конкурсном производстве по объективным причинам — их требования должны быть сопоставимы с прочими, они должны иметь очевидную и

¹ См.: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/InsO.pdf> (дата обращения – 01.08.2020).

² Достаточно обратить внимание, что ст. 128 ГК РФ содержит необычайно широкое толкование термина «имущество», в том числе выделяет «иное имущество» (включающее, в частности, безналичные денежные средства и имущественные права).

понятную количественную характеристику¹. Между тем, в реальной экономике денежные и неденежные имущественные права не имеют строгой границы, которая легко преодолеваема².

Из этого следует, что целесообразна общая норма об указанной трансформации на основе акта оценки. Соответствующему кредитору должна быть предоставлена возможность обжалования оценки (в порядке, предусмотренном ст. 60 Законом о банкротстве).

На наш взгляд, не должны включаться в реестр кредиторов права, вытекающие из натуральных обязательств, т.е. тех, которые не могут быть защищены иском³. Это следует связывать не с возложением на кредитора последствий пропуска исковой давности, а с тем, что невозможно без судебного решения определить основания и объем требований.

Ряд ограничений по включению в реестр существует в силу процессуальных особенностей. Так, кредитору было отказано во включении в реестр требований кредиторов, так как при обращении он не указал, что исковое производство по задолженности не прекращено. После его завершения и вступления решения суда в законную силу, кредитор вновь обратился с заявлением, требования были включены в реестр. Однако Судебная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с такой позицией, так как в данном случае нарушается принцип правовой определенности,

¹ См., например: Карелина С., Эрлих М. Разграничение денежных и неденежных обязательств в процессе несостоятельности (банкротства) // Корпоративный юрист. 2008. № 2. С. 50–54.

² Примером могут быть и права, вытекающие из обязанности совершить действия при двусторонней реституции, а также виндикации, которые исторически справедливо рассматриваются как способные к признанию денежными в смысле ст. 2 Закона о банкротстве. В принципе, открывает эту возможность и норма п. 2 ст. 167 ГК РФ, предусматривающая, что при невозможности возратить имущество в натуре выплачивается его стоимость. Однако, надо учитывать, что, если реституционные действия совершаются по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 61.2. или п. 3 ст. 61.3. Закона о банкротстве, то меняется очередность (происходит понижение в очереди (см. п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

³ Существование натуральных обязательств признает и отечественный законодатель (см. ст. 206 ГК РФ), субъективное право из таких обязательств не исчезает и после истечения срока давности, оно лишь не может быть защищено в исковом порядке. Однако обязанность может быть добровольно исполнена должником. См. также: Мусарский С.В. О существовании обязательств с истекшей исковой давностью // Законодательство. 2008. № 7. С.33–38.

исключающий неоднократное рассмотрение одного и того же спора и вынесения по нему разных решений¹.

Долгое время было неясно, можно ли включать в реестр требований причитающееся кредитору исполнение в натуральных показателях, не исполненное с позиций конкретного договора. Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда от 15 декабря 2004 г. № 29 определено, что, если с должника суд взыскал определенные суммы вместо такого исполнения, то они подлежат включению в реестр требований кредиторов. Это разумно, так как размер требования уже установлен и речь идет лишь о взыскании денежной суммы.

В связи с появлением в нашей правовой системе некоторых ранее не известных правомочий и усложнения механизма действия права в целом, вероятно, придется учитывать и некоторые правовые возможности, не являющиеся, строго говоря, субъективными правами. Так, Верховный Суд РФ отметил, что если должник уже подал документы в регистрационный орган для продажи объекта недвижимости, то при таких условиях имущество не может быть включено в конкурсную массу². Иной подход привел бы к нарушению прав и законных интересов покупателя.

Полагаем, не должны включаться в реестр кредиторов и требования, не обладающие должным уровнем «завершенности», «зрелости», не основанные на уже состоявшемся предоставлении. К их числу следует отнести формально полноценные права, но возникшие в ситуации, когда фактически исполнение не производилось (т.е. после заключения соглашения стороны не приступили к действиям). С точки зрения общецивилистического подхода, такие права мало чем отличаются от прочих субъективных гражданских прав. Однако для достижения целей процесса банкротства этот подход вряд

¹ Иными словами, кредитор должен был сам выбрать порядок рассмотрения требований к должнику: или в порядке искового производства, или в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 октября 2018 г. №305-ЭС17-16350(2) по делу №А40-119202/15 // СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Телюкина М.В. Исключение недвижимости из конкурсной массы: новое основание? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.09.2015 №305-ЭС15-1943 // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 19. С.21–25.

ли допустим, так как принимать в расчет только намерения участников оборота, хотя бы и правомерные и надлежаще оформленные, означало бы наполнение конкурсной массы отсутствующим имуществом.

В судебной практике обоснованно признано, что следует включать в реестр и те требования, которые основаны на перечислениях должнику третьими лицами за кредитора¹.

Общий смысл требования кредитора в делах о банкротстве обусловлен сугубо практической задачей — вернуть денежную сумму, эквивалентную ранее предоставленному благу (денежной сумме, имуществу и пр.) или максимально близкую ей. Отношения оборота, рыночных хозяйственных связей развиваются, как правило, под знаком синаллагмы², т.е. взаимообусловленных актов, что, кстати, вполне отражает экономическую составляющую взаимодействия («товар» — «деньги»). В результате договор, а именно он обычно выступает в качестве основания гражданских правоотношений (см. подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ), порождает два или большее количество встречных обязательств. В тех случаях, когда кредитор обращается с заявлением о включении его требований в реестр, как раз и предполагается, что определенное положительное действие со своей стороны он уже совершил, но встречное удовлетворение так и не получено. С формальной точки зрения, если оценивать ситуацию исключительно с точки зрения обязательственного права, у кредитора может быть право требовать предоставления блага от должника и до совершения собственных действий (по оплате, передаче имущества и пр.) — соответствующие нормы, как правило, диспозитивны и могут предусматривать различный порядок исполнения. Однако в процедурах банкротства подобное следует исключать.

¹ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 ноября 2020 г. №305-ЭС19-2386 (11) // СПС «КонсультантПлюс».

² Чаще всего под синаллагмой понимают строение договорных связей, предусматривающее, что в счет совершенного действия другая сторона производит встречное исполнение. Не углубляясь в обсуждение, отметим, что в литературе встречается различное понимание значения этого слова, см., например: Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник. М.: Норма, 1996. С. 486–487.

В этой связи показательно следующее дело¹. Банк и должник (цессионарий) заключили договор уступки прав, по которому банк обязался уступить должнику право требования к третьему лицу из кредитных договоров, прав по обеспечению (залог), а должник обязан уплатить оговоренную сумму. Однако уступка прав должна была произойти после полной оплаты оговоренной договором суммы (до фактической передачи прав). Поскольку средства не были уплачены, банк в деле о банкротстве цессионария обратился с заявлением о включении задолженности в реестр. Определением арбитражного суда требования включены в реестр требований кредиторов заемщика как обеспеченные залогом. Однако банк считал, что у цессионария имеется и долг из договора цессии, поэтому обратился с заявлением о включении в реестр на сумму, указанную в договоре цессии.

В деле имеется ряд аспектов, заслуживающих отдельных пояснений и уточнений, но суть, представляется, сводится к тому, следует ли включить данное требование в реестр, а если да, то в какую очередь. Судебная коллегия размышляла следующим образом. По общему правилу, «кредиторами являются лица, которые в результате вступления в отношения с должником претерпели определенные негативные последствия по причине последующего применения к должнику процедур несостоятельности. Этим объясняется, почему такие кредиторы вправе претендовать на распределение средств, вырученных от реализации конкурсной массы». Однако в данном случае кредитор «в формировании конкурсной массы (даже косвенно) не участвовал, поскольку свое встречное предоставление по обязательству не осуществил». В связи с этим коллегия сочла неверным уравнивать в правах (поставить в одну очередь) кредиторов по требованию об осуществлении первоначального предоставления (в части основного долга) и кредиторов, непосредственно пострадавших от взаимодействия с должником, последние должны иметь право получить удовлетворение своих требований

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2018 №305-ЭС18-11840 по делу №А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

приоритетно перед первыми. Требования, указанные в п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, не включаются в реестр, но, полагает Судебная коллегия, эти требования «аналогичны требованиям кредиторов третьей очереди, они так же в имущественном смысле пострадали от вступления в правоотношения с должником, и потому им не может противопоставляться задолженность перед кредиторами, не участвовавшими в наполнении конкурсной массы», «полный отказ во включении в реестр требований кредиторов по первоначальному исполнению не соответствовал бы целям регулирования гражданско-правовых отношений».

В конечном счете, Судебная коллегия пришла к выводу, что «требования кредиторов об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга должны удовлетворяться после требований как кредиторов третьей очереди, так и «опоздавших» кредиторов (далее — пятая очередь), но приоритетно перед лицами, получающими имущество должника» по правилам п. 1 ст. 148 Закона о банкротстве». Было высказано мнение, что тем самым достигается баланс между недопустимостью ущемления прав кредиторов, понесших негативные последствия от вступления в отношения с должником, и правами кредитора по непрекращенному обязательству со встречным исполнением.

Данное определение вызывает и вопросы. Во-первых, заметно, что состав Судебной коллегии по экономическим спорам, по сути, продолжил линию прекратившего деятельность Высшего Арбитражного Суда РФ по восполнению законодательства, регулирующего экономические отношения. Имеется в виду, что фактически сформирована правовая позиция, позволяющая усматривать наличие еще одной очереди, отсутствующей в законе. Во-вторых, судьба требований, удовлетворенных в связи с данным делом, должна была быть соотнесена с судьбой требований, вытекающих из кредитных договоров (в противном случае банк может — пусть и потенциально — получить суммы, превышающие задолженность). В-третьих, позиция Судебной коллегии по этому делу вряд ли может получить

универсальное значение для всех случаев, когда право требования основано лишь на договоре без фактического предоставления ожидаемого блага. В данном случае использовался цессионный механизм, но точно также могут использоваться и другие договорные конструкции.

В-четвертых, сомнительно утверждение о том, что права обычных кредиторов, т.е. осуществивших акт предоставления, и кредиторов, лишь договорившихся о транзакциях, но ничего не предоставивших, должны получать равную защиту¹.

Таким образом, хотя определение требований, которые не должны включаться в реестр требований, составляет некоторую сложность, руководствоваться следует, прежде всего, общими задачами не общегражданского регулирования, а законодательства о несостоятельности (банкротстве), направленного на формирование максимально возможной конкурсной массы и справедливого ее распределения.

В связи с внутренней дифференциацией гражданских отношений, более глубоким их пониманием, развитием судебной практики, возникли также сложные и спорные вопросы, касающиеся, в частности, самой возможности признать некоторые отношения именно «обязательствами»², выделения организационных³ и корпоративных отношений¹, сочетания положений

¹ А.И. Мороз полагает необходимым установить ограничения для таких кредиторов, см.: Мороз А.И. Субординация требований при банкротстве должника: как учитывать требования без встречного предоставления со стороны кредитора? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.11.2018 №305-ЭС18-11840 // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. 2019. № 5. С. 18–32.

² Например, это касается возможности отнесения к обязательствам, в значении Закона о банкротстве, тех правоотношений, которые возникают из сделок со слабо прогнозируемым результатом (например, будущего улова рыбы, достижения определенной рентабельности нефтяной скважины и т.п.) и других алеаторных сделок, см., например: Щербаков Н.Б. Алеаторные сделки // О договоре: Сб. ст. М.: Статут, 2017. С. 196–226. Считать их просто рисковыми и относить к разновидности игровых сделок и пари не всегда удачно. Сегодня объемы и цены многих ресурсов определяются на основе формул с неопределенными факторами.

³ Под организационными отношениями обычно понимают правовые связи, предшествующие и упорядочивающие обычные гражданские правоотношения. Исторически выделение организационных отношений связывают с исследованиями О.А. Красавчикова (см., например: Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Категории науки гражданского права. Избр. труды. В 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 52–53). В последнее время, в том числе в связи с выделением в ГК РФ организационных договоров, внимание к таким отношениям возросло, см., например: Морозов С.Ю. Транспортное право: Учеб. пособие. М: Волтерс Клувер, 2008. С. 150–152; Сергеева Е.С. Базовый подход к определению организационных отношений в гражданском праве // Юрист. 2016. № 22. С. 9–13. Организационные отношения не всегда получают четкую правовую форму, хотя возникающие из них права в современной экономике, несомненно, обладают определенной ценностью (например, право на получение кредита по определенным условиям в договоре кредитной линии, право воспользоваться благом в

конкурсного права и содержания договоров об осуществлении права участников², возможности распространить на обязательства с «негативным» содержанием³ общие положения об обязательствах и т.д.

Проведенное исследование в рамках данного параграфа позволяет сформулировать следующие промежуточные выводы:

- под «требованием» в процедурах несостоятельности следует понимать находящиеся на особой стадии развития правоотношения и в специальном режиме субъективные имущественные права соответствующих кредиторов. Их атрибутивная оценка для реализации предопределена соответствием задачам регламентации несостоятельности (банкротства), а количественная определяется взаимосвязью и зависимостью с объемом требований других кредиторов. Генетически данные права сохраняют свою природу прав в уже сложившейся договорной связи, либо в отношении, возникшем в результате других, предусмотренных законом, обстоятельств. Таким образом, в результате возникновения признаков несостоятельности возникают не права особого рода (*sui generis*), а особый режим их осуществления, способный существенно откорректировать их количественные показатели и юридически значимые характеристики;

- заявление кредитора (правообладателя) о включении его требования в реестр означает также готовность подчиниться правовому режиму

абонентском договоре и т.п.). Организационные права в таких отношениях трудно отделить от самих гражданских отношений, но пока неизвестны случаи в делах о банкротстве, когда бы кредитор настаивал на их включении в реестр как самостоятельных требований.

¹ Корпоративные отношения возникают в силу особого явления – «права участия» в корпорации. В настоящее время гражданское законодательство его не рассматривает как особое субъективное право, хотя доли участия или акции признаются имущественными благами. Однако законодательство о банкротстве наличие корпоративных отношений рассматривает как фактор, весьма существенно влияющий на принятие решений в корпорации, что, в частности, позволяет корректировать очередность соответствующего требования (см. параграф 2 гл. 3).

² См.: Васильченко Д.Д. Конкурсная трансформация заключения и исполнения договора об осуществлении прав участника договора общества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

³ Под такими обязательствами понимают обязательства, содержание которых заключается в обязанности что-либо не делать (например, не разглашать информацию, не предоставлять авторское произведения другому издательству и т.д.). В настоящее время нет сомнений в возможности и даже целесообразности существования таких отношений (см., например: Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах/Отв. ред. В.В. Долинская. М.: Проспект, 2018). Но данные отношения имеют другую структуру, нежели обычные обязательства (в них нет встречного движения благ).

несостоятельности, в том числе согласие на возможное количественное и качественное преобразование своего субъективного права;

- требования по возмещению убытков, по общему правилу, должны приравниваться к требованиям основной задолженности. При этом требования хозяйствующих субъектов, основанные на взыскании упущенной выгоды при ведении предпринимательской деятельности, было бы справедливо включать в состав конкурсных требований;

- все случаи, когда кредитор не предоставил исполнение в рамках двусторонних (синаллагматических) договорных отношений, хотя и обладал правом требовать от должника платеж, лишают его возможности войти в реестр требований кредиторов при банкротстве должника;

- требования из прав, основанных на применении средств обеспечения, в том числе обеспечительного платежа, могут включаться в реестр требований, но лишь при условии сохранения своей основной (обеспечительной) функции;

- трансформация имущественных неденежных требований в денежные для включения в реестр требований кредиторов отражает специфику отношений несостоятельности и объективно необходима в конкурсном процессе. Она позволяет проявить не только справедливость в отношении кредитора, заявившего такое требование, но и реализовать основные задачи конкурсного процесса, в том числе исключить предоставление преимуществ одним кредиторам за счет других. Поэтому правила о ней следует предусмотреть непосредственно в ст. 2 Закона о банкротстве. Размер требования в таком случае должен определяться исходя из данных соглашения или независимой оценки, кредитору должна быть предоставлена возможность обжалования оценки;

- поскольку допускается изменение неденежного имущественного требования в денежное (для целей учета величины таких требований в процедурах несостоятельности), понятие «имущественное требование» для

целей применения норм о несостоятельности оказывается (должно быть) фактически шире понятия «денежное требование»;

- трансформация «неденежного» обязательства в «денежное» есть юридико-технический прием, заключающийся в установлении арифметической величины требования, и не предполагает появления нового обязательства;

- трансформации может быть подвергнуто как имущественное неденежное требование, так и иное, если оно сформулировано кредитором вынужденно и потенциально могло быть предъявлено как требование выплатить денежную сумму.

§2. Порядок установления требований кредиторов в делах о несостоятельности (банкротстве)

Механизм установления требований кредиторов в делах о банкротстве может рассматриваться и как особый этап процесса формирования реестра требований кредиторов, но, думается, он несколько шире понятия «этап», поскольку представляет собой и определенный состав правовых средств, способов установления требований, а также действий и процедур, позволяющих во взаимодействии достичь желаемой цели регулирования.

Определяющее значение для регламентации отношений, складывающихся при установлении требований, имеют публично-правовые средства¹, при этом Закон о банкротстве определяет лишь основные задачи, процессуальные формы и соотношение с другими средствами.

Законом о банкротстве (п. 2 ст. 4, ст. 16) предусмотрено, что в реестр требований кредиторов подлежат включению лишь требования конкурсных

¹ По мнению С.А. Карелиной, действие механизма правового регулирования отношений несостоятельности реализуется посредством правовых режимов, в рамках средств этого механизма она выделяет «установление особого порядка предъявления и удовлетворения требований кредиторов, не допускающего удовлетворения этих требований в индивидуальном порядке» и отмечает их публично-правовой характер (Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. С. 36–38).

кредиторов, установленные определением суда, рассматривающего дело о несостоятельности¹. Установление требований именно судом следует связывать со стремлением возложения этой задачи на независимый орган и исключить влияние индивидуальных интересов.

Требования, входящие в реестр, объективно должны обладать качествами, позволяющими решать задачи конкурсного производства, а установление требований предполагает также выяснение их размера и определение очереди². Это позволяет не допускать в реестр те требования, которые безупречны с гражданско-правовой точки зрения, но не позволяют справедливо и в соответствии с установленной очередью быть удовлетворены. Не установленные таким образом требования не входят в реестр, если даже сохранило действие субъективное право.

Установление требований обычно происходит в едином судебном процессе (что желательно и удобно), но отдельные кредиторы к этому времени уже могут обратиться в суд вне дела о банкротстве и получить решение о взыскании с должника определенной суммы (см. также параграф 1 главы 3 диссертации).

Поскольку порядок установления предполагает проверку не только оснований возникновения требований, но и определение их соответствия специальным нормам законодательства о несостоятельности и определение очереди, то установленными следует считать лишь те требования, которые определены судом, рассматривающим дело о несостоятельности, и прошли

¹ Рассмотрению подлежат лишь заявленные требования вне зависимости от их размера. В литературе предлагается дифференцировать кредиторов, в том числе «крупных» и «мелких», полагая, что это позволит защиту прав последних (см. Телюкина М.В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С. 168–169).

² При внесении требований в реестр арбитражный управляющий указывает и очередность (см. п. 1 Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов, утв. постановлением Правительства РФ от 9 июля 2004 г. № 345). Однако ряд исследователей полагает, что имеются ситуации, когда претендовать на некоторое имущество могут и те кредиторы, которые не в очереди. Так, обсуждение вопросов, возникающих при попытках применения нормы п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве позволяет предположить, что в ней имеются в виду самые различные кредиторы, а не только конкурсные. Так, по мнению В. Адаевой, требовать удовлетворения на основе указанной нормы могут кредиторы, «требования которых были не удовлетворены либо прекращены иным способом в полном объеме» (см. Адаева В. О «непогашенных» требованиях в конкурсном процессе // Корпоративный юрист. 2009. № 2. С. 53–55). С мнением, что п. 11 ст. 142 допускает получение удовлетворения неконкурсными кредиторами, трудно согласиться.

именно его контроль. Требования, подтвержденные судом вне конкурсного процесса, не прошедшие специальной проверки, и не соотнесенные с другими требованиями относительно конкурсной массы, не утрачивают своей силы, но и не могут считаться «установленными» в значении, которое этому термину придает Закон о банкротстве¹.

Закон о банкротстве (ст. 71 и др.) предусматривает, что арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве, подчиняясь специальным задачам, должен проверить все требования, в том числе и те, на которые не поступили возражения, и те, которые были подтверждены судами вне конкурса. Иные требования не относятся к понятию «установленные»².

При обсуждении того, что именно проверяет суд, были высказаны различные соображения³. Представляется, во всех случаях установления требований речь идет о решении следующих вопросов: а) имел ли место сам юридический факт, породивший требование (например, сделка, неосновательное обогащение и т.п.), б) сохраняется ли право, возникшее из данного юридического факта, силу, в) может ли такое требование, в силу специфики задач конкурса, быть включено в реестр требований, г) подлежит

¹ Имеются в виду различного рода «договоренности», «согласия», «согласования» и т.д., которые сами по себе нельзя отнести к категории договоров (см. ст. 420–422 ГК РФ), но которые также способны вызывать правовой эффект. Такие акты, с одной стороны, явно примыкают к односторонним сделкам (ст. 154–155 ГК РФ), а, с другой, отличаются от сделок вообще. Примером, в частности, может быть заявление о прощении долга, согласие супруга на сделку, подписание акта о передаче. Поэтому даже сторонники широкого толкования односторонних сделок признают, что «... нет особого смысла жестко пресекать развитие разнообразных практик структурирования правоотношений такого рода посредством односторонних волеизъявлений» (см.: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к ст. 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации/Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. С. 46 (автор комментария – А.Г. Карапетов). То же касается результатов медиативного соглашения, мирового соглашения, индивидуальных актов в процессе экономического взаимодействия.

² Поскольку термин «установленные» в Законе о банкротстве используется в специальном смысле, трудно согласиться с мнением М.В. Телюкиной, относящей к требованиям, «установленным» безотносительно конкурсного процесса, и требования, признанные должником, см.: Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С. 170–171. Термин «установленные» в Законе о банкротстве применяется в специальном смысле.

³ Так, Т.П. Шишмарева считает, что суд проверяет: а) «обоснованность требования» и б) «наличие юридических оснований» для включения в реестр (см.: Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие // СПС «КонсультантПлюс»). С точки зрения С.А. Кузнецова, суд в таких случаях решает один вопрос: о наличии или отсутствии спора (см.: Кузнецов С.А. К вопросу о порядке установления требований кредиторами в делах о банкротстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. С. 95–98). Также высказано мнение о том, что после того, как в Закон о банкротстве были внесены положения, исключающие банкротство без вступивших в силу судебных решений, «обоснованность требования кредитора к должнику проверяется только на предмет того, исполнено судебное решение о взыскании долга на момент обращения с заявлением о признании должника банкротом или нет» (см.: Банкротство хозяйствующих субъектов: Учебник/Отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова // СПС «КонсультантПлюс»).

ли требование трансформации или субординации. В отношении требований, основанных на судебном акте, которые суд, рассматривающий дело о банкротстве не вправе пересматривать, объем проверки меньше.

При этом установление требований может быть представлено как процесс, подчиняющийся не только правилам Закона о банкротстве, но и нормам АПК РФ. Установление требований начинается с процедуры наблюдения и оформляется определением суда. Определения о включении требования в реестр вступают в силу немедленно, но их действие может быть приостановлено, в частности, если рассматривается спор об обоснованности заявленных требований и целесообразно сохранить фактический баланс возможностей различных участников конкурса.

Таким образом, установление требований в делах о несостоятельности представляет процесс выяснения возможности признать заявленное требование основанным на реально существующем субъективном праве, допустимости его участия в конкурсе и отражении выводов суда в определении.

Правовые способы установления требований тесно связаны с их отраслевой принадлежностью и сущностью конкретного субъективного права, на котором основано требование. Сначала выясняется юридический факт или сложный юридический состав, породивший соответствующие отношения, определяется правовая природа и характер субъективного права. На этом этапе анализируются, прежде всего, нормы материального права, дается догматическая оценка субъективного права, его толкование в сложившейся судебной практике по делам о несостоятельности.

Далее устанавливается возможность включения данного требования в реестр с учетом специфики и задач правового регулирования отношений несостоятельности (например, выясняется, имеет ли оно денежный характер, а если не имеет, то может ли быть выражено в денежной форме и т.п.). Так, вещно-правовые притязания не дают основания для включения в реестр, не подлежат удовлетворению и требования, вытекающие из корпоративных

правоотношений, в том числе и само право участия в корпорации. Требования, в отношении которых уже состоялось судебное решение и выдан исполнительный лист, также могут быть включены в реестр, но лишь в том случае, если не состоялось взыскание.

Особую роль в установлении требований играют стандарты доказывания и подходы к анализу дел в судебной практике по делам о несостоятельности¹.

Традиционно в правовой механизм регулирования общественных отношений включаются правила и об ответственности как правовой реакции на случаи нарушения введенных правил. Отдельной нормы, предусматривающей ответственность за именно нарушение порядка установления требований, Закон о банкротстве не содержит². В отличие от других составов субсидиарной ответственности, для применения п. 1 ст. 61.13 Закона о банкротстве условия не названы, что потенциально допускает применение его в любом случае, когда возникают убытки³. Разумеется, ответственностью можно признать субординацию требований кредиторов, хотя это лишь последствия их предшествующей деятельности, а не действий в период установления требований.

¹ Так, иногда предлагается учитывать не основания, а последствия сделки (см. например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля 2016 №305-ЭС16-2411 // СПС «КонсультантПлюс»). В других случаях в «повышенный стандарт» доказывания вносятся коррективы и делается вывод о том, что не следует ограничиваться «минимальным набором доказательств» (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. №308-ЭС18-16640 // СПС «КонсультантПлюс»). Часто суд ставит вопрос о «порядке формирования задолженности» (см.: например: Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 октября 2018 №308-ЭС18-9470 // СПС «КонсультантПлюс»).

² Если не считать такими нормами правила о привлечении к ответственности арбитражных управляющих за неправомерные действия при банкротстве, в том числе нарушение порядка ведения реестра требований (см. ст. 14.13 Кодекса об административных правонарушениях РФ). В ст. 61.13 предусмотрена ответственность за нарушение законодательства РФ о банкротстве в виде возмещения причиненных убытков, и которая, полагаем, охватывает некоторые случаи нарушений при установлении требований кредиторов. Надо заметить, что концептуально все случаи причинения убытков в силу нарушения права должны автоматически подпадать под действие универсальных норм ст. 15 ГК РФ и сопровождаться ссылкой на эту статью. Так и поступали суды до введения в действие норм главы III. 2 Закона о банкротстве, см, например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 октября 2017 г. №Ф05-14896/17 по делу №А40-88244/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ По мнению Р.К. Лотфуллина, в этих случаях суды будут ориентироваться на нормы о возмещении убытков (см.: Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве [электронное издание]. М.: Saveliev, Batanov & Partners, 2019. С. 35). Однако в известных нормах о возмещении убытков не предусмотрены случаи и взыскания при банкротстве. Данное обстоятельство настораживает, поскольку может вызвать попытки применения п. 1 ст. 61.13 Закона о банкротстве за всякое нарушение, в том числе несущественное. Но субсидиарная ответственность – совершенно иное явление.

Отдельными компонентами процесса установления требований можно считать: а) признание судом заявленных требований обоснованными в рамках процедур несостоятельности, б) рассмотрение разногласий относительно состава, размера и очередности удовлетворения требований, включенных в реестр (ст. 60 Закона о банкротстве), в) рассмотрение споров о размере предъявленного требования (в отличие от предшествующей категории, они рассматриваются на основе норм ст. 71, 100 Закона о банкротстве в порядке искового производства), г) обжалование судебного акта, на основе которого требование было включено в реестр, д) оспаривание сделки, явившейся основанием возникновения соответствующего права. Все они взаимосвязаны и направлены на разрешение единой проблемы: сформировать обоснованный реестр требований кредиторов в условиях конкретного производства о несостоятельности и соотносить их¹.

Рассмотрим отдельные элементы механизма установления требований.

На заявленные требования могут последовать возражения, рассмотрение возражений проводится в судебном заседании при рассмотрении поданных возражений других кредиторов, а также должника, арбитражного управляющего и некоторых иных лиц. По итогам заседания принимается определение, оно может быть не только о включении требования или об отказе во включении в реестр, но и об уточнении размера требования по сравнению с заявленным. Данный порядок может показаться странным из-за отсутствия искового процесса, но на самом деле вполне соответствует смыслу дел о банкротстве, в которых нет двух сторон с противоположными интересами. Несомненно, данный порядок был введен

¹ Отнесение к данному правовому субинституту норм о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц спорно. С одной стороны, в результате их применения изменяется лишь объем средств, направляемых на удовлетворение требований (увеличивается абсолютный размер конкурсной массы), а, с другой, это обстоятельство не приводит к изменениям пропорций в требованиях отдельных кредиторов. Ситуация выглядит иной в случае, если в числе таких ответственных лиц оказываются сами кредиторы (см. об этом: Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // *Lex russica*.2018. № 12. С.18–24).

для ускорения и упрощения рассмотрения дела, но также может приводить к самым существенным изменениям в реестре¹.

Основной порядок установления требований кредиторов предусмотрен ст. 71 Закона о банкротстве (не повторяя правила, заметим, что другие кредиторы или арбитражный управляющий могут представить возражения). Проверка обоснованности должна проводиться при отсутствии возражений, у кредиторов сохраняется право направить требование после введения следующей процедуры (п. 7 ст. 71 Закона о банкротстве).

Допускается и обжалование данного акта. В частности, суд вправе отклонить доводы кредитора о том, что его требование подтверждено вступившим в силу решением суда общей юрисдикции, признав необходимым исследовать первичные доказательства, если они не были предметом анализа. Так, было установлено, что в суде общей юрисдикции не обсуждался и не оспаривался по «безденежности и мнимости» договор займа, поэтому кредитору было отказано в удовлетворении заявления о включении такого требования в реестр кредиторов².

Судебный акт, лежащий в основании требования, может иметь различные недостатки, в том числе быть не вполне точно сформулирован. Более того, известны случаи, когда в деле о банкротстве имелось два вступивших в силу судебных акта, по-разному устанавливающих обстоятельства, имеющие значение для дела³.

Интересное толкование действиям кредитора по обжалованию судебного акта относительно недавно дала Судебная коллегия по

¹ В литературе было высказано предложение отказаться от установления судом требований, на которые не поступило возражений, поскольку суд вынужденно проверяет и «беспорные» требования, см., например: Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства). М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 139–140. Надо заметить, что эти предложения имеют серьезную почву. Так, предшествующий Закон «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 г. также предусматривал, что арбитражные управляющие самостоятельно принимают решения о включении требований в реестр. Аналогичные соображения содержатся в рекомендациях Всемирного Банка (см. A Global View of Business Insolvency \Ed. by J. L. Westbrook. Leiden-Boston. Martinus Nijhoff Publishers, 2010. P. 107–108).

² См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. №305-ЭС20-9196 // СПС «КонсультантПлюс».

³ По мнению Верховного Суда РФ, в такой ситуации суд, рассматривающий дело о банкротстве, вправе самостоятельно установить фактические обстоятельства и на основе этого разрешить спор (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 августа 2020 г. №309-ЭС20-2364 (1,2) // СПС «КонсультантПлюс».

экономическим спорам Верховного Суда РФ¹. Было отмечено, что, если требования в действительности не существует, такое требование нарушает права и законные интересы и «сообщества, объединяющего кредиторов должника». Кредитор, обжалующий судебный акт, считается действующим не только в собственных интересах, но и в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов.

Вопросы возможности оспаривания судебных актов, принятых не судом, рассматривающим дело о банкротстве, анализируются в § 1 гл. 3. В целом возможность их обжалования подтверждена современной практикой².

Основную массу требований составляют те, которые основаны на различных правах обязательственного характера.

Возможность включать требования, основанные на гражданско-правовых договорах, как правило, возмездных и двусторонних (купля-продажа, мена, аренда, подряд и др.), сомнений не вызывает. Их правовая природа соответствует общей направленности процедур несостоятельности (вернуть кредитору тот объем благ, который им утрачен). Обязательственную природу (то есть право требовать совершения определенного действия) имеют и права, вытекающие из отношений, не связанных с передачей объектов или выполнением работы: право требования по договору банковского счета, право требования выплаты страхового возмещения³.

Само по себе расторжение или прекращение договора, в силу которого возникло обязательство и соответствующее право, не может служить основанием для отказа во включении в реестр. Так, было признано, что требование участника договора долевого строительства о включении в реестр требований подлежит удовлетворению и в том случае, когда

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 10 июня 2020 г. №305-ЭС-19-26610 // СПС «КонсультантПлюс».

² Так, Определением Верховного Суда РФ № 66-КГ18-10 от 5 июня 2018 г. было указано, что «если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях, конкурсные кредиторы вправе его обжаловать по правилам ГПК РФ».

³ См.: Банкротство хозяйствующих субъектов: Учебник / Отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова // СПС «КонсультантПлюс».

соответствующий договор расторгнут¹. Однако при расторжении частично исполненного договора у кредитора сохраняется право на сумму неосновательного обогащения (см. п. 4 ст. 453 ГК РФ).

Требования по договорам займа, кредита и факторинга основаны на единой модели предоставления денежных средств и их возврата (с учетом маржи), отличаясь лишь некоторыми деталями². Они составляют значительный пласт требований при банкротстве, но принципиальных затруднений при их установлении, как правило, не возникает (если отсутствуют признаки зависимости).

Требования, основанные на правах, полученных в результате уступки прав (гл. 24 ГК РФ), особых возражений в доктрине и в судебной практике сегодня не вызывают. Их правовая природа сходна с природой обычных обязательств. Исключение составляют ситуации, когда соглашение об уступке имеет признаки ничтожной сделки, либо заключается между аффилированными лицами, либо имеет признаки корпоративной зависимости.

Несколько сложнее установление требований, основанных на односторонних сделках и действиях, включая реституционные отношения, но и здесь в целом сложилась положительная судебная практика³.

Вместе с тем, наметилась отчетливая тенденция к признанию требований, возникших из названных договоров, необоснованными, если они носят «корпоративный характер» или являются результатом действия норм о «распределении рисков»⁴.

¹ Как пояснил Президиум Высшего Арбитражного Суда, требование о включении в реестр не является другим способом защиты, при отказе в удовлетворении – в условиях конкурсного производства – реестр окажется закрыт, а должник будет лишен возможности получить защиту вообще, см.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 февраля 2013 г. №13239/12 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом подробнее: Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807-860.15. Гражданского кодекса Российской Федерации [электронное издание, редакция 1.0] Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019.

³ Например, если установлено, что переданное по той или иной ничтожной сделке имущество фактически не возвращено, оно подлежит возврату в конкурсную массу (см.: Астахов Г.Г. Возможность реституции при мнимой сделке // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 25/ Отв. ред. В.Ф. Яковлев // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ В последнем случае имеется в виду оценка роли каждого участника хозяйственного общества как члена высшего органа управления обществом, объективно влияющего на деятельность должника, и на которого

Отдельные исследователи, ссылаясь на зарубежный опыт, предлагают установить правила о дифференциации таких требований, когда одни из них допускаются к включению в реестр (например, обеспеченные залогом), другие же понижаются в очередности или вообще не включаются в реестр¹. В целом и судебная практика развивается в этом же направлении, однако вопрос влияния аффилированных лиц и «корпоративного характера» отношений заслуживает отдельного обсуждения (см. § 2 гл. 3 диссертации).

Обеспечительные обязательства (из поручительства, залога, независимой гарантии) широко представлены в делах о банкротстве, но сам механизм их использования здесь существенно отличается². Так, при банкротстве обычно центральным вопросом является не обеспечительная сила правовых инструментов, а возможность соответствующих правообладателей войти в состав именно конкурсных кредиторов.

Выплата поручителем суммы долга за должника приводит не к прекращению обязательства, а к замене кредитора в ранее возникшем обязательстве в силу ст. 384, 387 ГК РФ. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ сделала вывод, что в этих условиях у судов, рассматривавших дело, не было оснований для отказа во включении требований поручителя в реестр³.

Требования кредитора могут быть основаны на обязательстве, обеспеченном залогом, законодательство о банкротстве (ст. 138) специально регулирует такие отношения, устанавливая, по существу, их приоритет. Это выражается в том, что удовлетворение данных требований осуществляется

должен быть распределен «риск банкротства». Однако нормативно это выражено лишь в п. 3 ст. 53 и ст. 53.1. ГК РФ и, надо заметить, несколько иначе. В частности, речь идет об отношениях «участник – юридическое лицо». В судебных актах также встречаются ссылки и на п. 2 ст. 6 ГК РФ, однако эта аргументация остается неубедительной, см., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июля 2017 г. №308-ЭС-1556 (1) // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Белоусов И.А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 120–169.

² О содержании и практике использования этих средств см., например: Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): Сб. публикаций. М.: Статут, 2015.

³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 сентября 2018 г. №305-ЭС18-9640 по делу №А40-125716/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Сходная ситуация возникает и при независимой гарантии, поскольку бенефициар обязан возместить гаранту выплаченные по гарантии суммы (ст. 379 ГК РФ).

вне общего порядка и непосредственно после реализации предмета залога¹. Продажа предмета залога может и не повлечь прекращения основного обязательства².

Залог в кредитных отношениях (п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве) имеет незначительные особенности. Изменяется лишь до восьмидесяти процентов суммы средств, вырученных из предмета залога, и направляемых на удовлетворение обеспеченных требований конкурсных кредиторов, оставшиеся средства направляются на указанный ранее специальный счет (лишь с некоторым изменением в распределении сумм).

Требования кредиторов, обеспеченные залогом имущества должника, включаются в третью очередь кредиторов и удовлетворяются за счет продажи заложенного имущества приоритетно.

Предоставление залоговому кредитору преференций иногда пытаются оспаривать другие кредиторы, полагая, что залоговый кредитор лишь злоупотребляет правом³. Это несправедливо уже потому, что такие кредиторы в другом отношении явно теряют: если они не отказываются от своих прав как залогодателя, то утрачивают возможность голосовать на собрании кредиторов и определять весьма важный для них вопрос об условиях реализации предмета залога. При этом отказ должен последовать до стадии конкурсного производства⁴.

В целом анализ практики и высказанных в литературе позиций позволяет считать, что требования, основанные на обеспечительных

¹ При этом на погашение требования из такого обязательства направляется семьдесят процентов вырученной суммы (но не более суммы основной суммы задолженности и процентов). Прочие средства из числа вырученных при продаже предмета залога хранятся на специальном банковском счете; из них двадцать процентов предназначено для погашения требований «привилегированных» кредиторов (первой и второй очереди) в случае недостаточности имущества должника (своеобразная «страховая» сумма), иные средства предназначены для погашения судебных расходов, расходов по выплате вознаграждения арбитражным управляющим, а также лицам, привлеченным ими для исполнения полномочий.

² Но это должно быть оговорено в условиях торгов, см. п. 18 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах удовлетворения требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Харитонов Ю.С. Особенности удовлетворения требований конкурсных кредиторов с залоговым обеспечением // Предпринимательское право. 2016. № 4. С. 11–17.

⁴ После этого отказ не допускается (См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2015 N 15АП-17496/2015 по делу №А32-29459/2012 // СПС «КонсультантПлюс»).

обязательствах, как правило, включаются в реестр¹. В литературе отмечается некоторая несогласованность норм ГК РФ, Закона о банкротстве и законодательства об исполнительном производстве в части применения правил о залоге². Однако это объяснимо, скорее, тем, что не завершено включение в ГК РФ всех правил о залоге, предусмотренных Концепцией развития гражданского законодательства³ (в том числе залога как вещного права и его отдельных разновидностей — залога прав, «тотального» залога⁴ и др.)⁵. Так или иначе, при банкротстве учтена особая сила прав из залога.

При залоге, как конструкции, которая может быть усложнена различными обстоятельствами, существуют многообразные варианты развития ситуации в связи с банкротством. Так, залогодатель может и не быть участником кредитных отношений, у заложенного имущества (прав, предоставленных в залог) может «смениться» владелец и т.д.

По общему правилу, при реализации в ходе расчетов с кредиторами прекращается основное обязательство, обеспеченное залогом, соответственно прекращается и залог. Однако если кредитор не заявлял отдельных требований в ходе процесса как именно залоговый кредитор, то после продажи предмета залога на торгах третьему лицу соответствующий

¹ Об отдельных проблемах см., например: Солодилов А.В. Статус залоговых кредиторов в деле о банкротстве: материально-правовой и процессуальный аспекты // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2010. № 7. С. 10–19.

² См., например: Егоров А.В. Залог и банкротство: в поисках удачного регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2007. № 6. С.4–37.

³ О блоке поправок о вещных правах и модернизации залоговых отношений в ГК РФ см., например: Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2018. С. 202–248; Рыбалов А.О. Почему я против реформы вещного права // Закон. 2020. № 3. С. 126–131.

⁴ Под «тотальным» или «генеральным» залогом понимается конструкция, предусмотренная абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ, позволяющая распространять залоговые отношения на всякое имущество должника, в том числе и прямо не указанное. Для кредиторов в отношениях оборота данный вид залога, в принципе, очень удобен, но в действующей редакции, в том числе для реализации положений Закона о банкротстве, он вряд ли способен проявить свои лучшие качества, см., например: Теплов Н.В. Залог всего имущества, или к чему приводит лоббизм узких интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 130–159.

⁵ Оценку основных видов залога см., например: Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): Сб. публикаций. М. Статут, 2015. Любопытно, что автор обнаружил следующую устойчивую тенденцию в период 2006–2011 гг.: если суды нижестоящих инстанций указывали на отсутствие или прекращение действия обеспечения, то Президиум ВАС признавал обеспечение действующим, см.: Там же, С.10–11.

залогодержатель может предъявить ему свои притязания, вытекающие из залога¹. Это объясняется тем, что право залога «следует» за вещью.

Далее рассмотрим отдельные способы установления требований, что уместно начать с оспаривания сделок как одного из самых распространенных способов. Он в целом исследован² и поэтому остановимся на вопросах, относящихся к теме.

Оспариванию сделок должника в процедурах несостоятельности (банкротства) посвящена отдельная глава Закона о банкротстве (гл. III.1), что подчеркивает их значение для этой сферы взаимоотношений.

Арбитражные управляющие или сами кредиторы (уполномоченные органы) могут оспорить сделки должника³ с целью скорректировать содержание реестра (исключить отдельные требования или уменьшить их размер или, наоборот, обосновать необходимость включения определенных требований в реестр). Предвосхищая предстоящее банкротство, должник либо контролирующие его лица нередко пытаются продемонстрировать финансовое благополучие, заключают сделки в условиях, когда уже нет возможности исполнить их надлежащим образом. Именно в целях исключить негативное воздействие последствий таких сделок и введено специальное регулирование их оспаривания в Закон о банкротстве.

Вместе с тем, надо также согласиться с мнением тех авторов, которые обращают внимание на позитивное значение самой активности должника в сложный период жизни организации, поскольку только в силу энергии и повышения эффективности в обороте может быть исправлена возникшая ситуация с недостаточностью денежных средств. В условиях рынка обычно нет другого пути, как исправить положение путем увеличения объемов и

¹ См.: Хатламаджиян К.Т. Прекращение залога вследствие прекращения основного обязательства и реализации предмета залога в условиях банкротства залогодателя // Законодательство и экономика. 2013. № 4. С. 33–36.

² См., например: Кузнецов С.А. Проблемы оспаривания сделок несостоятельного должника // Закон. 2010. С.103–109; Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018.

³ По данным за 2020 год количество заявлений о признании сделок должника недействительными продолжает расти, по итогам за 2020 год принято 11759, рассмотрено 9532 <https://fedresurs.ru/news/05826cfd-c758-4d05-8b43-5db1686c5973> (дата обращения – 10.02.2021).

количества хозяйственных (коммерческих) операций, а тем самым получения достаточной прибыли¹.

Необходимость таких правил вызвана спецификой разрешаемых проблем при несостоятельности, особенностями возникающих отношений и недостаточной нормативно-правовой базой для решения этих вопросов в ранее действовавшей редакции Закона о банкротстве². В результате в Законе предусмотрены обстоятельства, при которых сделка может быть признана недействительной (оспоримой) именно в процедурах несостоятельности. Надо согласиться, что оспаривание сделок по правилам ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве практически не имеет смысла за рамками дела о несостоятельности, поскольку направлено не на аннулирование сделки, а на иное распределение конкурсной массы³.

Таким образом, помимо общих оснований, предусмотренных ГК РФ, сделки, оспариваемые в рамках конкурсного производства, могут оспариваться по специальным основаниям (чаще всего заявители опираются на именно специальные составы⁴).

С формальной точки зрения выделяются сделки «подозрительные» и «с предпочтением», первым посвящена ст. 61.2, вторым — ст. 61.3 Закона о банкротстве. Однако была понятна необходимость более глубокой их

¹ См., например: Эрлих М.Е. Признание сделок должника недействительными как средство удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности // Законодательство. 2012. № 5. С. 31–40. Однако не представляется возможным поддержать идею специально оценивать добросовестность (недобросовестность) контрагента, заявившего о недействительности сделки. В том числе потому, что добросовестность как общий принцип участия в имущественных отношениях не является критерием правомерности. Сегодня различие между добросовестностью как принципом поведения и добросовестностью как основанием осуждения, применения мер воздействия, кажется, стало ясно (см.: Скловский К.И. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 84–118).

² Изменения были внесены Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). До этого для применения правил о недействительности сделок применялись лишь обычные составы недействительных сделок по ГК РФ, сам Закон о банкротстве содержал лишь некоторые специальные правила в п. 4 ст. 103. Еще больше было проблем при применении последствий недействительности таких сделок и норм ст. 167 ГК РФ, в частности, в связи с тем, что регулирование реституции не ориентировано на конкурсное производство. См. об этом, например: Гутникова А.С. Банкротство в России. Оспаривание сделок в ходе конкурсного производства // Законодательство. 2003. № 7. С. 57–67.

³ См.: Чехомова В.Е. Оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства // Арбитражный управляющий. 2017. № 4. С. 36–37.

⁴ Отдельные сделки должника могут признаваться недействительными по основаниям, предусмотренным для специальных процедур несостоятельности или в связи с некоторыми запретами (например, запрета органам управления юридического лица принимать решения, указанные в п 2 ст. 64 Закона о банкротстве), но мы затронем лишь вопросы конкурсного производства.

дифференциации, это отчасти отражено в закреплении особых признаков некоторых сделок, обжалуемых по специальным основаниям. Применительно к ст. 61.2 недействительные сделки могут быть разделены на сделки собственно подозрительные и сделки с целью причинения вреда¹. Сделки с предпочтением (ст. 61.3) объединены целью предоставления приоритета определенному лицу (лицам), они признаются недействительными при доказанности определенных условий (п. 1 ст. 61.3). В их числе выделяются сделки, в которых другая сторона знала о признаках неплатежеспособности должника либо обладала сведениями об обстоятельствах, свидетельствующих об этом (установлено предположение о таком знании, п. 3 ст. 61.3). Было бы неверным считать, что существует конкуренция или коллизия законодательства о недействительности сделок в ГК РФ и Законе о банкротстве. Но это не снимает вопроса о правильности, точности, адекватности применения законодательства и правовых позиций вышестоящих судов (в том числе связанных с процессуальными аспектами) при оценке отдельных действий участников отношений несостоятельности, о распределении бремени доказывания и пр.

Правила об оспаривании сделок подлежат применению и к некоторым другим действиям (актам), которые не являются по своей природе сделками (п. 3 ст. 61.1). Так, могут быть оспорены и признаны недействительными распорядительные действия по ранее заключенному соглашению (например, по списанию средств со счета, передаче имущества и пр.)².

В любом случае можно признать, что такие действия должника или иных лиц приводят к экономическим потерям кредиторов³. Именно поэтому

¹ Обзор таких сделок, особенности реализации права на оспаривание см., например: Кораев К.Б. Законодательная реализация теорий оспаривания сделок несостоятельного должника // Закон. 2011. № 8. С. 67–75. См. также: Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве // Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения/Под ред. В.В. Витрянского [электронное издание]. М.: Статут, 2010. С. 105–110.

² См., например, п. 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

³ При рассмотрении одного из дел, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ прямо указала, что институт оспаривания по правилам, предусмотренным законодательством о несостоятельности, «предназначен для возврата в конкурсную массу должника активов, которые были

в центре внимания оказался вопрос о том, привели ли действия должника к тому, что встречное исполнение было неравноценным. Норма п. 1 ст. 62.2 Закона о банкротстве корреспондирует с правилом п. 2 этой же статьи (и там, и здесь причиняется вред), но есть и различие. Отличаются сроки, в пределах которых можно обжаловать ту и другую сделку, самое существенное значение имеет цель действий, о чем прямо указывает норма п. 2. Она позволяет считать, что вред причиняют все действия, удовлетворяющие названным условиям. Заметим, для квалификации по п. 1 этой статьи вовсе не требуется устанавливать ни наличие цели (причинение вреда кредиторам), ни другие важные обстоятельства (стоимость объекта, сокрытие должником информации о своем местонахождении или об имуществе и пр.).

Акты в рамках «обычной хозяйственной деятельности» (п. 2 ст. 61.4) не могут оцениваться на основе рассматриваемых норм (с учетом ограничений действия данной нормы). Вопрос о том, какие именно операции могут быть отнесены к «обычной хозяйственной деятельности», целесообразно решать с учетом правил о презумпции и сложившихся оценок «типичности», однако толковать презумпции не следует расширительно. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам отметила, что арбитражные суды не учли, что презумпция, установленная подп. 1 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве, не подлежит расширительному толкованию. В результате платежи по корреспондентским счетам признаны совершенными «с предпочтением» в условиях, когда для такого вывода не было оснований¹.

Появление правил главы III.1 Закона о банкротстве связано с рядом идей, давно известных в юриспруденции, и обусловлено сугубо практическими причинами. Должник далеко не всегда готов честно и добросовестно предстать в процессе перед кредиторами и отвечать всем своим имуществом, в период, предшествующий несостоятельности, он может

отчуждены в ущерб интересам кредиторов должником или третьими лицами» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 июня 2020 г. №306-ЭС20-1077 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 20 февраля 2019 г. №305-ЭС17-2344(31) // СПС «КонсультантПлюс».

принимать меры для уменьшения конкурсной массы, совершить мнимые сделки, распределяя имущество между знакомыми или зависимыми лицами. В итоге в этот период, получивший наименование «период подозрительности», может быть фактически сокращена возможность кредиторов удовлетворить притязания или кредитор ее вовсе может лишиться — имущества просто не остается или отсутствует сам должник¹.

Иски, направленные на защиту кредиторов в связи уменьшением имущества должника и не связанные с договором или обычным деликтом, традиционно именовались «Паулиановым иском»². Изначально он не составлял самостоятельного требования, выступая лишь процессуальным средством обжалования. Но потребность в нем была высока и ранее, сохраняется она и в настоящее время. Собственно говоря, такому требованию нет замены: иск о деликте применить нельзя, поскольку формально совершаются правомерные действия, и не кого-нибудь, а самого правообладателя (должника)³. При этом требование на основе идеи «Паулианова иска» постоянно модифицировалось сообразно конкретным экономическим и историческим условиям. Так, в отечественной практике и доктрине данный иск рассматривают как юридическое обоснование для формирования конкурсной массы вообще, отдельные же специалисты отмечают исходную направленность Паулианова иска на обеспечение интересов конкретного кредитора — «...Паулианов иск представляет собой эгоистическую меру, результатами которой пользуются не все кредиторы, а

¹ Не случайно первые средства, направленные на обеспечение интересов кредиторов в таких ситуациях, связывались с банальным бегством должника или сокрытием имущества.

² Точно известно, что это лишь имя претора (Павла), т.е. данный иск есть результат преторского права, дополняющего и развивающего известные законоположения. В Дигесты Юстиниана он вошел как результат обобщений и объединений различных исков, имеющих общую направленность. Не случайно Д.Д. Grimm дает другую классификацию исков, где иски для защиты кредиторов оказываются в составе большой группы исков *actio in factum concepta*, см.: Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. М.: Зерцало, 2003. С. 191–192. В нашей литературе связь действий для защиты кредиторов в «период подозрения» с именно Паулиановым иском отмечалась стабильно и как вполне ясный и достоверный факт, см., например: Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000. С. 33–34.

³ В римском праве потребность в таком иске стала особенно остро ощущаться после того, как закон Петелия освободил гражданского должника от личного уголовного преследования, кредитор мог получить какое-либо удовлетворение лишь из его имущества, см. об этом: Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 202–203.

лишь истец, добившийся признания юридического действия ничтожным»¹. Думается, эти различия сейчас уже не так важны, поскольку в отечественном праве появилась самостоятельные меры воздействия, лишь косвенно и исторически связанные с Паулиановым иском. Однако, как и этот иск, правила об оспаривании сделок в отечественном законодательстве направлены на нейтрализацию последствий, вызванных действиями должника или связанных с ним лиц в «период подозрения». Они одинаково позволяют оградить кредитора (кредиторов) от имущественных потерь в период именно несостоятельности². Еще К.И. Малышев, один из первых отечественных исследователей отношений несостоятельности, отмечал, что данный иск применяется не всегда и не по любому поводу, а «на случай растраты имущества должником в обман кредиторов»³.

Таким образом, требовалось восстановление прежнего положения и поэтому иски такого типа обычно сопровождалась заявлениями, основанными на реституции (*restitutio in integrum*)⁴. Нормы главы III.1 Закона о банкротстве подчиняются той же концептуальной логике, заложенной в двусторонней реституции как основном последствии недействительности сделки, и нормам ст. 167 ГК РФ. Это отражено и в содержании п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве⁵. Но соответствующие нормы законодательства о несостоятельности существенно скорректированы, несколько упрощены и учитывают специфику рассмотрения данных дел. Нормативной основой возможности введения особых правил о последствиях признания сделки недействительной является указание п. 2 ст. 167 ГК РФ о том, что законом могут быть предусмотрены «иные последствия». При отсутствии особых

¹ Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. М.: Прогресс, 1972. С.165.

² См.: Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 9–10.

³ Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 43–44.

⁴ В.М. Хвостов отмечал, что данное средство использовалось как «субсидиарное средство защиты, когда обыкновенные иски и эксцепции оказывались недостаточными» (см.: Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996. С. 219).

⁵ В п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве имеется в виду действие именно двусторонней реституции, а не что-либо иное (и, конечно же, это не конфискация). Некоторые суды даже не включают в решение обсуждение и мотивацию применения реституции, что полагаем неправильным. Тем более, что предъявление требования и признании сделки недействительной и применение последствий признания ее недействительной есть различные правовые вопросы.

правил, если следовать общей норме, после вынесения решения имущество сторон, участвовавших в сделке, признанной недействительной, подлежало бы возврату прежним правообладателям. В условиях банкротства должника это было бы неразумно и несправедливо¹, поскольку конкурсный процесс ограничен по времени, нет возможности автономных действий правообладателей и т.д. Наконец, применение норм ст. 10 в увязке со ст. 168 ГК РФ не всегда обоснованно, поскольку может быть направлено на «обход» специальных правил². Отчасти именно поэтому выделены самостоятельные составы недействительных сделок помимо указанных в ГК РФ. Из этого следует, что и квалифицировать надо или по статьям ГК РФ, или по нормам Закона о банкротстве. Так, при рассмотрении одного из дел Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отметила, что Законом о банкротстве определены составы некоторых специальных сделок, в том числе подозрительные сделки (п. 2 ст. 61.2). Поэтому, если речь идет о причинении вреда кредиторам, то квалификация сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ невозможна (при сходстве признаков), так как «в противном случае оспаривание сделки по статьям 10 и 168 ГК РФ по тем же основаниям, что и в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспоримых сделок»³.

Одним словом, законодатель должен был предусмотреть и предусмотрел отличия по сравнению с обычным реституционным механизмом, в том числе учитывая установленные судом обстоятельства,

¹ В норме п. 2 ст. 167 ГК предусмотрена стандартная модель взаимоотношений, она не рассчитана на все ситуации (например, когда сделка была односторонней). Содержащаяся в ней схема возврата имущества не учитывает случаев, когда одна из сторон прекращает деятельность, не сбалансировано правовое положение различных кредиторов и т.д. О некоторых проблемах см., например: Сысоева О.В. Последствия оспаривания сделок должника по специальным основаниям // Юрист. 2013. № 24. С. 17–21.

² См.: Коротков Д.Б. К вопросу о допустимости «альтернативных» способов оспаривания сделок должника в процедуре банкротства // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы /отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 214–217.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2019 г. №305-ЭС18-22969 // СПС «КонсультантПлюс».

связанные не только с собственно несостоятельностью, но и характером действий сторон в период подозрительности.

Именно поэтому ряд вопросов решен несколько иначе, нежели при обычном оспаривании сделок. Например, потери, вызванные изменением стоимости имущества, вынужденно возмещаются не в порядке применения ст. 15, 393 ГК РФ, а в порядке, определенном главой 60 ГК РФ (см. п. 1 ст. 61.1. Закона о банкротстве). Другой пример. Если для рассмотрения спора об оспаривании обычных сделок требуется непременно присутствие кредитора, то в отношении данных сделок было признано, что ликвидация кредитора как таковая не препятствует оспариванию¹.

Главное заключается в особых последствиях: кредиторы, получившие имущество (благо) по сделкам, признанным недействительными, на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3, и вернувшие его в конкурсную массу², оказываются в реестре требований после кредиторов третьей очереди (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве)³. А кредиторы в сделках, признанных недействительными в силу п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3, — в составе кредиторов третьей очереди⁴.

В силу нормы п. 2 ст. 63.6 Закона о банкротстве подлежат включению в третью очередь реестра и те требования, которые были восстановлены после

¹ См.: ВС закрыл «ликвидационную» лазейку для контроля над банкротством: <https://fedresurs.ru/news/a807eed3-ea69-40b4-afc9-004d9d0d70d2> (дата обращения – 10.08.20). Имеется в виду, что Верховный Суд РФ признал, что не препятствует оспариванию сделки ликвидация компании, являвшейся стороной сделки, но затем уступившей третьему лицу долг, имеющий признаки фиктивности.

² Однако в судебной практике признано, что возмещать надо не во всех случаях. Так, после признания зачета требований кредитора и должника недействительным, должник был признан несостоятельным и кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о включении его требований в реестр требований. Суд удовлетворил заявление, поскольку в таком случае не требуется особого акта возмещения – требование считается восстановленным и подлежит включению в третью очередь реестра требований кредиторов, см., например: Определение Арбитражного суда Тюменской области от 19 сентября 2019 г. №А70-3391/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Законодатель прямо не «прописал» содержание действий сторон при такой реституции, но уместно исходить из ее доктринального понимания как относительного, охранительного, внедоговорного правоотношения, совсем не обязательно синаллагматического, направленного на возврат полученного и нуждающегося (для полноценного правового регулирования) в применении дополнительных средств (см. об этом: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–408 Гражданского кодекса Российской Федерации/ Отв. ред. А.Г. Карапетов [электронное издание]. М.: М-Логос, 2018. С. 435, автор комментария к статье – Д.О. Тузов).

⁴ Этот порядок определен в Постановлении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63, а также в дополнителем его Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 59.

признания сделки недействительной.

Таким образом, требования кредиторов оказываются дифференцированными с учетом оценки их действия в период подозрительности. Соответственно должен поступить и арбитражный управляющий при формировании реестра требований, одни требования оказываются в одной очереди, другие — в самом конце, когда шансов на получение удовлетворения на практике почти не остается.

В п. 12 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 59 указано, что понижение очередности требования, предусмотренное п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве, является «ответственностью особой природы». Для отечественного правоповедения характерно мнение о том, что применение всякой меры ответственности предполагает установление ряда обстоятельств, связанных с дефектами не только в поведении, но и в сознании («внутреннем мире») правонарушителя. Поэтому в данном Постановлении вопрос об использовании данной меры воздействия увязан с установлением вины и противоправности (неправомерного поведения), при их отсутствии данная ответственность не применяется, требования кредитора удовлетворяются в обычном порядке (третья очередь).

Если оценивать производимый рассматриваемой нормой эффект, не затрагивая существа названных условий, то некоторые признаки ответственности (точнее — применения меры ответственности), действительно, есть. Передача в конкурсную массу имущества по сделкам, указанным в п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, приводит к тому, что кредитор фактически лишается встречного удовлетворения, хотя, конечно, он может рассчитывать на получение некоего его эквивалента при расчетах с кредиторами в результате завершения конкурсного производства. Если учесть, что и кредиторам третьей очереди редко что-то достается¹,

¹ По данным портала Федресурс, за последние пятнадцать лет по данным практически всех организаций, осуществляющих мониторинг ситуации в этой сфере, процент конкурсных кредиторов, получавших хотя бы что-то, не превышал 6–7 процентов (см. <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e>), дата обращения – 20.02.2021). 2020 год не может быть показательным в связи с мораторием, но, судя по сведениям различных мониторинговых агентств, ситуация не изменилась. Так, по данным Финмаркет, с

шансы получить какое-то благо названными кредиторами приближаются к нулю. В этом смысле здесь очевиден типичный для ответственности эффект наказания, кары, обременения (в том числе позволяющий отличать меры ответственности от мер защиты).

Но следует выяснить структуру отношений в данном случае, так как отношения по поводу применения мер ответственности в сфере гражданского права, да и вообще частноправового регулирования, строятся между правонарушителем и лицом, пострадавшим от правонарушения, а общей задачей является нейтрализация вредных последствий (компенсация потерь, возмещение вреда) за счет правонарушителя.

Полагаем, то же наблюдается и при применении норм о субординации. Надо лишь учитывать, что, как многие правовые меры воздействия, они вызывают различный эффект и наличие двух этапов реализации ее механизма. Если для лиц, явно нарушивших нормы о банкротстве, субординация проявляется как средство наказания, то для правомерно действовавших кредиторов данные правила, по существу, представляют меры защиты, поскольку, в результате недопущения недобросовестных кредиторов к участию в распределении конкурсной массы, позволяют получить в сложившихся условиях максимально возможный объем удовлетворения. Наличие двух этапов заметно в том, что вначале (первый этап) часть имущества, на которое потенциально мог рассчитывать правонарушитель, оказывается учитываемой в общей сумме благ (конкурсной массе). Затем, в результате правильного ее распределения (второй этап), реализуются и обычные цели правозащитного механизма в сфере частного права: каждый из пострадавших получает свою часть утраченного — в том числе за счет правонарушителей. Таким образом, и

граждан-банкротов из 319,5 млрд. руб. кредиторам удалось вернуть лишь 3,8 процента (см. [http://www.finmarket.ru/news/5392491#:~:text=FINMARKET.RU%20%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D1%8B%20%D0%B2%202020,%D0%B2%20%22%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B5%22%20\(%D0%95%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9](http://www.finmarket.ru/news/5392491#:~:text=FINMARKET.RU%20%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D1%8B%20%D0%B2%202020,%D0%B2%20%22%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B5%22%20(%D0%95%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9) (дата обращения – 24.02.2021).

здесь проявляется классическая модель отношений ответственности¹.

Верховный Суд указал на необходимость установления лишь двух условий (вины и противоправности²), вместе с тем традиционно (и вполне обоснованно) к условиям гражданско-правовой ответственности принято относить также наличие вреда и причинно-следственную связь между актом поведения и возникшим вредом³.

Наличие вреда в сделках, предусмотренных ст. 61.2 Закона о банкротстве (т.е. подозрительных сделок), для целей применения данной санкции чаще всего особых затруднений не вызывает, тем более с учетом современного понимания и толкования достаточности доказывания суммы ущерба⁴, особенностей ущерба, возникающего в экономической сфере⁵. Однако этого нельзя сказать о сделках с предпочтением. Вопрос о том, можно ли считать их причиняющими вред, является спорным⁶. Во всяком

¹ М.И. Брагинский и В.В. Витрянский прямо указывают, что ответственность по гражданскому праву представляет собой ответственность одного участника гражданско-правовых отношений перед другим» (Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. С. 492). Впрочем, «двойственный» характер применения мер имущественной ответственности неоднократно отмечался как общее явление в праве: то, что для правонарушителя есть наказание, для потерпевшего есть защита (см., например: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М.: Юридическая литература, 1976, с.125–130; Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М.: Наука, с. 45–49).

² Если даже допустить, что устанавливать противоправность в таких случаях следует, то под ней, конечно же, надо понимать нарушение прав конкретных субъектов, а не нарушение норм объективного права. Впрочем, сомнительна вообще необходимость наличия такого положения в делах об оспаривании сделок при несостоятельности. Например, в немецком праве принято считать, что оспаривать можно и правомерные действия (см.: Хафтунг-Афифи О. Правовой институт оспаривания правовых действий в праве Германии при несостоятельности // Сборник статей о праве Германии. Вып. 1. Германно-российская ассоциация юристов, 2015. С.204–205).

³ При анализе дел, связанных с оспариванием рассматриваемых сделок, легко заметить, что суд специально не исследует вопрос о причинно-следственной связи, ограничиваясь доказательством условий, которые прямо названы в Законе о банкротстве (например, были ли отдельные кредиторы, перед которыми уже возникли обязательства, были ли признаки неплатежеспособности на момент заключения сделки и т.п.). Некоторые из таких обстоятельств (например, способна ли сделка повлиять на очередность), действительно, указывают на зависимость действий и последствий, но эти последствия сами по себе не говорят о вреде. Поэтому, видимо, наличие вреда презюмируется при наличии названных обстоятельств.

⁴ Следует исходить из того, что положения ГК РФ о существовании убытков, их составе и порядке доказательства в целом могут быть применены и к вреду, причиняемому в делах по оспариванию сделок должника. Если нет каких-либо особых обстоятельств, то следует применять и норму п. 5 ст. 393 (о том, что размер убытков должен быть установлен «с разумной степенью достоверности»), а также о том, что на суд возлагается обязанность активно исследовать этот вопрос, не возлагая все проблемы по доказыванию на заявителя).

⁵ Так, ущерб участникам корпоративных отношений может заключаться не в лишении имущества или денежных средств, но и в лишении возможности управлять организацией, определять ее действия и т.д., см., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 марта 2019 г. №305-ЭС18-22069 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Так, Е.Д. Суворов отстаивает мнение, согласно которому такие сделки не могут включать в себя признак причинения вреда, поскольку они направлены (реагируют) на факт недобросовестности кредитора, поэтому признаки сделки подозрительные и с предпочтением не могут быть объединены (см. Суворов Е.Д. Конкуренция оснований недействительности. Комментарий к Определению Судебной коллегии по

случае, здесь нет обычных признаков вреда (в том смысле, как он понимается при всякой вариации Паулианова иска)¹. Правда, как у сделок подозрительных, так и у сделок с неравноценным предоставлением есть одна общая черта — экономическая выгода на одной из сторон сделки.

Сделки с предпочтением вообще, видимо, требуют более глубокой дифференциации, равно как и внимательного отношения к особенностям деятельности субъектов, часто затрагивающей права и интересы широкого круга лиц (не только участвующих в таких сделках)².

Здесь нет и линейной правовой реакции, типичной для отношений «причинитель вреда — потерпевший». Так, размер подлежащего возврату в конкурсную массу имущества, ранее полученного кредитором по сделке с предпочтением, не может превышать совокупного размера требований кредиторов, включенных в реестр, и текущих обязательств должника, иное противоречило бы смыслу Закона о банкротстве и специальной направленности правил о таких сделках³.

Подобные нюансы дают основания считать, что указанная дифференциация составов подозрительных сделок и сделок с предпочтением, их последствий используется законодателем в различных целях, в том числе для формирования конкурсной массы (общий эффект), а также учета поведения конкретного кредитора-участника сделки (индивидуальный эффект). Поэтому было бы логично исходить из того, что если даже сделки с предпочтением и не имеют признака причинения вреда в обычном его понимании, то они могут считаться вредоносными в силу того, что один из

экономическим спорам ВС РФ от 24.10.2017 №305-ЭС17-4886(1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4. С. 33–40).

¹ Относительно сделок с предпочтением отмечается и определенная алогичность норм, в том числе в силу того, что юридическое значение придается обстоятельствам, которые до начала дела о несостоятельности имели другой смысл, см., например: Бруско Б.С. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 8–9.

² В этой связи вызывает интерес позиция авторов, отмечающих, что, например, для оценки деятельности кредитных организаций по данной категории дел явно ощущается потребность именно объективных критериев и отражения специфики их взаимоотношений с клиентами (см.: Тарнопольская С.В. Оспаривание сделок кредитных организаций, совершаемых в преддверии банкротства: сложности и перспективы // Закон. 2014. № 3. С. 52–59).

³ См., например: Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 3525/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

кредиторов получает несправедливое преимущество. Его участие в сделке искажает принцип справедливого и честного распределения конкурсной массы между всеми кредиторами (*pari passu*), т.е. такие сделки вызывают «общий отрицательный эффект». В случае же с подозрительными сделками (п. 3 ст. 61.2 Закона о банкротстве) речь идет об «индивидуальном эффекте» (разнообразные формы хищений лиц, входящих в органы управления, вывод активов в пользу определенных лиц и т.п.).

Если бы при применении меры воздействия, предусмотренной п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве, не наступал отрицательный эффект, то ее трудно было бы отнести к мерам ответственности (хотя, действительно, она обладает свойствами санкции в широком смысле слова). Перемещение в очереди кредиторов, заключивших сделки, которые в дальнейшем квалифицированы по п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, вполне можно было бы определять как особую разновидность реституционных мер¹.

В судебной практике понижение требований стало использоваться и в ситуациях, не предусматривающих субординацию. Например, при займах и поручительстве с участием аффилированных с должником лиц, членов корпорации. В результате судебная практика, до этого вполне лояльно относившаяся к случаям, когда требования таких кредиторов включались в реестр, стала явно меняться. Так, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ при рассмотрении кассационной жалобы² отменила судебные акты по делу и вернула дело на новое рассмотрение, указав, что при новом рассмотрении следует выяснить природу заемных отношений мажоритарного акционера, тем более, что для предоставления

¹ Существо реституции, как специального правового средства, исследовалось достаточно (см., например: Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М.: Статут, 2007; Байбак В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. С. 179–196; Лоренц Д.В. Юридическая природа реституции // Законы России: опыт анализ, практика. 2009. № 12. С.112–116). Но, если не затрагивать некоторых ее специальных функций (назначения), то в целом она представляет собой реакцию правовой системы на отклонения от предписаний правовой нормы (объективного права). Ее цель ограничена – восстановить прежнее положение в результате аннулирования основания сделки и, как правило, это не мешает и не исключает применения других критериев и последствий.

² См.: Определение судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июля 2017 г. №308-ЭС17-1556 (1) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

займа акционером использовались ранее полученные дивиденды. При таких обстоятельствах было предложено осуществлять переквалификацию заемных отношений (и суброгационных отношений из поручительства) в корпоративные. Эта логика была продолжена в ряде других дел, рассмотренных данной коллегией Верховного Суда РФ¹.

В развитых зарубежных правовых системах отрицательные последствия при совершении некоторых сделок в «предбанкротный» период также известны². Но единого подхода к правовым последствиям при оспаривании сделок должника не выработано, что объясняется и традициями, и задачами, которые ставит соответствующий законодатель³. В большинстве стран понижение очередности обычно следует как результат признания причинения вреда в силу определенной связи должника со стороной сделки (личной, родственно-семейственной, корпоративной)⁴. Тем не менее, и у зарубежных ученых остаются сомнения относительно точности и обоснованности такого подхода⁵.

¹ Например, в Определении от 23 июля 2018 г. № 310-ЭС17-20671, в Определении от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС15-5734 (4), в Определении от 21 февраля 2018 г. № 310-ЭС17-17994 (1, 2), в Определении от 15 ноября 2018 г. № 301-ЭС18-9388(1), в Определении от 4 февраля 2019 г. № 304-ЭС18-14031 // СПС «КонсультантПлюс».

² В литературе отмечается наличие нескольких взаимосвязанных доктрин – «Piercing the Corporate Veil», «Deep Rock doctrine», «Eigenkapitalersatzrecht», «substance over form» и др. (см., например: Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 221–240). Надо заметить, что, хотя все они направлены на раскрытие определенной информации, используются все же в различных сферах правового регулирования и имеют широкий потенциал для интерпретации (см. также о «проникающей ответственности»: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2015. С. 182–199).

³ Например, во Франции в центре внимания процедуры восстановления в рамках «политики сохранения организации», в силу чего и определение периода подозрительности не решается императивной нормой, французский закон допускает, что и после появления признаков несостоятельности должник может совершать определенные активные экономические действия в расчете на улучшение положения (см., например, об этом: Бычкова К.М. С. Удовлетворение требований кредиторов в рамках процедуры несостоятельности в России и Франции: сравнительно-правовой анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 170–172).

⁴ С предположением, что сделка была направлена в ущерб независимым кредиторам (см., например: Кокорин И.В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии, США // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 119–137; Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) займов юридических лиц в Германии и Австрии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 12. С. 116–158).

⁵ Так, М. Шэнкер усматривает здесь неравенство последствий в одних и тех же ситуациях для разных кредиторов (см.: Кравченко Е. Проблемы защиты и реабилитации должника при несостоятельности (банкротстве) в Великобритании, Германии, Франции, России (сравнительно-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 104.) По мнению Ричарда Каллана, применяются два подхода к сделкам с предпочтением: первый заключается в том, что должник не должен проявлять «более благоприятного отношения к своим аффилированным лицам» (Англия и др.), второй (США и др.) предполагает объявление

Традиционно считается, что ближе всего отечественному законодательству о банкротстве законодательство Германии. Оспаривание действий (*Anfechtung*), включая сделки должника, может осуществляться как по Гражданскому уложению, так и по Положению о несостоятельности от 5 октября 1994 г. (*Insolvenzordnung*) и специальному закону (*Anfechtungsgesetz*). Положение о несостоятельности (§§ 130–146) предусматривает изменение порядка и размера выплат из сумм конкурсной массы в силу вредоносных действий¹. При этом, по мнению ряда немецких юристов, последствия должны дифференцироваться для различных участников сделки². Отмечается, что оспаривание действий (сделок), исходя из направленности, может быть «распределительное» и «карательное»³.

Отметим, что идея осуществлять субординацию кредиторов помимо исторически устоявшихся и апробированных преференций (например, предоставления социального приоритета для выплат, связанных с возмещением вреда жизни и здоровью, и залоговым кредиторам разделяется законодателями не всех стран (так, отсутствуют подобные нормы в странах Северной Европы). Подход, согласно которому сделки должника с близкими лицами, членами корпорации исходно оказываются под подозрением, вызывает упреки и с экономической точки зрения, с позиций обеспечения перспективы восстановления устойчивого финансового положения (ожидать

недействительными любых платежей в течение определенного периода до несостоятельности (см.: Калнан Р. Неправомерные действия // Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве) // Специальное приложение Вестника Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 3. С. 167–176).

¹ Есть некоторая специфика в понимании и дифференциации подобного вреда, так, выделяются «непосредственно убыточные действия» (§ 132), «преднамеренное причинение вреда» (§ 133), «опосредованное причинение вреда». Тем не менее, основания для оспаривания вполне понятны – необходимо установить наличие вреда и нормативно установленный период времени контроля. В Германии, исходя из конкретных обстоятельств, этот период составляет от одного месяца до десяти лет (см. об этом: Борк Р. Экономический анализ права конкурсного оспаривания // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 8. С. 150–166).

² Так, известный немецкий правовед Г. Папе отмечает, что всякий благоприобретатель имущества в сделках с должником может быть обязан к возврату лишь в той мере, в которой он знал или должен был знать, что причиняет ущерб кредиторам (см.: Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии: Комментарий к действующему законодательству / Пер. с нем. М., 2002. С. 113–114).

³ См.: См.: Хартунг-Аффифи О. Правовой институт оспаривания правовых действий в праве Германии о несостоятельности // Германно-Российская ассоциация юристов. Сб. статей о праве Германии. Вып. 1. М., 2015. С. 204–205.

помощи должник обычно может лишь от них). Затруднительным является и привлечение стороннего инвестора, поскольку, как только он заключит соглашение или войдет в капитал, его сделка оказывается под угрозой признания недействительной. Иначе говоря, сам инвестиционный климат оказывается имеющим серьезный дефект, что весьма нежелательно для регуляторной политики в условиях явного недостатка капитализации основной массы отечественных хозяйственных обществ.

Российское правождение лишь начало исследовать проблемы, возникающие при применении субординации при банкротстве¹. При отсутствии универсальной нормы, позволяющей понижать очередность, судебная практика идет по пути признания некоторых заемных отношений, отношений из договора поручительства и некоторых других имеющими корпоративную природу. То есть нормативной базой для существования всех этих судебных решений (*ratio decidendi*) по данной категории дел служит правило абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве, исключающее включение требований из корпоративных отношений в реестр требований кредиторов (более подробно об этом см. в § 2 гл. 3 работы). В результате, действия кредитора квалифицируются как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ), и в силу ст. 168 ГК РФ его требования не включаются в реестр.

Кредиторы действительно нередко пытаются получить контроль или над должником, или над процедурами несостоятельности за счет прав, возникающих в данных правоотношениях. Примером может быть и известный спор по поводу заявления участника хозяйственного общества, выдавшего заем своей корпорации, о включении его требований в реестр

¹ См. Егоров А.В. Субординация аффилированных кредиторов при банкротстве: актуальный вызов времени // ЭЖ-Юрист. 2018. № 39. С. 30–39. Проводятся и круглые столы по данной проблематике, см., например: https://m-logos.ru/conference/law/nauchno-praktichesky_kruglyi_stol_sudba_dogovornyh_trebovaniy_kontroliruushih_kompaniy_lic_i_inyh_affilirovannyh_kreditirov_pri_bankrotstve_kompanii/27042018_27042018/ (дата обращения – 11.04.2019); Мелихов Е. Соглашение кредиторов: вопросов больше, чем ответов // Корпоративный юрист. 2015. № 9. С. 15–17; Чокорая М. Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 4. С.32–38.

кредиторов¹. Дело показательное и потому, что спор иногда толкуется как пример обсуждения субординации требований.

По другому делу Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся решения арбитражных судов, признавших правомерным включение в реестр требования акционера Г., являвшегося поручителем и погасившего задолженность акционерного общества². Отмечено, что судам следовало критически оценивать уплату долга поручителем, который обладал 25 процентами акций. Однако погашение задолженности должника произошло за год до его банкротства и в условиях, когда от участника акционерного общества как раз предполагалось и ожидалось совершение тех или иных действий, которые бы позволили сохранить акционерное общество. Наконец, уплата за должника объективно направлена на уменьшение убытков общества.

Надо признать, что оценки и замечания Судебной коллегии разумны и обоснованы. Заметно также, что в случаях, когда требования по названным причинам не включаются в реестр, решающим фактором является не каждое отдельное обстоятельство и (или) действие кредитора (заем, уплата поручителем за должника, наличие корпоративной связи³ и пр.), а использование всех этих договоров и инструментов (в целом правомерных) для достижения незаконной цели.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июня 2017 г. №308-ЭС17-1556 (2) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Дело направлено на новое рассмотрение, поскольку не учтено, что кредитор обладал 50 процентами долей участия должника и до открытия конкурсного производства не был его руководителем, а единственным источником сумм, направленных на кредитование, являлись средства, полученные от распределения от прибыли в результате хозяйственной деятельности общества. Предложено также тщательно проверить наличие признаков корпоративных отношений. Если замечание Судебной коллегии о том, что таким образом может наращиваться «кредиторская задолженность», правильно, то трудно согласиться с упреком в том, что такая практика создает «искусственный кругооборот» денежных средств (заметим, действия участника, который, кстати, предоставил средства на льготных условиях, направлены на содействие корпорации, что следует считать и нормальным, и ожидаемым).

² Постановление Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23 июля 2018 №310-ЭС17-20671 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Так, само по себе предоставление участником займа собственной корпорации (тем более в сегодняшней экономике, когда трудно найти доступный кредит) должно рассматриваться как акт в рамках корпоративной «лояльности и заботливости». В этой связи никаких претензий к участнику быть не должно, однако он не должен пользоваться своим положением контролирующего члена корпорации и – преимущественно перед другими участниками – извлекать выгоду из этого (см. п. 4 ст. 1 ГК РФ).

Кроме того, в результате отказа включать требование в реестр кредитор оказывается не просто понижен в очереди, а фактически лишается возможности получить какое-либо удовлетворение. Поэтому нет оснований считать, что при применении норм ст. 10 и 168 ГК РФ, позволяющих отказать во включении требования в реестр, имеет место именно субординация требований.

Заемные и иные финансовые отношения между участниками корпораций и прочими взаимосвязанными организациями возникали и будут возникать в силу совершенно различных причин. При этом выбор таких лиц в качестве кредитора может быть определен как высоким уровнем уверенности в исполнительности (например, в силу личной осведомленности, знания лиц друг о друге), так и отсутствием удовлетворительных предложений в банковском сегменте рынка (включая перманентную для нашей экономики избыточно высокую ставку кредита)¹.

Из этого следует, что целесообразно как можно скорее принять общие правила о субординации требований, предусмотрев достаточную дифференциацию оснований и последствий, не допуская избыточного обременения на тех участников взаимоотношений, не совершавших умышленных правонарушений².

Подведем итоги:

- установлению, в значении положений Закона о банкротстве, подлежат лишь заявленные требования, как признанные должником, так и требования,

¹ Совершенно обоснованно отмечается, что, прежде всего, надо проверять рыночный характер обстоятельств формирования требований кредитора (см., например: Шевченко И.М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве // Российский судья. 2018. № 3. С.10–14).

² Не решается проблема субординации и путем привлечения к субсидиарной ответственности, поскольку в результате ее применения лишь пополняется конкурсная масса. Правда, п. 3. ст. 61.15 Закона о банкротстве допускается субординация регрессных требований лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности, т.е. они фактически «последние в очереди». Не меняется оценка ситуации и в том случае, если лица, входившие в топ-менеджмент хозяйственного общества и представившие ложную информацию для получения кредита, привлекаются к ответственности за деликт, см., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 305-ЭС18-15540 // СПС «КонсультантПлюс». Это дело (по иску ПАО «Национальный банк «Траст») любопытно, прежде всего, подходом Судебной коллегии по рассмотрению экономических споров ВС РФ к тому, как следует судам относиться к возможности переквалифицировать иск. В данном случае было признано, что иск из кредита может быть переквалифицирован в иск из деликта. Однако такая переквалификация не влияет на субординацию требований.

основанные на судебном акте, а равно требования, в отношении которых кредитор не заявлял возражений¹;

- в рамках установления требований выясняется возможность признать заявленное требование основанным на реально существующем субъективном праве и допустимость его включения в конкурс с отражением в определении суда размера требований и очереди в реестре;

- оценка активных действий должника в предбанкротный период, как направленных на создание именно видимости финансового благополучия, не всегда верна и не может выступать критерием предосудительности сделок. В такой сложный период только энергия и повышение эффективности участия в обороте могут исправить ситуацию;

- целесообразно уточнить критерии сделок, предусматривающих понижение очередности в п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве, включая последствия сделок с предпочтением. Условия их квалификации изложены таким образом, что допускают последствия, предусмотренные п. 3 ст. 61.3 Законом о банкротстве, не только без доказательства их вредоносности, но даже без предположения об этом. Часто используемая в качестве доказательства ссылка на информированность о наличии финансовых затруднений малопродуктивна: по общему правилу данное обстоятельство известно всем специалистам, а партнерская лояльность предполагает не отвергать сотрудничество;

- целесообразно исключить применение последствий признания сделок недействительными в силу п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве только потому, что средства по сделке или поручительство представлены заинтересованными лицами или членами данной корпорации при условии, что денежные средства (поручительство) предоставлены на рыночных или более льготных условиях. Анализ позволяет считать, что при отказе включения таких требований в реестр решающим фактором является не

¹ Установлению подлежат и требования налоговых органов, на что обращено внимание в п. 11 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 декабря 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

каждое отдельное обстоятельство и (или) действие кредитора (заем, уплата поручителем за должника и пр.) а использование совокупности договоров и инструментов (в целом правомерных) для достижения незаконной цели (контроля в отношениях несостоятельности или должника);

- отказ во включении требований в реестр требований кредиторов не может рассматриваться как субординация требований. Целесообразно принять общие правила о субординации требований, предусмотрев достаточную дифференциацию оснований и последствий, не допуская избыточного обременения тех участников взаимоотношений, которые действовали добросовестно, разграничивая отсутствие оснований для включения в реестр и наказание за умышленно правонарушение;

- следует исключить переквалификацию отношений должника с членами корпорации в корпоративные отношения (с подозрением о скрытом увеличении уставного капитала) без установления полного состава требуемых юридических фактов, необходимых для увеличения уставного капитала;

- при толковании и применении норм о субординации как меры ответственности следует исходить из того, что она вызывает различный эффект для правомерно и неправомерно действовавших кредиторов, и наличия двух этапов реализации ее механизма. Для правонарушителей она является средством наказания, а для правомерно действовавших кредиторов — мерой защиты. В результате недопущения недобросовестных кредиторов к участию в распределении конкурсной массы и правильном ее распределении реализуются и обычные цели правозащитного механизма в сфере частного права: каждый из пострадавших получает свою часть утраченного (в том числе за счет правонарушителей);

- учитывая, что субординация требований есть «мера исключительная», при применении последствий признания сделок недействительными в силу п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве нет необходимости стремиться к квалификации последствий в качестве применения как именно

меры ответственности, поскольку реституционный механизм позволяет реализовать все основные задачи, стоящие на этом этапе правового регулирования. Понижение очередности в указанных случаях представляет собой реакцию на отклонение от требований объективного права и не исключает применения других критериев и правовых последствий;

- сделки, квалифицируемые как недействительные по Закону о банкротстве, всегда приводят к экономическим потерям кредиторов. Однако вред (ущерб) проявляется различно. Если сделки подозрительные вызывают вред у конкретных лиц (индивидуальный вредоносный эффект), в сделках же с предпочтением вред не персонализирован (не локализован), он возникает у сообщества кредиторов в целом, так как только один из них получает несправедливое преимущество (общий вредоносный эффект);

- целесообразно предусмотреть субординацию требований в силу соглашения конкурсных кредиторов, предусмотрев правило об этом в ст. 16 Закона о банкротстве. Такое соглашение должно заключаться между всеми кредиторами одной очереди, и только после того, как будет определен объем требования и очередь каждого кредитора, данное соглашение подлежит учету арбитражным управляющим при расчетах с кредиторами;

- субординация требований кредиторов как мера именно ответственности должна основываться на системной связи со сложившимися общеправовыми представлениями об ответственности как особом правовом явлении, включая доказательства противоправности, вины, наличия ущерба, причинно-следственной связи;

- поскольку сложившиеся в последние годы стандарты доказывания по делам о несостоятельности, вне зависимости от локальной цели, направлены на определение не только размера требований, но и характера задолженности и очереди, то все они, в своей совокупности, представляют собой особый (преимущественно процессуальный) компонент системы установления требования кредиторов.

§ 3. Фиктивная кредиторская задолженность: понятие, квалификационные признаки и правовые способы противодействия включению в реестр требований кредиторов

Одной из наиболее серьезных угроз имущественным правам кредиторов и иных лиц при банкротстве является фиктивная кредиторская задолженность, искажающая данные о ситуации, не позволяющая эффективно применить правовые средства воздействия при процедурах конкурса и, в конечном счете, приводящая к нарушениям прав кредиторов.

Нормативного определения самой фиктивности Закон о банкротстве не содержит. Сходные понятия имеются в уголовном и административном законодательстве, где выделяется «преднамеренное» и «фиктивное» банкротство (см. ст. 196, 197 УК РФ, ст. 14.12 КоАП РФ). Однако умышленное увеличение задолженности далеко не всегда требует уголовного или административного преследования, оно может быть и случайным, и не всегда ведет к ущербу для участников экономического оборота¹.

Существенное значение для выявления фиктивной задолженности имеет проведение арбитражными управляющими финансового анализа² и подготовка заключений при проверке наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства³ (ст. 20.3. Закона о банкротстве). Сведения, привлекаемые для финансового анализа, проводимого за двухлетний период с отражением динамики изменений, обычно и составляют основу для исследования и выявления признаков фиктивной задолженности. Такой анализ проводится за двухлетний период с отражением динамики изменений.

¹ В литературе справедливо отмечается, что далеко не все правонарушения в сфере гражданско-правовых отношений могут и должны непременно квалифицироваться как преступления (см.: Карелина С.А., Москалева О.А. Субъектный состав криминального банкротства // Законодательство. 2007. № 12. С.33–39).

² См.: Правила проведения арбитражным управляющим финансового анализа, утв. постановлением Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 // СЗ РФ. № 26. Ст. 2664

³ См. Временные правила проверки наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утв. постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 // СЗ РФ. 2004. № 52 (часть II). Ст. 5519. Арбитражный управляющий по итогам изучения информации готовит заключение о наличии или отсутствии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства (п. 15).

Однако специальных показателей, которые бы определенно позволяли говорить о наличии или отсутствии именно фиктивной задолженности, не разработано. В результате установленные в ходе финансового анализа данные должны дополняться сведениями, полученными при изучении конкретной ситуации.

В доктрине понятия фиктивной задолженности в основном приводятся применительно к уголовному или административному законодательству¹. Во многом это объяснимо специальными задачами процедур несостоятельности, которые, строго говоря, не направлены на противодействие возникновению самой фиктивной задолженности, а на противодействие включению ее в реестр требований кредиторов.

Судебный процесс о несостоятельности (банкротстве) возникает и развивается по собственным критериям, не может зависеть от других правоотношений. Да и факт обнаружения фиктивной задолженности при рассмотрении дела о банкротстве не должен существенно влиять на сами отношения несостоятельности². Поэтому трудно согласиться с мнением, что выяснение признаков криминального («фиктивного» или «преднамеренного») банкротства целесообразно во всех случаях, когда дело о банкротстве возбуждено по инициативе должника³. Трудно поддержать и высказывания о том, что «законодательство о банкротстве неоправданно мало» уделяет внимания фиктивной задолженности⁴. Объективно это несправедливо и неточно, поскольку у законодательства о банкротстве иные задачи, многие ситуации здесь оцениваются иначе, используются

¹ См., например: Чуча С.Ю. Проблемы установления факта преднамеренного банкротства // Арбитражная практика. 2002. № 7. С.3–6; Гурченко Е. Фиктивные требования в деле о банкротстве: последняя практика ВС РФ // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 2. С. 14–24.

² Так, в судебной практике отмечалось, что само по себе установление факта как фиктивного, так и преднамеренного банкротства не должно препятствовать процессу банкротства (см. постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 февраля 2011 г. по делу №А19-830/10 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Чернова М.В. О формировании понятийного аппарата в сфере банкротств // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 15 // СПС «КонсультантПлюс». Например, ст. 50 Закона о банкротстве предусмотрена возможность такой экспертизы, но она назначается не всегда.

⁴ См., например: Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. М.: Юстицинформ, 2013. С. 5–6.

специфические приемы и правовые средства для реакции на факт образования фиктивной задолженности.

В судебной практике понятие «фиктивная задолженность» используется нередко, но с неустойчивым значением. В одних случаях к фиктивной задолженности относят случаи, когда долг фактически отсутствовал, но был оформлен за счет поддельных документов. В других ситуациях фиктивная задолженность понимается шире — как контролируемая задолженность, а, следовательно, незаконная в условиях несостоятельности.

Например, при рассмотрении одного из дел было обращено внимание на то, что внутри группы компаний имеется несколько требований, связанных с арендой одного и того же имущества. «Выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную *фиктивную кредиторскую задолженность* (выделено мною — А.Х.) для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого из арендаторов (субарендаторов)»¹. Как видим, обсуждается не только и не столько факт мнимости (ложности) задолженности (хотя он предполагается), сколько вероятное искажение смысла и эффективности процедур банкротства.

Такое понимание следует признать правильным для оценки фиктивной задолженности именно в делах о банкротстве. В результате, под фиктивной задолженностью понимаются не только те долги, которые образовались в результате обычной неисполнительности в обороте или возникли случайно (непредумышленно), но и те, которые были созданы специально для получения незаконных имущественных выгод путем получения части конкурсной массы в ущерб другим кредиторам. Этим понятие «фиктивная

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

задолженность» при банкротстве отличается от разнообразных видов «искусственной задолженности», создающейся в иных ситуациях¹.

В русском языке слова «фиктивный», «фиктивность» связываются с «мнимостью», «фикцией», «недействительностью»². Но это обиходное толкование, применительно же к отношениям несостоятельности его следует скорректировать. В данной сфере фиктивная задолженность означает не просто мнимую (искусственную) задолженность, а такую, которая создана в специальных целях, — для незаконного получения благ или преимуществ в рамках проводимых процедур. Стандартная схема создания всякой задолженности — в том числе фиктивной — основана на заключении соглашений или совершении односторонних сделок, в результате которых у должника возникает обязанность платежа. Но в отличие от обычной задолженности, часто объяснимой простым отсутствием средств, при фиктивной задолженности, значимой для несостоятельности, реального движения имущественных ценностей не осуществляется или платеж (иное предоставление имущества) осуществляется в целях, противоречащих смыслу и направленности процедур банкротства. Примером последнего может быть ситуация, когда, узнав о предстоящем банкротстве должника, кредитор, тем не менее, все же перечисляет очередной платеж (транш), рассчитывая на приоритет перед другими кредиторами (и, в конечном счете, на контроль в конкурсном производстве). Такую задолженность нельзя назвать мнимой, она вполне реальная, но поскольку формируется неправомерно, в противоречии с целями конкурса, она также может оцениваться как фиктивная.

Из этого следует, что данное понятие в рамках процедур банкротства было бы правильно толковать не только как «отсутствующую» или «несуществующую» задолженность, а, прежде всего, как задолженность, специально (умышленно) и незаконно созданную. Поэтому в число ее

¹ В том числе для уменьшения налогооблагаемой базы, для вывода активов за рубеж, для увеличения доли в общем имуществе супругов, см. об этом: Бычков А.И. Дефекты, ошибки и неурядицы. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 120–130.

² См., например: Толковый словарь Ушакова. М.: Русский язык, 2009. Т. 2. С. 309.

характерных и обязательных элементов (квалифицирующих признаков) должно входить: а) умысел и б) направленность действий на извлечение выгоды из такой задолженности.

Поэтому не относятся к фиктивной задолженности случаи заявления требований, основанных на ошибке или неправильном понимании закона, иные случаи, когда действия кредитора не направлены на получение той или иной выгоды или преимущества (хотя бы в будущем). Если данный факт не очевиден и не доказан, то строить определение суда только на том, что кредитор участвует в капитале нескольких лиц, не представляется правильным. В одном из дел¹ кредитор выдал поручительство за должника в относительно благополучный период, а в силу невозможности должника заплатить погасил его долг. Выдача поручительства не предусматривала вознаграждения, денежные средства кредитор перечислил, свою долю участия в капитале кредитор не увеличивал и нет никаких данных о том, что соответствующие решения принимались или планировались хозяйственным обществом. В таких условиях, без установления того, какую конкретную выгоду получает участник, платеж за общество одного из основных участников трудно рассматривать как формирование именно фиктивной задолженности².

Отмеченное позволяет рассматривать создание фиктивной задолженности как особое имущественное правонарушение и ставить задачу его оценки с учетом сложившихся научных и практических представлений о таком правонарушении³. В том числе следует определить и состав такого

¹ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 июля 2018 г. №310-ЭС17-20671 по делу №А68-2070/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Вариантом извлечения выгоды является и осуществление рейдерского захвата в период несостоятельности, что в дальнейшем может привести к установлению корпоративного контроля над должником (см. о вариантах таких схем: Федоров А.С. Правовая охрана корпоративных отношений: актуальные проблемы, противодействие современным криминальным угрозам, зарубежный опыт: Научно-практическое пособие. М.: Юстицинформ, 2012. С. 96–102).

³ Представляется, отечественная наука лишь приступила к исследованию этой проблематики (см. об этом: Телюкина М.В., Ткачев В.Н. Конкурсный деликт в системе гражданско-правовых отношений // Закон. 2011. № 7. С. 109–113).

правонарушения, и возможность включения в него вины¹ или иных субъективных оснований, а равно и последствия такого правонарушения. Поскольку это самостоятельная и весьма объемная тема исследования, отметим, что применительно к рассмотрению дел о банкротстве, если только они не были квалифицированы как уголовные преступления или административные правонарушения, редко обсуждается вопрос о вине. При обсуждении данной проблематики были высказаны соображения о том, что применительно к рассмотрению дел о банкротстве предполагается допустимость так называемого объективного вменения, позволяющего применять правовые последствия вне зависимости от личного отношения субъекта к совершенному деянию и его последствиям². С этим подходом трудно согласиться, поскольку понятие «фиктивная задолженность» утрачивает один из своих важнейших квалифицирующих признаков. Вместе с тем, вряд ли правильно исходить из того, что в данных делах непременно надо пользоваться классическим определением вины³, сформированным преимущественно на базе уголовно-правового подхода. Отметим, что, например, в цивилистике понятие вины не связано с «психическим отношением»⁴. В этой сфере правового регулирования допускается и ответственность независимо от вины, и признается значение других оснований (например, риска)⁵, связанных с конкретными интеллектуально-

¹ Традиционно вина рассматривается как общеправовое понятие, хотя и может толковаться вариативно – исходя из задач в той или иной сфере правового регулирования (обзор концепций этого понятия см. Юрчак Е.В. Вина как общеправовой институт: Дис. ... канд. юриди наук. М., 2015. С. 53–64).

² Однако в последнее время все чаще отмечается возможное изменение подхода. Так, при анализе современной практики обращается внимание на то, что в пользу этого говорит и тот факт, что оппонирующие кредиторы должны привести аргументы, вносящие разумные сомнения в обоснованности требований, предположительно фиктивных (см. <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokatam-rasskazali-о-novellakh-v-sudebnoy-praktike-po-bankrotnym-delam/> (дата обращения – 10.08.20).

³ Под виной в уголовном праве обычно понимают психическое отношение правонарушителя к своим действиям и возникшему результату (см., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2013. С. 76–79).

⁴ Собственно говоря, в гражданском праве нет единого понятия вины, поскольку в п. 1 ст. 401 ГК РФ дается не понятие вины, а описывается ситуация, когда вины нет. См. также: Груздев В.В. О проблеме гражданско-правовой вины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 31–36.

⁵ В известной работе М.И. Брагинского и В.В. Витрянского (см.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1. Общие положения. М.: Статут, 2000. С. 748–750) отрицается лишь единство понятия «вина» в праве и, вместе с тем, допускается использование других оснований.

волевыми процессами субъекта («знание», «желание», «намерение», «предвидение», «направленность», «цель действий» и т.п.).

Следует ожидать, что со временем сформируется дифференцированное отношение к рассматриваемому элементу состава конкурсного деликта, что уже сегодня обнаруживается в отдельных случаях¹.

Это позволит разумно и осмысленно проводить регуляторную и правоприменительную политику, в том числе не применять или применять ограниченно отдельные способы воздействия, аналогичные имущественной ответственности (например, понижение очереди). В том числе учитывать формирование задолженности, вызванной уважительными, случайными или извинительными обстоятельствами.

В судебной практике в числе квалифицирующих признаков фиктивной задолженности обычно называются: а) наличие отношений зависимости, б) использование членами корпорации институтов займа и поручительства, в) искусственное создание задолженности в ущерб независимым кредиторам в предбанкротный период, г) заключение мнимых сделок, д) отсутствие экономической обоснованности сделок в период финансового кризиса и др.

Надо обратить внимание на то, что эти признаки определенным образом сочетаются или дополняются другими признаками. Например, использовать кредит или поручительство в предбанкротный период можно лишь в отношениях, когда стороны взаимосвязаны или зависимы. Тем более невозможно без высокого уровня доверия и зависимости между несколькими лицами реализовывать схемы, основанные на использовании сразу нескольких различных правовых институтов².

¹ Например, когда речь идет о субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, закон иногда упоминает «вину» (см. п. 4. ст. 61.20 Закона о банкротстве), но в другом контексте и фактически заменяя ее объективным вменением (презумированием в силу собранных по делу фактов, хотя презумпция может быть и опровергнута).

² В случае рассмотрения одного из дел в суде было установлено, что использовался комплекс сделок для образования фиктивной задолженности (включая заем и аренду), но это было возможно лишь потому, что договоры заключались между аффилированными лицами (см. постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда 9 декабря 2019 г. №13АП-27560/2019 по делу №56-136449/2018 // СПС «КонсультантПлюс»).

Поэтому признаки формирования фиктивной задолженности в действительности представляют собой определенную систему, включая финансовые и интеллектуально-волевые аспекты поведения. Например, при рассмотрении одного дела было установлено, что кредитор, заявивший требование, является профессиональным и действующим риелтором, его деловые качества и профессиональная подготовка позволяют хорошо понимать смысл ареста объекта недвижимости и его правовое значение¹.

Рассмотрим отдельные признаки такой задолженности.

Отсутствие экономической обоснованности сделки является одной из причин, вызывающих подозрения в фиктивной задолженности. При рассмотрении дела о банкротстве гр. О. один из кредиторов возражал против включения требований другого кредитора, единственным учредителем которого является должник. Верховный Суд РФ направил дело на новое рассмотрение, указав, что предоставление займа учредителю не имеет экономической обоснованности, использован «нетипичный порядок исполнения» (уплата наличными), не соответствовала смыслу создания хозяйственного общества и практика извлечения прибыли в условиях обладания 100 процентами долей участия, единственный участник использовал иные механизмы (в том числе заем)².

Признаком фиктивности задолженности может быть и отсутствие намерения вызвать заявленный результат³. Действия хозяйствующих субъектов предполагаются совершенными осмысленно и направленными на получение прибыли. Поэтому участвующие в них лица должны доказать, что сделка совершалась с целью, отраженной в ее правовой характеристике (например, сделка, обеспечивающая исполнение обязательств, должна

¹ См.: постановление арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08 октября 2018 №ФО-3336/2018 по делу №А46-16633/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Кредитор требовала включить в реестр требований стоимость имущества, приобретенного у должника в период, когда оно находилось под арестом.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. №305-ЭС18-20992 (3) по делу №А41-77824/18 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Типичным примером может служить сделка по приобретению крупной партии мяса, хотя у покупателя не было ни оборудования, ни специалистов для переработки. На это обратил внимание и суд, признавший, что такая сделка была направлена на создание именно фиктивной задолженности (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 июля 2016 г. №305-ЭС16-2411 // СПС «КонсультантПлюс»).

приводить именно к этому — обеспечению). В противном случае такие действия могут быть квалифицированы (на основе нормы ст. 10 ГК РФ) как направленные на получение преимущества в количестве голосов (по отношению к независимым кредиторам)¹.

Сокращение активов должника в результате операций, совершаемых непосредственно перед банкротством, часто требует их проверки с точки зрения возможной фиктивности задолженности. Так, в одном из дел конкурсный кредитор потребовал признать недействительным соглашение о расторжении договора цессии, поскольку в результате существенно уменьшалась конкурсная масса, а средства от банка были перечислены внутрибанковской проводкой другому кредитору, связанному с банком. Дело было возвращено на новое рассмотрение и отмечено, что сумма номинала, полученная банком, в два раза превышала договорную стоимость, а внутрибанковская проводка совершалась в преддверии банкротства, когда безналичные деньги в банке могли утратить свои качества средства платежа (на корреспондентском счете ничего не было)².

Отношения, основанные на займе и кредите, довольно часто используются для образования фиктивной задолженности. По таким делам в центре внимания должны оказаться вопросы факта предоставления денежных средств и их возврат, а также сроки того и другого, полное отражение соответствующих операций в учете³.

При рассмотрении дел, по которым фиктивная задолженность возникла из договоров по передаче товаров (продукции), суды должны проверить саму возможность совершения действий сторонами, в частности, выяснить, являлся ли кредитор на самом деле производителем товаров и мог ли

¹ См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.05.2018 №301-ЭС17-22652(1) по делу №А43-10686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 апреля 2018 г. №305-ЭС17-6779 (2) по делу №А40-181328/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 6 октября 2016 г. №Ф09-9009/16 // СПС «КонсультантПлюс».

приобрести их у других производителей¹. Здесь решающим фактором является применение повышенного стандарта доказывания, обеспечивающего необходимую глубину проверки и фактическую поставку.

Наращивание фиктивной задолженности, связанной с выводом активов в результате «цепочки» сделок, часто основано на первоначальных сделках с низкой ценой (формально рыночной). Здесь возможна экспертиза, однако экспертное заключение не имеет заранее установленной силы, в том числе требуется оценивать макроэкономические эффекты, а не только данные, представленные в бухгалтерских документах. К примеру, при рассмотрении одного из дел было обращено внимание на то, что при формальной правильности отдельных сделок происходила распродажа активов различными директорами в виде цепочки сделок. Это позволило не согласиться с заключением эксперта и признать, что «такая тотальная реализация недвижимого имущества выходит за рамки стандартной управленческой практики, применяемой в обычной хозяйственной деятельности»².

Аффилированность часто называется признаком фиктивной задолженности, но на самом деле речь должна идти о сочетании аффилированности с другими действиями. В качестве примера, когда аффилированность не была признана достаточным обстоятельством, можно привести дело, в котором банк, прежний должник и новый должник заключили соглашение о переводе долга. Суды отказали в удовлетворении заявления о включении в реестр, ссылаясь на аффилированность должников (у них был один директор) и безвозмездность перевода долга. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не согласилась с этим. Отмечено, что «экономический смысл сделки заключался

¹ Так, при рассмотрении одного из дел было отмечено, что, если по формальным моментам поставка состоялась, то изучение документов показывает, что кредитор не производил товары, которые якобы поставил, и не мог их приобрести у другого лица. По делу известно, что товары приобретались и компанией, которая не имела оборотов по счету (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от Верховный Суд РФ от 23 августа 2018 №305-ЭС18-3533 по делу №А40-247956/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25 февраля 2019 г. №308-ЭС17-1634 (5) // СПС «КонсультантПлюс».

в принятии новым должником на себя обязательств первоначального должника в обмен на дебиторскую задолженность, а также получение от банка еще не выданных первоначальному должнику в рамках кредитной линии траншей», кредитор уже приступил к исполнению, он не знал и не мог знать о безвозмездном характере сделки, «возложение на кредитора риска признания перевода долга недействительным по данному основанию подрывает его разумные ожидания и дестабилизирует оборот в целом»¹

Иногда действия должника скоординированы не с аффилированными, а с иными лицами для увеличения голосов на собраниях кредиторов и, в конечном счете, распределения имущества в пользу «дружественных» лиц².

В последнее время все чаще встречается категория «подконтрольная» задолженность, как признак фиктивности долга, и позволяющая суду применять повышенный стандарт доказывания. При этом в сложившейся судебной практике³ общность экономических интересов должника и кредитора (кредиторов) может доказываться как путем установления их аффилированности, так и путем выявления факта заинтересованности взаимных действий при отсутствии корпоративной связи или вхождения в одну группу компаний (своего рода «фактическая аффилированность»). В основе этого подхода лежит отраженный в Федеральном законе «О защите конкуренции»⁴ взгляд на экономическое пространство как сферу, которая находится под влиянием различных факторов (как формализованных, так и неформализованных). То есть, в таких случаях нет признаков зависимости (аффилированности) между соответствующими субъектами, но они имеют

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 25 мая 2020 г. №306-ЭС19-28454 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например, варианты и механизм формирования такой задолженности: Филиппов А.С. Банкротство ликвидируемого должника: как это работает // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 6. С. 40–65. Так, часть платежей или иного встречного исполнения со стороны должника просто не показывается, работы или услуги, выполненные должником, объявляются выполненными «дружественным» кредитором.

³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. №306-ЭС-20056(6) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.

возможность заключать между собой соглашения на условиях, недоступных другим участникам оборота.

Этот подход в последнее время в литературе оценивается положительно¹. Судебная коллегия по экономическим спорам уже несколько раз отмечала, что может иметь место «фактическая аффилированность», основанная «на общности экономических интересов»². Полагаем, данный критерий требует проверки и уточнения, хотя он мало отличается от признака аффилированности³.

Получение «безосновательного контроля над ходом дела о несостоятельности» обычно связывается с «корпоративным характером» возникшей задолженности⁴, такая задолженность нередко сопровождается принятием новых, экономически необоснованных, обязанностей (например, кредитных, обеспечительных и пр.). Но и здесь аффилированность — лишь дополнительное квалифицирующее обстоятельство.

Для противодействия включению в реестр требований кредиторов требований, основанных на фиктивной задолженности, исходя из ситуации, на практике используются различные способы. В том числе обжалование в суд решения о включении в реестр требований, основанных на такой задолженности, обжалование судебного акта об установлении такого требования, оспаривание самой сделки, которая породила требование кредитора, использование механизма возражений при включении требования в реестр, обжалование заинтересованным кредитором действий

¹ См.: Карапетов А.Г., Фетисова Е.М., Матвиенко С.В., Сафонова М.В. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за май 2017 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 7. С. 27–70; Ворожевич А. ВС РФ установил стандарт доказывания при оспаривании мнимой сделки общества-банкрота // ЭЖ-Юрист. 2018. № 44. С. 14.

² См., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 15 июня 2016 г. №308-ЭС16-1475 // СПС «КонсультантПлюс».

³ В том числе выяснить отличие от других признаков создания фиктивной задолженности и как он скажется на экономике. Основным упреком по данной группе дел была ссылка на то, что неформально связанные лица могут заключать сделки, недоступные другим кредиторам. Однако такая возможность является результатом доверия вообще (как принципом открытого рынка) и вовсе не обязательно сопровождается действиями, направленными на нарушение закона.

⁴ Если ранее суды обычно включали задолженность участников корпорации в реестр требований, то в последнее время такие дела обычно пересматриваются, см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2018 г. №301-ЭС17-22652 // СПС «КонсультантПлюс».

арбитражного управляющего, которым нарушены его права (п. 3 ст. 17 и п. 3 ст. 60 Закона о банкротстве)¹ и др.

Так, можно обжаловать определение суда о включении в реестр требования, что в последнее время часто связывается с необходимостью применять именно «повышенный» стандарт доказывания². Целесообразность его использования обусловлена тем, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки и лишен возможности представлять доказательства в таком же объеме, как стороны³. Доказывать отсутствие фиктивности задолженности в таких случаях должен сам заявитель требования.

Для противодействия фиктивной задолженности может быть использован и механизм возражений против включения требования другого кредитора в реестр. Арбитражный суд проверяет обоснованность требований и наличие оснований для включения таких требований в реестр требований кредиторов (он должен это сделать даже при отсутствии возражений). Таким образом, в рамках единого процесса может развиваться локальный спор⁴. Суд, рассматривающий возражения, не должен осуществлять пересмотр такого судебного акта, но он, несомненно, вправе оценить ряд обстоятельств, уже установленных другим судом.

Оспаривание сделок, лежащих в основании требований, основанных на фиктивной задолженности, является классическим и, думается, наиболее эффективным способом недопущения включения таких требований в реестр.

Если опираться на имеющиеся составы недействительных сделок в ГК РФ, то более всего для этого подходят составы мнимой или притворной

¹ При этом следует учитывать, что обжаловать действия арбитражного управляющего, основанные на судебном акте, можно лишь в исключительных случаях, см.: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 марта 2014 г. № ВАС-3222/13 // СПС «КонсультантПлюс». В данном случае безосновательно в реестр требований была включена сумма по одной из накладных.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. №306-ЭС16-20056(6) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2017 г. №309-ЭС17-344(2) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Хотя есть ограничения по составу участников (см. п. 14, 15 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 35). Само по себе наличие судебных актов, признавших соответствующее требование, не может быть препятствием для подачи возражений кредиторов (см. также: Мацкевич П.Н. О действии свойства преюдициальности судебного решения при рассмотрении вопросов включения в реестр требований кредиторов в рамках производства по делу о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 198–206).

сделки. Любая такая сделка дает основание признать ее недействительной, а задолженность — несуществующей, требования, вытекающие из нее, не подлежат включению в реестр требований кредиторов¹.

Логика принятия определений судов в таких случаях ясна: в отличие от действительных сделок, стороны при заключении мнимой сделки не преследуют достижения заявленного результата, а при использовании притворных сделок лишь «прикрывают» другие — незаконные. Для признания таких сделок ничтожными действительная цель их совершения вовсе не важна, но для вывода об именно фиктивности задолженности следует установить реальные последствия².

Для прекращения действия сделок, влекущих фиктивную задолженность, используется и признание их как совершенных в результате злоупотребления правом. Возможно, самое типичное и одно из первых таких дел³ было связано с выдачей поручительства должником за покупателя акций мажоритарного акционера должника. Здесь квалифицирующими признаками были признаны: а) нахождение должника длительное время в неудовлетворительном финансовом состоянии, б) попытка мажоритария обойти положение закона о том, что права участника не могут конкурировать с правами обычных кредиторов должника⁴.

Однако надо учитывать, что широкое применение норм о

¹ См. пункты 18, 20 Обзора практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г., а также Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. №303-ЭС18-19565 по делу №А51-23102Э2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Как правило, таким последствием является подача заявления для вхождения в число конкурсных кредиторов должника. При этом могут использоваться как сложные схемы, так и примитивные, например, попытка выдать – по документам – одну операцию за другую, см., например: Постановление Арбитражного Суда Волго-Вятского округа от 21 января 2016 г. №Ф01-5604/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 ноября 2010 г. № 10254/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Не менее значимыми являются два других отмеченных судом аспекта: 1) выдача поручительства никак не связана с текущей деятельностью общества, 2) общество от этого ничего не выигрывало. И на самом деле, если исключить два последних обстоятельства, то два первых аргумента оказываются не так уж и весомы. В результате сформировалась правовая позиция о том, что сделки, имеющие признаки злоупотребления правом, в соответствующей части должны оцениваться судами как не порождающие правовых последствий. Позднее она была подтверждена в известном Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (см.: Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2014. № 5).

злоупотреблении правом вряд ли возможно и не всегда целесообразно¹.

Примыкают к таким случаям и схемы с «транзитными перечислениями», когда должник получает заемные средства, но сразу же направляет их подрядчикам (поставщикам) на оплату реально выполненных работ для заимодавца².

Наконец, кредиторы, а также арбитражный управляющий вправе обжаловать и судебные акты, которыми устанавливаются требования, основанные, по их мнению, на фиктивной задолженности. Суд, рассматривающий дело о банкротстве, не обладает полномочиями пересматривать такие решения по существу (подробнее см. § 1 гл. 3)³. Как отмечают исследователи, «самым быстрым способом создания фиктивной задолженности является получение судебного приказа в сговоре с недобросовестным должником»⁴.

По мнению Д.В. Федотова, существует лишь два способа противодействия включению в реестр такой фиктивной кредиторской задолженности. Во-первых, это обжалование решения, которым она подтверждена, что в принципе значительно сокращает сферу действий и предъявляемых аргументов, но возможно лишь со стадии апелляции (есть и

¹ В том числе потому, что в п. 8 указанного выше Постановления № 16 совокупное применение ст. 10 и ст. 168 ГК РФ ограничено определенными условиями, а использовать право «во зло» может лишь лицо, им обладающее, злоупотребление правом составляет особую форму его реализации (см.: Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 43–44).

² См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. №305-ЭС17-2110 // СПС «КонсультантПлюс».

³ По мнению ряда исследователей, в настоящее время «высшими судами сформирована практика расширения действия принципа «относительности судебных актов при банкротстве», суды стали активнее защищать права кредиторов несостоятельного должника и третьих лиц, в том числе от недействительных требований, подтвержденных судебными актами в рамках фиктивных споров, в которых указанные кредиторы и третьи лица не могли принять участие (см.: Свириденко О.М. Механизм защиты кредиторов от установления необоснованных требований в реестре // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 186–191). Да, такие случаи известны, но проблема вовсе не разрешена, а нормы о внеконкурсном оспаривании в отечественном законодательстве просто отсутствуют.

⁴ Приходько И. Оспаривание требований кредитора, подтвержденных судебным приказом, иными кредиторами должника, впавшего в банкротство, в контексте последних изменений АПК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года N 62 // Хозяйство и право. 2017. № 3. С. 42–67.

другие препятствия и ограничения). Во-вторых, это заявление возражений при включении требований других кредиторов в реестр¹.

Относительно недавно Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ при рассмотрении конкретного дела поясняла, что обжалование судебного акта возможно, если речь идет о тех ситуациях, которые еще не были предметом рассмотрения судом (например, в случаях, когда кредитор не имел возможности участвовать в судебном процессе по объективным причинам). Предполагается, что в результате достигается разумный баланс между обеспечением интересов кредиторов и целями процесса, который не должен затягиваться из-за «искусственно инициированных споров»; кредитор «может обжаловать судебный акт для исключения из конкурсной массы сомнительных требований», но реализация этого права не должна вести к затягиванию процедур². Право на обжалование возникает с момента принятия судом заявления кредитора о включении его требования в реестр требований кредиторов³.

Формирование фиктивной задолженности также часто связывают с третейским разбирательством⁴, но трудно согласиться с такой расстановкой акцентов. Если говорить об обжаловании арбитражных решений⁵, то это, как правило, исключено в силу их особой юрисдикции, однако существуют варианты аннулирования акта, вынесенного третейским судом (например,

¹ См.: Федотов Д.В. К вопросу о способах противодействия включению в реестр требований кредиторов фиктивной задолженности, подтвержденной решением суда // Российский судья. 2019. № 2. С. 7–11. Автор отмечает, мнение о том, что нельзя обжаловать имеющиеся решения, связано преимущественно с толкованием ряда положений закона о банкротстве и арбитражно-процессуального законодательства, «отечественная судебная практика не отвергает в принципе возможность ревизии вступивших в законную силу решений судов при рассмотрении других дел с иными лицами, участвующими в деле».

² См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 июня 2020 г. №305-ЭС17-2261 (8) // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2019 г. №307-ЭС19-6204 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: Макаров И.А. К вопросу о возможности рассмотрения третейским судом спора о взыскании текущей задолженности с банкрота и легализации решения третейского суда // Закон. 2015. № 7. С. 45–55. Отмечается, что «должник весьма часто стремится создать видимость легальности отчуждения имущества. К примеру, должник и сговорившийся с ним кредитор инициируют постановочное судебное или третейское разбирательство, в котором должник признает несуществующий долг (прямо признает иск или де-факто не возражает против его удовлетворения) ...» (Морозов С. Способы противодействия выводу активов должника, находящегося в процедуре банкротства // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 2. С. 24–35).

⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 2.

при обжаловании арбитражного соглашения), а также возможен отказ в выдаче исполнительного акта на решение третейского суда¹.

Особое значение для выявления и противодействия формированию фиктивной задолженности имеет современная практика правоприменения. Речь идет не только о специальных стандартах доказывания, но и о неординарных подходах к выявлению фактов, имеющих правовое значение и их интерпретации. Так, при выяснении фиктивности займа стал использоваться прием «увеличения глубины проверки» с учетом «фактических договорных отношений», связь направления заемных средств и безосновательного роста долговых обязательства должника². Однако методика, исходящая из того, что кредитор должен раскрыть обстоятельства сделки, должна опираться на саму возможность это сделать (кредитор может и не обладать требуемыми сведениями).

Другой пример. Верховный Суд РФ признал необходимым возложить на поручителя обязанность доказать, что были «разумные экономические мотивы совершения обеспечительной сделки», поскольку «выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность»³. В результате реальное содействие, осуществленное по совершенно стандартной схеме, было оценено как злоупотребление правом. Однако по делу не ясно, что именно мог и должен был доказать поручитель в сложившихся условиях⁴ для включения требований в реестр.

¹ См. например: Постановление арбитражного суда Московского округа от 20 февраля 2015 по делу №А40-25580/14-25-158; постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 июня 2014 по делу №А79-10321/2013 // СПС «КонсультантПлюс». Чаще всего, на наш взгляд, нейтрализация таких решений осуществляется на стадии выдачи исполнительных листов. См. также: Шпачева Т.В. О некоторых вопросах третейского разбирательства // Арбитражные споры. 2017. № 1. С. 105–118.

² Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. №305-ЭС17-2110 по делу №А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пункт 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 // СПС «КонсультантПлюс». В данном случае имеется в виду ранее указанное Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2018 №301-ЭС17-22652(1) по делу №А43-10686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ По делу известно, что на момент предоставления поручительства признаков несостоятельности не было, средства были предоставлены для завершения строительства социального объекта и стороны планировали переоформить отношения в отношении долевого участия строительства данного объекта.

Практике известны случаи, когда для прикрытия незаконных действий, в том числе для роста задолженности, заключается несколько сделок. В этих случаях доказал свою эффективность способ признания данных действий «единой сделкой», хотя, разумеется, гражданское законодательство не знает такого понятия (т.е. это лишь юридико-технический прием оценки обстоятельств в целях правоприменения). Так, если установлено, что совершено несколько действий, охватываемых единой целью прикрыть отчуждение имущества от первого продавца к последнему покупателю, вся цепочка таких сделок может быть признана притворной сделкой (п. 2 ст. 170 ГК РФ). Здесь суд также должен выяснить фактический контроль над имуществом, а возникающий разрыв во времени в связи с государственной регистрацией прав на имущество не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее притворность сделок¹.

По мнению исследователей, целесообразно более широкое применение субординации к требованиям взаимосвязанных лиц, т.е. не только к договорам займа, но и к другим, в том числе «внутригрупповым»². Идея совершенно прозрачна, но к ней следует относиться взвешенно, осторожно, разграничивая задачи, стоящие перед действиями обычного хозяйствующего субъекта и участником определенного сообщества (корпоративного или социального). В п. 26 постановления Пленума № 35 пояснено, что для доказывания реальности требования необходимо представить не только товарные накладные, но и доказательства наличия возможностей для хранения и (или) дальнейшей реализации товара (персонала, складских помещений, торговых площадей и т.п.), а для подтверждения разумности и

¹ Что, якобы, поможет решить проблему наращивания фиктивной задолженности (см.: Определение Верховного Суда от 31 июля 2017 г. №305-ЭС15-11230 по делу №А40-125977/2013 // СПС «КонсультантПлюс»). В данном случае Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указала, что здесь должен использоваться именно реституционный механизм, а не виндикация.

² См.: Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного (внутригруппового) характера // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 36–54; Он же. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве // Российский судья. 2018. № 3. С. 10–14. Автор называет такие отношения «незримыми, негласными, личными отношениями». Отметим, что уже существует правило о том, что, если имеются признаки фиктивного или преднамеренного банкротства, то материалы судом (или арбитражным управляющим) направляются в правоохранительные органы для применения мер уголовного или административного воздействия.

экономической целесообразности займа надо исследовать «пути использования» полученных средств. Казалось бы, все правильно, но способы, механизм действий, в том числе «пути использования» средств, существенно отличаются исходя из того, в какой среде и между кем они складываются. Так, ожидаемые действия между членами различных сообществ (научно-исследовательских коллективов, семейно-родственных групп, корпораций и пр.) строятся несколько иначе, нежели обычные действия между иными лицами, не имеющими внутренних связей с высоким уровнем доверия, эмпатии, фидуциарности. Например, трудно ожидать, что приятели, конструирующие сложное инновационное изделие, будут всегда как-то юридически оформлять творческое или иное содействие друг другу, вряд ли отец, которого дочь попросила дать денег, потребует расписку. То же обнаруживается в корпорациях, где помимо неформальных отношений существуют и официальные отношения, содержание которых предписывает выполнять ряд обязанностей в отношении корпорации, члены корпорации должны участвовать в ее делах, соблюдать лояльность по отношению к ней (*duty of loyalty*) и должную заботу (*duty of care*) о ее интересах и т.д. Поэтому при оценке «разумности и экономической целесообразности» по делам о несостоятельности стандарт доказывания следует несколько скорректировать в случаях, когда действия совершают участники тех или иных сообществ. В частности, если эти действия сами по себе не направлены на причинение вреда и обусловлены членством в сообществе, то в отношении данных кредиторов не должен действовать «повышенный стандарт» доказывания¹.

Указанные стандарты доказывания есть лишь способы распределения бремени доказательств, позволяющих оценивать явление лишь *prima facie* (т.е. «на первый взгляд»). Еще требуется доказать или наличие, или отсутствие задолженности, а также установить ее природу. Имеющийся арсенал средств допускает выявление признаков фиктивной задолженности

¹ Понимание этого начинает проявляться и в судебной практике. Так, было признано, что заключение сделки между аффилированными лицами само по себе не может служить самостоятельным признаком злоупотребления правом в их поведении (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 июня 2018 г. №305-ЭС16-17018 // СПС «КонсультантПлюс»).

(в значении законодательства о банкротстве), но признаки и есть лишь признаки, что само по себе еще не должно приводить к признанию задолженности несуществующей.

Таким образом, единого подхода для выявления фиктивной задолженности нет. При этом помимо рассмотренных способов противодействия ее формированию, уместно предпринимать и превентивные меры, направленные на недопущение фиктивных долгов в составе реестра требований кредиторов¹. Например, нередко долг создается и наращивается искусственно по согласованию между должником и связанными с ним кредиторами для необоснованного получения выгод от процедур несостоятельности. В результате существенно могут пострадать права и законные интересы независимых кредиторов. Однако если им стала известна информация о ложной неплатежеспособности и согласованном начале процедур несостоятельности, они могут остановить этот процесс, обратившись в арбитражный суд с ходатайством о прекращении производства по делу о банкротстве (п. 6 ст. 63 Закона о банкротстве).

Эффективным может оказаться более тщательный контроль действий арбитражных управляющих². Нейтрализация вредных последствий создания фиктивной задолженности ведется и в рамках пруденциального контроля (prudential banking supervision), банковского контроля за операциями хозяйствующих субъектов, комплаенса как внутренней системы мер по снижению рисков.

Обобщая результаты, отметим:

- под фиктивной задолженностью в целях применения законодательства о несостоятельности следует понимать как фактическое отсутствие

¹ Так, ряд исследователей полагает, что оптимальным вариантом было бы принятие именно заблаговременных мер (см.: Рыкова И.Н., Губанов Р.С. Предпосылки возникновения банкротства в реальном секторе экономики // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 11. С. 95–112).

² В литературе подчеркивается, что основная масса нарушений, совершаемых арбитражными управляющими, заключается в нарушении порядка ведения реестра требований кредиторов, в непроведении или не правильном проведении финансового анализа должника, отказе обжаловать явно завышенные требования к должнику и т.п. (см.: См.: Лотфуллин Р.К. Жалоба на действие (бездействие) арбитражного управляющего как способ защиты прав и законных интересов конкурсных кредиторов // Банковское дело. 2017. № 3. С. 80–93.

имущественного предоставления в счет совершенной сделки, так и формирование долга в целях, противоречащих смыслу и направленности процедур несостоятельности, незаконного получения благ или преимуществ;

- факт организации и формирования фиктивной задолженности в делах о банкротстве должен рассматриваться как особое правонарушение (конкурсный деликт), что требует выяснения состава всех его элементов. Если в части объективной стороны правонарушение заключается в действиях, нарушающих специальные нормы законодательства о банкротстве и права отдельных лиц (кредиторов, должника), то в части, касающейся субъективного отношения правонарушителя, речь должна идти об умысле, проявляющемся не в «психическом отношении», а направленности на извлечение выгоды из совершения конкретных действий. Возникновение задолженности без такого признака (например, если вызвано случайными или извинительными обстоятельствами) в рамках дела о банкротстве должно, по общему правилу, сводиться к исключению задолженности из реестра;

- формирование фиктивной задолженности при банкротстве в изложенном смысле предполагает длительность действий, значительные интеллектуальные и волевые усилия. Поэтому для квалификации какой-либо задолженности как фиктивной требуется установление именно умысла и направленности действий на извлечение выгоды или иных преимуществ из такой задолженности;

- кредитор, в отношении которого не выявлено признаков фиктивной задолженности, не должен доказывать легитимность задолженности, поскольку в противном случае на него будет фактически возложена обязанность доказывания отрицательного факта. Это было бы нарушением общеправового постулата — «отрицательные факты не доказываются» (*nullius nulla sunt praedicata*). Однако он может быть обременен обязанностью представить известную информацию о сделке (ее сторонах, их влиянии, цели, порядке совершения и пр.);

- необходимо включить в Закон о банкротстве норму о том, что всякий судебный акт, определяющий размер задолженности, принятый вне процедур несостоятельности, может быть обжалован кредитором, являющимся участником процедур несостоятельности;

- применительно к членам гражданских сообществ, в том числе корпораций, суды не вправе применять повышенный стандарт доказывания только в силу членства. Возможность его применения должна связываться с установленным фактом причинения вреда. При оценке «разумности и экономической целесообразности» действий члена корпорации суды должны учитывать и наличие у них обязанностей по соблюдению лояльности (*duty of loyalty*) и должной заботы (*duty of care*) о ее интересах.

Глава 3. ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

§ 1. Правовые проблемы установления требований кредиторов, основанных на судебном акте

В соответствии с Законом о банкротстве, с даты введения соответствующей процедуры заявленные требования кредиторов (в части денежных обязательств и уплаты обязательных платежей, исключение касается «текущих платежей») могут быть предъявлены лишь в рамках дела о банкротстве (см., абз. 2 п. 1 ст. 63, абз. 2 п. 1 ст. 81, абз. 1 ст. 94, абз. 7 п. 1 ст. 126). Порядок установления требований кредиторов рассмотрен в предшествующей главе. Он основан на силе судебного акта в рамках дискреционных полномочий суда (ст. 10 Конституции Российской Федерации) и предполагает, что все кредиторы, имеющие требования к должнику, должны заявить их именно в деле о банкротстве (ст. 71, 100 Закона о банкротстве).

Однако на практике спор о долге может быть рассмотрен в отдельном деле, в том числе потому, что решения других судов нередко принимаются до установления факта несостоятельности и начала соответствующих процедур (например, в связи с взысканием с должника вреда за повреждение имущества или убытков за нарушение договора)¹. При оспаривании сделок должника в обособленном процессе не могут быть применены правила об оспаривании по правилам процесса несостоятельности.

В литературе иногда обсуждается вопрос относительно того, как быть в случае, когда требования уже включены в реестр требований, или даже уже

¹ Разумеется, речь идет о тех решениях, которые пока не исполнены. Как известно, определенные функции в части исполнительного производства осуществляет сам арбитражный управляющий, судебный пристав-исполнитель передает ему все необходимые документы по исполнению, а управляющий производит расчеты с кредиторами (см. п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве). Если же исполнительное производство уже возбуждено, то при начале процедур банкротства оно приостанавливается (п. 1 ст. 63 ФЗ о банкротстве). При отсутствии возражений и формальных дефектов судебного акта требования включаются в реестр.

исполнены, порою обсуждается и вопрос о преюдициальном значении судебных решений, вынесенных по обособленному спору о задолженности¹.

При этом нельзя опираться на п. 3 ст. 100 Закона о банкротстве, устанавливающий, что как кредитор, так и арбитражный управляющий могут заявить возражения относительно включенных требований, поскольку в нем речь идет только о возражениях в данном процессе (т.е. в деле о банкротстве). В нашем же случае требуется аннулировать ранее принятый судебный акт, чего добиться обычно весьма трудно, а само процессуальное законодательство весьма сдержанно относится к попыткам оспаривания вступивших в силу судебных актов. Например, ст. 311 АПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень случаев, когда допускается пересмотр судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

В практике весьма мало дел, в которых бы было оспорено и рассмотрено в порядке надзора решение, послужившее основанием для включения требования в реестр требований кредиторов. Одним из первых таких дел был спор, связанный с банкротством «Фаэтон-Аэро»². Этот пример показателен, прежде всего, с точки зрения соотношения времени процедур банкротства и обособленного спора: они могут не совпадать, и уже одно это потенциально может привести к нарушению прав и законных интересов добросовестного кредитора.

Обжалование вступивших в силу судебных актов встречается редко, что объясняется не только процессуальными ограничениями, но и теоретическими воззрениями об определенности состоявшегося судебного решения, стремлением избежать повторного рассмотрения споров с участием

¹ См. об этом: Мацкевич П.Н. О действии свойства преюдициальности судебного решения при рассмотрении вопросов включения в реестр требований кредиторов в рамках производства по делу о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 198–206.

² См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 2751/10 // СПС «КонсультантПлюс». Президиум отменил состоявшиеся по делу судебные акты, отметил, что дело о банкротстве было возбуждено до рассмотрения требований Банка «УРАЛСИБ» по существу и отказал в удовлетворении требований кредитора, чьи требования были основаны на договоре поручительства, прекратившим действие.

должника и кредиторов¹. В целом, данный взгляд объясним и во многом обоснован, поскольку в противном случае судебный акт утратил бы качества определенности и обязательности.

Заметим также, что проверка законности и обоснованности судебных приказов в апелляционном порядке не предусмотрена².

В литературе отмечается, что были и частично остались неточности и ошибки в определении возможностей по пересмотру судебных приказов³.

Вместе с тем, при внимательном анализе соответствующих норм и их толковании все же можно обнаружить определенные правовые основания для оспаривания. Так, в Постановлении № 35 Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ отмечено, что если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены, то по этой причине требование, основанное на таком судебном акте, может быть обжаловано (см. п. 24, 26).

С нашей точки зрения это означает, что никаких содержательных противоречий между различными решениями судов быть не должно. Представляется, что порядок установления требований⁴, предусмотренный Законом о банкротстве, включает в себя представление доказательств не только наличия и размера требований, но и правовую оценку любых требований, на основании которых распределяется конкурсная масса.

¹ Этот тезис отчасти отражен и в абз. 2 п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве – при рассмотрении таких дел (если решение вступило в силу и касается состава требований и их размера) заявления о возражениях возвращаются без рассмотрения. Возможные исключения касаются исполнения судебного решения и его пересмотра.

² О проблемах, вытекающих из этого в делах о банкротстве, см. также: Долгова М.О. Мировое соглашение в делах о банкротстве: процессуально-правовой аспект // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики)/Отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 25. С.122–130.

³ См.: Приходько И. Оспаривание требований кредитора, подтвержденных судебным приказом, иными кредиторами должника, впавшего в банкротство, в контексте последних изменений АПК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года N 62 // Хозяйство и право. 2017 № 3. С. 42–67. В частности, автор указывает, что названный в п. 24 Постановления № 35 способ опровержения кредитором установленного судебным актом факта наличия у должника долга перед иным кредитором, согласно выработанным судебной практикой подходам, является не единственным, а одним из возможных.

⁴ Исследователи процедур несостоятельности неоднократно отмечали, что при установлении требований речь идет о своеобразной проверке правомерности самой подачи заявления, в частности, требование должно быть неисполненным, см., например: Телюкина М.В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства). М.: Дело, 2002. С. 170.

В ряде дел прослеживается именно такое понимание ситуации¹.

Поэтому судебный акт, определивший основание и размер требования лишь одного из кредиторов, в рамках процедур банкротства следует считать доказательством только фактов, имеющих отношение к этому кредитору. На лиц, не участвовавших в деле по иску кредитора к должнику, не распространяется общая презумпция о необходимости доказывать установленные обстоятельства, они имеют право возражать против такого требования². Это положение подчеркивает наличие у процедур несостоятельности (банкротства) особых задач.

По мнению Р.Т. Мифтахутдинова, причины неготовности отечественной процессуальной системы признать возможность обжалования судебных актов лежат в концепции «юридической истины» по делу, сложившейся еще в советский период³. В результате, если по делу не обсуждались и непосредственно в решении не затронуты права кредитора, который не участвовал в деле, то суд не может рассматривать его возражения. Указанный автор, приводя различные аргументы, отмечает, что практика свидетельствует о необходимости признать относительность судебных актов при банкротстве для обеспечения принципа равенства кредиторов. Нет принципиальных возражений против тезиса о том, что по делу может быть установлена лишь одна истина (а не несколько), однако эта идея вовсе не требует вместе с тем отвергать право кредиторов защищать свои права адекватным образом.

Полагаем, ограничивающие нормы права следует толковать с учетом того, что они сформировались в условиях, когда отечественное право не

¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 марта 2016 №Ф05-3486/2016 по делу №А40-89848; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25 июля 2016 №Ф05-11275/2016 по делу №А40-99137/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² Это разумно уже потому, что такое судебное решение может быть исполнено либо утратит правовое значение по другим причинам, см. об этом: Химичев В.А. Осуществление и защита гражданских прав при несостоятельности (банкротстве)». М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 12–13.

³ См. об этой проблеме: подробнее: Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 114–121. Автор приводит ряд примеров и ссылается на некоторые работы, в которых отстаивается идея о том, что пределом законной силы судебного решения является лишь другое судебное решение, принятое в порядке судебного надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам.

знало нынешних процессов банкротства, а имеющиеся в тот период процедуры позволяли обеспечить присутствие всех заинтересованных лиц и предполагали одноактное рассмотрение требований истца. Действующие правила о несостоятельности изменили ситуацию, что потребовало обратить внимание как на существо прав, которыми обладает кредитор, предъявляя требования, так и почему и в каких условиях он возражает против требований других кредиторов.

Следует отметить, что в связи с существом полномочий кредиторов при банкротстве было даже высказано мнение, что здесь проявляются признаки абсолютных прав¹. Проведение параллели с абсолютными правами интересно, но, разумеется, заинтересованный кредитор не находится в «отношениях со всеми» (как это имеет место в случае действия абсолютных прав)². Определенное сходство, но вовсе не равенство, здесь вызвано тем, что права и возможности определенной группы лиц оказываются взаимосвязаны и взаимозависимы. Но ориентиром и корректирующей величиной в одном случае выступает конкурсная масса, в другом — уставный капитал. В результате, если один из кредиторов не может в судебном порядке добиться включения своих требований в реестр или их увеличения, то автоматически пропорционально увеличивается доля возможностей остальных кредиторов, в том числе того, кто выступал истцом по неоспоренному судебному решению. Одним словом, объем прав одних кредиторов рефлекторно и объективно (механически) сказывается на составе, объеме прав других

¹ Так, отмечалось, что в рамках процедур банкротства каждый кредитор реализует свое обязательственное требование, но, тем не менее, его действия (от сделок до заявлений о пропуске срока исковой давности) через конкурсную массу существенным образом влияют на правовое положение всех кредиторов, см., например: Алоян А.Э. Модели абсолютной защиты обязательственных прав // Закон. 2015. № 8. С. 138–146. Автор полагает, что в конкурсном процессе эти правовые возможности кредитора (он их именуется «правопритязание») приобретают черты абсолютного права.

² Если сравнивать с другими типами правоотношений, то рассматриваемая ситуация ближе всего к действию «права участия» в корпоративных отношениях. Примечательно, что «право участия» некоторые исследователи оценивают как именно абсолютное, см.: Зинченко С.А., Галов В. Правовая природа имущественной основы корпоративных коммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов-на-Дону. 2002, № 3. С. 3–25.

кредиторов: уменьшение доли одного увеличивает (можно сказать и так — «вытесняет») долю другого¹.

Это обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу того, что всякий кредитор, участвующий в деле о банкротстве, должен иметь возможность обжаловать ранее принятые судебные акты. Поэтому обосновано мнение о том, что преюдиция судебного акта не является «тотальной и вечной», применительно к банкротству надо учитывать и другие факторы².

Процедуры банкротства часто делятся долго, ситуация, а равно информация, значимая для участников, перспективы разрешения дела меняются. Поэтому в отношениях несостоятельности (банкротства)³ надо учитывать все изменения, представляющие значение для разрешения спора. В разных процессах применяются различные стандарты доказывания; так, повышенный стандарт доказательств не применяется в общеисковом процессе, хотя он как раз более удобен для добросовестного кредитора, позволяет выявить требования, вызывающие сомнения.

Представляется, поскольку в деле о банкротстве перед судом ставятся особые задачи, применение специальных стандартов доказывания, разработанных в судебной практике, должно быть обязательно и при оценке обоснованности и размера требований кредитора, включенного в реестр на основании решения суда по обособленному спору. Возможно, исключить следует лишь те случаи, когда по характеру спора или, исходя из сложившихся условий, нет оснований для применения таких стандартов (например, прошло очень много лет и состав участников совершенно изменился). Если арбитражный суд, применивший такие стандарты, примет

¹ Это обстоятельство уже отмечалось в литературе, см., например: Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: Монография. М., 2014. С. 34–36.

² См.: Мацкевич П.Н. О действии свойства преюдициальности судебного решения при рассмотрении вопросов включения в реестр требований кредиторов в рамках производства по делу о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 198–206; Асосков А.В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц // Вестник ВАС РФ. 2012. № 2. С. 6–35.

³ Банкротство было бы уместно выделять в особый класс юридически значимых обстоятельств — «юридических состояний». В литературе при исследовании такого феномена как «юридический факт» неоднократно отмечалось, что масса правовых явлений «не умещается» в это понятие, см., например: Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты: учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 458–460.

решение, предусматривающее меньший размер требований, чем ранее состоявшееся решение по обособленному делу о задолженности, здесь не следует усматривать противоречия существу и смыслу правосудия, поскольку судебные органы неизбежно опираются на актуальные обстоятельства и факты (в том числе с точки зрения относимости и допустимости, ст. 67, 68 АП РФ).

Следовательно, необходима норма в Законе о банкротстве, которая бы дала возможность не придерживаться отмеченного постулата процессуального права, появившегося, на наш взгляд, без учета процедур банкротства. Вероятно, предлагаемую норму следует включить непосредственно в п. 10 ст. 16.

Отметим, что такая норма не претендует на роль «внеконкурсного оспаривания», известного правовым порядкам ряда европейских стран¹ (краткая оценка этого подхода при оспаривании дана в § 2 гл. 2). Возможно, наоборот, если не стараться следовать уже сложившимся правилам стран, где подобное оспаривание имеется, то само по себе установление права на обжалование всякого судебного акта, затрагивающего права кредитора в деле о банкротстве, отчасти может поглотить «внеконкурсное оспаривание». В случаях, когда кредитор обнаруживает, что существует угроза оказаться с незначительной суммой голосов при определении ряда важных вопросов на собрании кредиторов и (или) лишиться значительной суммы из-за требования другого кредитора, основанного на уже имеющемся судебном акте, он во многом находится в том же положении, что и лицо, использующее «внеконкурсное оспаривание». В частности, ему также приходится действовать в качестве оппонента «противника по оспариванию», как обычной фигуры в таких процессах. Если удастся сформулировать

¹ См., например: Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54. Текст немецкого закона о таком оспаривании (Gesetz über die Anfechtung von Rechtshandlungen eines Schuldners ausserhalb des Insolvenzverfahrens) переведен К.А. Усачевой: http://www.gesetze-im-internet.de/anfg_1999/). Есть и дореволюционные исследования этого способа оспаривания, см., например: Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. СПб., 1894.

достаточно точные, сбалансированные и непротиворечивые процессуальные правила об оспаривании судебных актов под знаком банкротного приоритета, то, возможно, не будет нужды и в особом «внеконкурсном оспаривании». Однако оспаривание судебного акта, в силу начавшегося процесса банкротства, по российскому Закону не может сводиться к противопоставлению только двух указанных лиц: после оспаривания спорное право или объект должны направляться в общую имущественную массу, подлежащую распределению согласно реестру и очередности. Удовлетворение интереса оспаривающего лица в таком случае может заключаться в том, что он имеет приоритет в получении данного объекта (права), если причитающаяся ему сумма недостаточна, то он обязан доплатить недостающее.

Понятие «суд» в контексте обсуждаемых вопросов включает в себя и понятие «третейский суд», что вполне соответствует содержанию и направленности ст. 11 ГК РФ. Третейские суды (арбитраж)¹ не могут рассматривать дела о банкротстве (п. 3 ст. 33 Закона о банкротстве), но они еще до начала процедур о несостоятельности могут уже вынести решение, предусматривающее обязанность должника заплатить. Сами по себе такие решения, как правило, являются окончательными, т.е. при соблюдении всех необходимых правил (при наличии третейской оговорки, арбитрабельности и пр.) не могут быть объектом проверки судами государственной системы.

Однако при выдаче исполнительного листа на решение третейского суда арбитражный суд имеет определенные возможности для контроля². При этом спор о том, где проходит временная граница возможности рассматривать спор третейским судом, разрешен — до открытия в отношении должника именно конкурсного производства, а не процедуры

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 2.

² В частности, арбитражный суд должен проверить, мог ли данный спор быть предметом третейского разбирательства и не нарушает ли решение третейского суда основополагающие принципы российского права, если эти положения нарушены, то исполнительный лист не выдается. По мнению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ, эти возможности еще шире: суд также должен проверить, не нарушен ли «общественный порядок» (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 апреля 2018 г. по делу №305-ЭС16-19572 // СПС «КонсультантПлюс»).

наблюдения¹. Кредитор вправе обжаловать судебный акт о принудительном исполнении решения третейского суда с момента принятия требования к рассмотрению, а не с момента включения требования в реестр; лица, обжалующие такие решения, считаются не участвующими в деле, но имеющими определенные процессуальные полномочия (ст. 12 АПК РФ)².

Важно, что общее право на оспаривание решений судов касается лишь решений государственных судов, но не решений третейских судов³; решения последних относятся к окончательным (не подлежащим обжалованию). Из этого следует, что основные возможности для аннулирования силы решений третейских судов связаны лишь с двумя рода возможностями: а) возможностью доказать сам факт неправомерности рассмотрения спора данным третейским судом и б) возможностью представить аргументы, свидетельствующие о нарушении третейским судом основных принципов российского права. В числе обстоятельств первого рода часто называется отсутствие компетенции третейского суда на рассмотрение споров, имеющих «публично-правовую природу»⁴. Однако единого перечня таких споров нет, граница между так называемыми «частноправовыми» и «публично-правовыми» отношениями под влиянием научного осмысления и практики непрерывно меняется, да и не может быть связана с видом имущества⁵.

¹ Возможно, ключевым здесь до сих пор является постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. №8141/12 // СПС «КонсультантПлюс». Чаще всего причиной отказа в выдаче исполнительного листа, на наш взгляд, является аффилированность истца и третейского суда или одного из судей данного суда.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27 февраля 2019 г. №305-ЭС18-19058 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. об этом: Саркисян А.В. Сам себе кредитор, или к проблеме манипуляций дружественными кредиторами в банкротстве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.04.2017 №305-ЭС16-19572 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 25–30.

⁴ Именно по этому основанию Высший Арбитражный Суд отменил состоявшиеся решения судов и направил дело на рассмотрение Президиума, см.: Определение ВАС РФ от 13.04.2010 №ВАС-2070/10 по делу №А58-7656/09 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ В данном случае «публично-правовыми» были признаны отношения по поводу вещных прав и государственной регистрации прав на имущество. По мнению С.А. Кузнецова, Определение Высшего Арбитражного Суда не соответствовало АПК РФ и законодательству о третейских судах РФ (См.: Кузнецов С.А. Оспаривание окончательного решения третейского суда об утверждении мирового соглашения. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 29 июня 2010 г. №2070/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 4. С. 84–93). Несколько позднее Конституционный Суд РФ в постановлении от 26 мая 2011 г. №10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на

Решение о взыскании денежной суммы с несостоятельного должника может принять и иностранный суд. Вопрос о возможности его обжалования, и тем более исполнения, весьма сложен, как и все отношения с «иностранным элементом». Если не учитывать отдельные обстоятельства, наличие и содержание договоров Российской Федерации с конкретным государством, то в целом отечественное законодательство признает иностранные судебные решения и должно обеспечивать приведение их в исполнение (см. ч. 1 ст. 241 АПК РФ). В Законе о банкротстве также отмечается, что такие решения, в том числе по делам о банкротстве, признаются в Российской Федерации «на началах взаимности».

В большинстве стран применяется подход, позволяющий применить единый правопорядок для рассмотрения дел о банкротстве (формула *lex fori concursus*), при этом применяется право страны, первой открывшей дело о конкурсном производстве¹.

Тем не менее, существует точка зрения, согласно которой установлен приоритет «консолидированного» рассмотрения дел о банкротстве, он не позволяет признавать решения, внесенные за его пределами². Разумеется, в основе массы коллизий и нестыковок в данной сфере преимущественно различия национальных правопорядков, плохо устранимых из-за отсутствия достаточного числа коллизионных привязок и международных соглашений. Указанный выше подход, предполагающий изначально отвергать требования (оставлять заявление без рассмотрения), не рассмотренные в деле о банкротстве, видится сугубо нормативистским, базирующимся исключительно на процессуальной оценке.

недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» пояснил, что публично-правовой характер спора не может вытекать из вида имущества, а третейские суды вправе разрешать споры о принадлежности объектов, в отношении которых осуществляется государственная регистрация имущества.

¹ По мнению специалистов, в российской практике преобладает мнение о необходимости в таких случаях применять личный закон должника, см.: Рягузов А.А. Международные банкротства в практике российских судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 9. С.38–53. Это, по сути, означает, что при банкротстве российской компании дело будет рассматриваться по правилам РФ.

² См.: Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // *Lex russica*. 2014. № 6. С. 683–703.

В литературе приводятся различные аргументы, позволяющие преодолеть эти сомнительные по своей экономической и юридической необходимости ограничения¹.

Поэтому, представляется, при всех оговорках и сложностях есть основания считать, что действует общая (и вполне определенная) линия решения данной проблемы, ранее намеченная в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ № 96².

Краткие итоги:

- в основании обсуждения вопроса о том, могут ли признаваться установленными те требования, которые основаны на рассмотрении споров в индивидуальном порядке, лежит недостаточная сбалансированность ряда процессуальных норм и неверное толкование действия преюдициальности судебных актов. Этому подходу должен быть противопоставлен взгляд, признающий, что в силу «банкротного приоритета» порядок установления требований, предусмотренный Законом о банкротстве, включает в себя и проверку требований, основанных на решении по обособленному спору;

- в основании причин, требующих специальной проверки всех требований в одном процессе, лежит связь и взаимозависимость прав всех кредиторов: их объем объективно зависит друг от друга, изменяясь в отношении одной и той же величины (конкурсной массы), увеличение доли одного вызывает автоматическое уменьшение доли другого кредитора;

- судебный акт, определивший основание и размер требования лишь одного из кредиторов, в рамках процедур банкротства, следует считать

¹ См., например: Шукин А.И. О легализации иностранного судебного решения, принятого против российского юридического лица, в отношении которого инициировано дело о банкротстве // Закон. 2016. № 8. С. 142–153.

² Она может быть обозначена следующим образом: а) заявление о признании и исполнении судебного решения иностранного суда признается как своеобразное заявление о включении требований в реестр, б) само решение иностранного суда должно быть оценено с точки зрения противоречий основам российского правопорядка, в) будучи включенным в процесс о несостоятельности, такое заявление в нем и рассматривается, г) это не исключает включения в реестр требований и требований, основанных на легализованных решениях иностранных судов, которые не были оспорены, д) включение указанных требований в реестр может быть оспорено (см. п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2005 г. № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов»).

доказательством только фактов, имеющих отношение к этому кредитору. На лиц, не участвовавших в деле по иску кредитора к должнику, не распространяется общая презумпция о необходимости доказывать установленные обстоятельства, они имеют право возражать против такого требования;

- подход, ограничивающий обжалование судебных актов, сформировался в условиях, когда отечественное право не знало нынешних процессов банкротства, а имеющиеся в тот период процедуры позволяли обеспечить присутствие всех заинтересованных лиц и предполагали одноактное рассмотрение требований истца. Поскольку ранее принятый судебный акт способен вызвать нарушения прав и законных интересов в рамках процессуальных правил и постулатов, должен сформироваться концепт относительности судебных актов при банкротстве;

- необходимость оценки обоснованности и размера требований всех кредиторов в одном процессе должны мотивироваться также задачей обеспечения процессуального равенства: возможностью применения ко всем заявленным требованиям разработанных судебной практикой специальных стандартов доказывания по данной категории дел, если только по характеру спора, и исходя из сложившихся условий, не отсутствуют основания для их применения.

§ 2. Установление требований учредителей (участников) должника и иных аффилированных кредиторов

В данном параграфе предстоит оценить особенности установления требований кредиторов в условиях, когда у них или взаимосвязанных лиц имеются возможности влиять на поведение должника. Обычно в этих случаях используется понятия «заинтересованные лица», но в ст. 19 Закона о банкротстве отсутствует раскрытие его смысла, нет и полного перечня, но

названы некоторые категории лиц, относящиеся к «заинтересованным». Аффилированные лица в тексте данной статьи рассматриваются как разновидность заинтересованных лиц.

Наиболее полное описание взаимосвязей субъектов, нуждающихся в учете и контроле, в том числе при «согласованных действиях», «вертикальных соглашениях», «координации экономической деятельности» и др., дает законодательство о защите конкуренции¹. Закон о банкротстве избрал иной подход, требующий установить именно «заинтересованность» того или иного лица по отношению к должнику. При этом заинтересованными предполагаются лишь отдельные лица (п. 2 ст. 19); но суд не обязан, а «вправе» признать этих лиц заинтересованными.

Ряд вопросов, касающихся практики рассмотрения таких дел, освещен в указанном ранее Обзоре практики от 29 января 2020 г. Данный акт основан на уже известных делах, рассмотренных, в основном, Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ, не содержит новых обобщений и не раскрывает ряд важных понятий (в том числе и кто именно является «заинтересованным» и «аффилированным» лицом по смыслу Закона о банкротстве и с учетом современной практики). Определенная новизна имеется в применяемой терминологии, например, названы «компенсационное финансирование» (п. 4), «имущественный кризис» (п. 6), «перераспределение риска» (п. 9) и т.д. В целом их смысл понятен, хотя, конечно же, уместны были бы пояснения².

Полагаем, смысл «заинтересованности», в значении Закона о банкротстве, заключается в наличии таких связей и зависимостей, которые способны влиять на принимаемые должником решения. В результате возникает неопределенность причин, мотивов и результатов по сравнению с

¹ Федеральный закон от 26 июня 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.

² Из текста следует, что под «компенсационным финансированием» понимается предоставление участнику группы компаний денежных средств или иной имущественной выгоды с условием возврата, под «перераспределением риска» понимается совершение действий, ведущих к возложению на зависимую, в том числе дочернюю компанию, риска потерь, а под «имущественным кризисом» понимается недостаточность собственных средств в предбанкротной ситуации.

обычными (стандартными) действиями, в том числе могут возникать негласные договоренности, направленные на незаконное извлечение выгоды из ситуации несостоятельности за счет других лиц. Выявление таких договоренностей и учет объективных обстоятельств, сопровождающих хозяйственную деятельность аффилированных лиц, составляет основную задачу суда по данной категории дел.

К числу лиц, состоящих с должником в отношениях зависимости, строго говоря, надо было бы отнести и руководителей, и иных лиц, входящих в состав органов управления, иных контролирующих лиц, но в настоящее время определенная регламентация такой связи осуществляется нормами гл. III. 2. Закона о банкротстве (субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц).

Все виды зависимостей, значимых для отношений несостоятельности, условно можно разделить на «служебные», «организационные» и «личные». Для первых характерно наличие официального статуса, требующего осуществления определенной функции, примером такой зависимости может быть занятие должности в составе наблюдательного совета общества¹. Ко вторым следует относить связи, вызванные наличием структурных образований. Примером «организационной» зависимости является вхождение в группу лиц (абз. 2 п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве). К числу «личных» зависимостей относятся, в частности, отношения родства и свойства². С нашей точки зрения, ими являются и не указанные в данном законе отношения дружбы, соседства, фактического брака, социально-партийной принадлежности и другие, характеризующиеся устойчивостью и

¹ Правда, и здесь надо уточнить, в чем заключаются функции, не увлекаясь наименованием должности. По смыслу п. 2 ст. 19 Закона о банкротстве, это лица, имеющие возможность «определять действия». Уместно отметить, что, например, в законодательстве Англии «директором» признается любое лицо, осуществляющее функции директора (лица, принимающего решения) вне зависимости от того, как его должность называется, см. об этом: Мамагеишвили В.З. Ответственность директоров по праву Великобритании и Австрии // Право и бизнес. Приложение к журналу Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 27–37.

² См.: Османова Д.О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 3. С. 57–60.

возможностью существенного влияния на поведение взаимосвязанных лиц¹. В таких сообществах возникают особые ценности и приоритеты, свои методы экономического взаимодействия. Тот факт, что законодательство о несостоятельности называет не все формы «заинтересованности», не всегда критично, поскольку, как уже отмечалось, применительно к отдельным ситуациям (например, возникающим при оспаривании сделок) используются и другие приемы выявления зависимостей. Отдельные зависимости законодатель учитывает в других правовых институтах. Так, правила о субсидиарной ответственности (глава III. 2) предусматривают установление «контролирующего лица», «фактически контролирующего лица».

Сама по себе аффилированность не запрещена, не противоправна, важно лишь, чтобы она не проявлялась, не использовалась для нарушения законодательства и во вред кредиторам. Поскольку наличие аффилированности при несостоятельности установлено, то такие случаи должны находиться под особым вниманием суда, в том числе путем применения особых стандартов доказывания. Как правило, на аффилированное лицо возлагается обязанность доказать, что отрицательное влияние аффилированности в данном случае не проявилось, представить некоторые дополнительные сведения. При недоказанности этого на него могут быть возложены определенные отрицательные последствия (от признания сделки недействительной и до субординации требований), однако универсальных правил о таких последствиях не установлено.

Решение вопроса о том, следует ли в связи с аффилированностью должника с другим участником сделки применить определенные последствия, в том числе не допустить включения требований в реестр, во многом зависит от используемых договоров и иных правовых конструкций. Так, формально применение правил гл. 24 ГК РФ (перемена лиц в обязательствах) в отношениях кредитора и должника не запрещено, но в целом ряде случаев судебная практика стремится не допустить уступки

¹ Этому мнению не препятствует то, что арбитражные суды, как правило, не выясняют названные факты.

требований (обычно со ссылкой на попытку получить кредиторский контроль над процедурами¹).

То же касается различных легальных механизмов, усиливающих позицию кредитора, но требующих особой проверки в условиях несостоятельности. Например, при применении нормы ст. 313 ГК РФ (исполнение обязательства третьим лицом) Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ было отмечено, что уплата третьим лицом только основного долга, а не финансовых санкций (определяющий объем), позволяет рассматривать такие действия как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ)². Разумеется, остаются самые различные вопросы (например, была ли занята такая позиция, если бы соотношение основного долга и финансовых санкций было иным).

Особое направление, хотя и недостаточно исследованное, образует проблематика участия в холдингах, группах компаний, иных объединениях без образования самостоятельного юридического лица. Законодатель признал «заинтересованными» лишь членов группы компаний, хотя заинтересованными может быть и дочернее или материнское общество, а равно и лица, контролирующие их в целом (но формально не входящие в группу компаний)³.

Исследователи обратили внимание на эту проблему, но пока нет ее законодательного решения⁴. В Обзоре судебной практики от 29 января

¹ См., например: Морозов С.А. Ограничения на перемену лиц в обязательстве, должник по которому находится в процедуре банкротства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 2. С. 46–55.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 июня 2016 №302-ЭС16-2049 по делу №А33-20480/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Надо отметить, что в числе рекомендаций Комиссии ООН по праву международной торговли были предложения оценивать несостоятельность с учетом вхождения в группу компаний, в том числе «суммарную несостоятельность» группы (см. Руководство ЮНСИНТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о банкротстве. Часть III: режим предпринимательских групп при несостоятельности. Нью-Йорк: ООН, 2012. С. 21–24).

⁴ По мнению Е.Д. Суворова, в таких случаях можно выделить две модели правового регулирования (условно – «немецкую» и «английскую»), различающихся тем, что при использовании первой в расчет принимается, прежде всего, сам факт вхождения в группу компаний, во второй акцент переносится на исследование аспектов субъективной оценки такого участия, см.: Суворов Е.А. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от субъективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 4. С. 130–161; № 5. С. 53–107. См. также: Карелина С.А. Проблемы правовой квалификации группы компаний в российском законодательстве (на примере налогового законодательства) // Хозяйство и право. 2020. № 1. С. 22–41.

2020 г. приведены лишь случаи, когда должник и кредитор, несомненно, являются членами одной группы.

Типичной является и ситуация при поручительстве с участием членов группы компаний. Так, при рассмотрении заявления банка (кредитора) о включении в реестр требований одновременно рассматривался иск конкурсного управляющего о признании недействительным договора поручительства, обеспечивавшего возврат кредита. По мнению конкурсного управляющего, договор поручительства направлен на причинение вреда кредиторам, размер активов поручителя превышал более чем на 100 процентов сумму активов, у поручителя были и другие кредиторы, обязательства перед которыми так и не исполнены. Арбитражный суд удовлетворил оба заявления, апелляционная и кассационная инстанции оставили решение в силе. Суды исходили из того, что оспариваемая сделка «являлась экономически необоснованной, и в результате ее заключения не было получено какой-либо имущественной выгоды», не было предусмотрено компенсации материальных издержек поручителя, действуя разумно и осмотрительно, банк должен был проверить финансовую состоятельность всей группы компаний, в том числе поручителя. Поскольку снижалась платежеспособность различных участников группы, то пропорционально уменьшалась и возможность удовлетворения требований кредиторов. Однако, по мнению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ¹, суды не учли, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, само по себе поручительство другого участника группы с точки зрения нормального гражданского оборота «является стандартной практикой» и не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности поведения кредитора даже при превышении финансовых возможностей кредитора; при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 15 февраля 2019 г. №305-ЭС18-17611 // СПС «КонсультантПлюс».

совокупности имущественная база данной группы прирастает. Во-вторых, для вывода о сомнительности сделки необходимо привести веские аргументы, говорящие о «значительном отклонении» поведения заимодавца от стандартов разумного и добросовестного поведения (например, был неправомерный вывод активов или поручительство выступало инструментом реализации договоренностей о причинении вреда кредиторам). Но такие доказательства в материалах дела отсутствуют. Можно даже усилить аргументацию: фактически, кредитование участника группы, в том числе с учетом складывающейся судебной практики, повышает уровень обеспеченности возврата кредита.

Одним из признаков аффилированности может быть задолженность, существующая между сторонами длительное время без попыток взыскания ее или какого-то иного оформления. При рассмотрении одного из дел суд отметил, что кредитные отношения между кредитором и должником являются отношениями между аффилированными лицами (кредитор выдал заем и до банкротства несколько лет не пытался его вернуть). Суды апелляционной и кассационной инстанции отказались признать такое решение правомерным, поскольку сама по себе связанность не свидетельствует об отсутствии реальных отношений по займу. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам не согласилась с такой оценкой, отметив, что это выходит за пределы принятых стандартов поведения (сумма задолженности оставляла более 20 млн. руб.), а не является «простой ошибкой или обычной неосмотрительностью»¹. И — весьма важно — «данные связанные организации, контролируемые из одного центра, в обычном обороте не имели разумных причин взыскивать долги друг с друга...». Последний аргумент подтверждает периодически высказываемую

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 февраля 2019 г. №305-ЭС18-1894 // СПС «КонсультантПлюс». Суды вообще отрицательно относятся к «внутригрупповым» задолженностям, так, если будет установлена длительная задержка взыскания долгов, в расчете, что это можно урегулировать в рамках группы компаний, то суды ориентированы на отказ во включении требований в реестр, см., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 февраля 2019 г. №305-ЭС18-18943 // СПС «КонсультантПлюс». Поскольку это явно не «наказание за беспечность», возникает немало вопросов, в том числе о справедливости такого подхода, т.к. не включив в реестр требования членов группы, фактически дается возможность получить эти деньги другим кредиторам.

мысль, что для признания взаимоотношений действительно «связанными», «аффилированными», необходимо установить единство волевого процесса, приведшего к принятию определенного решения. Действительно, такие долги, иногда именуемые «внутригрупповыми», возникают и могут существовать длительное время только потому, что урегулирование их производится за пределами заемных отношений.

Суды редко признают дочернее общество банкротом в силу действий основного общества, что вполне объяснимо трудностью установления причинно-следственной связи между действиями основного общества и несостоятельностью дочернего¹. Если не брать в расчет экстраординарные случаи, материнская компания в редких случаях стремится уничтожить собственное «порождение» и объект вложений.

Вероятно, перспективы исследований здесь следует связывать с использованием научного аппарата и специальных технологий, накопленных в сфере антимонопольного регулирования, где приходится решать сходные проблемы².

Влияние корпоративных отношений на отношения, складывающиеся при несостоятельности, многообразно и затрагивает как факт участия в соответствующих процессах, так и вопросы движения дела, порядка его рассмотрения, завершения, хорошо известно, что основную массу участников процедур несостоятельности юридических лиц составляют именно корпорации. В различных процедурах банкротства предусмотрены определенные ограничения по реализации корпоративных прав, например, в силу ст. 94 Закона о банкротстве с даты введения внешнего управления прекращаются полномочия единоличного органа управления корпорацией. Тем не менее, сами корпоративные отношения не исчезают, и участники

¹ См., например: Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных отношениях (на примере хозяйственных обществ) // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2015 № 2. С. 2–26.

² Так, в данной сфере исследования имеют некоторое сходство, поскольку они также направлены на разумное, сбалансированное публично-правовое воздействие при сохранении активной экономической деятельности хозяйствующих субъектов, см., например: Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве/Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015.

корпорации могут самым решительным образом повлиять на ход конкурсного процесса. Так, они в любое время до окончания конкурсного производства вправе удовлетворить все требования кредиторов в соответствии с реестром требований или предоставить должнику денежные средства, достаточные для удовлетворения всех требований кредиторов (ст. 113, 125 Закона о банкротстве)¹.

Поскольку часто проблемы аффилированности и зависимости при банкротстве связаны с существом корпоративных отношений, отметим их основные особенности. Наличие корпоративных отношений в составе отношений, регулируемых ГК РФ, предусмотрено ст. 2 ГК РФ², но нельзя считать, что все вопросы разрешены³. У них особые основания возникновения и динамики (преобразования, изменения, прекращения) и содержание. Примерный (точнее — ориентирующий для целей применения в арбитражном процессе) перечень корпоративных отношений установлен в главе 28.1. АПК РФ. Данные отношения возникают и реализуются в особом порядке, в том числе потому, что в корпорациях есть отличия особенности порядка принятия решений, ряд сделок (экстраординарные сделки) имеет особый правовой режим и т.д.

Центральным и систематизирующим элементом корпоративных отношений является «право участия» (членства). Оно включает в себя ряд

¹ О влиянии других процедур на корпоративные отношения см. также: Сидорова В.Н. Особенности регулирования корпоративных отношений в процедурах института несостоятельности (банкротства) // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2017 года, г. Москва) / под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2017. С. 37–45.

² Целесообразность выделения корпоративных отношений, их определение как именно членских, складывающихся по поводу права участия в такой организации, отстаивалось и в Концепции развития гражданского законодательства (см.: Концепция развития гражданского законодательства. М.: Статут, 2009). Однако путь к нормативному закреплению данных отношений и признанию их был не прост, см., например: Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С. 4–21; Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 157–172; Виллемс Й.Х. Экспертное заключение по проекту главы четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 255–268.

³ Об основных сложностях и вероятных переменах см., например: Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО [электронное издание] / Отв. ред. А.А. Кузнецов. М.: М-Логос, 2020.

отдельных полномочий, в том числе право участвовать в распределении прибыли, в управлении, получать информацию о деятельности общества и т.д. (см. ст. 65.2. ГК РФ). Нормативного определения права участия закон не содержит, но, по смыслу ряда норм и согласно доктринальным воззрениям, под ним следует понимать комплексное субъективное право, возникающее в силу вступления в корпорацию и прекращающееся в силу или выхода из нее (исключения), или ликвидации корпорации. Отдельные правомочия в составе права участия реализуются при возникновении соответствующих юридических фактов; так, право на получение распределяемой прибыли реализуется лишь в случае, если уполномоченный орган принял об этом решение и т.д.).

Корпоративные отношения принято дифференцировать. Например, в силу нормы ст. 2 ГК РФ уместно выделять отношения по участию в корпорации и отношения по управлению ею. Можно также выделить отношения по созданию корпорации и отношения после создания¹; логично и вычленение отношений по поводу реализации отдельных полномочий и т.д. Однако в любом случае корпоративные отношения существуют лишь в силу права участия. Это касается не только отношений между участниками и самой корпорацией (например, по поводу осуществления деятельности корпорации), но и отношений между участниками в связи с участием в корпорации², в том числе в целях реализации возможностей, вытекающих из данного права³.

¹ Но и в таком случае речь идет либо об обладании правом участия, либо о том, как именно его реализовать. Справедливо подчеркивается, что это всегда вопрос о членстве в корпорации (см.: Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52–67).

² Некоторые авторы выделяют главные и дополнительные (производные) корпоративные отношения, при этом главными (основными) корпоративными правоотношениями признаются те, которые «опосредуют участие (членство) в корпорации» (см.: Корпоративное право: Учебник/Под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс»).

³ Все корпоративные отношения, так или иначе, складываются или для приобретения права участия в определенной корпорации (например, при создании корпорации), или в процессе управления ею, либо в связи с реализацией отдельных правомочий, составляющих право участия, после вхождения в корпорацию (см. об этом, например: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008; Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39).

В соответствии с нормой подп. 1 п. 3 ст. 307.1. ГК РФ, если иное не установлено в законе или не вытекает из существа соответствующих отношений, к корпоративным отношениям применяются общие положения об обязательствах. Уже из данной позиции законодателя понятно, что он не отождествляет обязательственные гражданско-правовые и корпоративные отношения, хотя, в том числе в целях минимизации нормативного регулирования, считает возможным применять к корпоративным отношениям основные правила об обязательствах. В этом есть определенная логика, поскольку некоторые корпоративные правоотношения по внешним признакам близки обязательствам (например, право получать часть распределяемой прибыли)¹. Но далеко не всегда структура и содержание корпоративных отношений близки обязательствам (например, это касается отношений по поводу участия в управлении корпорацией).

Корпоративные отношения имеют отличия также в связи с видом корпорации. В хозяйственных обществах особое значение для определения объема права участия имеет уставный капитал², через который определяется доля участия и, тем самым, правовые возможности по влиянию на принятие решений, получения дивидендов и т.д. В результате, при сохранении величины уставного капитала, права всех участников оказываются взаимосвязаны и взаимозависимы, уменьшаются или увеличиваются исходя из того, какой долей уставного капитала (акций, долей участия) обладает соответствующий участник (относительно 100 процентов уставного капитала). Благодаря обладанию этой долей участник (группа участников) не только имеет возможность получать конкретное экономическое благо (в виде части прибыли, возрастания рыночной стоимости доли), но и контролировать

¹ Отдельные исследователи считают, что в праве участия усматриваются признаки, характерные для абсолютных прав, и поэтому сами корпоративные отношения ближе к абсолютным правоотношениям (см., например: Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новеллы статьи 2 ГК РФ // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 48–58).

² О значении уставного капитала, его функциях см., например: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2015. С. 152 и далее.

корпорацию в целом (через органы управления)¹. Тем самым решаются и некоторые стратегические задачи, в том числе позволяющие приобрести (сейчас или в будущем) новые экономические возможности².

Особое внимание к корпоративным отношениям при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротства) связано, прежде всего, с тем, что абз. восьмой ст. 2 Закона о банкротстве требования «учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия», не включает в число требований конкурсных кредиторов. Смысл нормы понятен, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что наименование отношений участников корпорации «обязательствами» ошибочно (корпоративные отношения, если даже они внешне похожи, отличаются от обязательств).

В судебной практике в последнее время замечен подход, позволяющий расширительно толковать значение некоторых действий участников корпорации, усматривая в обычных обязательственных отношениях (заемных, по обеспечению исполнения обязательств и др.) признаки корпоративных отношений. Чаще всего в основе таких судебных решений лежит следующая логика. Предполагается, что участник корпорации, используя свое положение в механизме принятия корпоративных решений, убеждает хозяйственное общество заключить с ним договор займа или заключить соглашение о поручительстве при получении корпорацией кредита. В ряде случаев такая сделка рассматривается заключенной лишь для вида (является мнимой), предполагается, что член корпорации подобным образом намерен лишь создать или увеличить кредиторскую задолженность в расчете получить преимущество в голосах в процедурах банкротства. Такие или сходные намерения у членов корпорации действительно могут иметь

¹ См., например: Беляков В.Г. Корпоративный контроль участников общества с ограниченной возможностью: экономико-правовой подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия Менеджмент. 2014. Вып. 1. С. 57–79.

² В том числе в расчете получить выгоду от будущих сделок или минимизации потерь во взаимосвязанных экономических структурах, возможности участия в новых проектах. Надо сказать, что само по себе понятие «экономические возможности» в корпоративном праве сегодня понимается довольно широко, см. например: Ильин Д.В. Доктрина экономических возможностей как экономически эффективный способ разрешения конфликта с топ-менеджментом // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 163–201.

место. Но всегда ли они на самом деле связаны с попыткой получения указанных преимуществ?

При рассмотрении одного из дел было установлено, что участник общества с ограниченной ответственностью предоставил ему заем, а затем сумма данного займа была оформлена как средства, направленные на увеличение уставного капитала¹. Поскольку сделка об увеличении капитала в дальнейшем была признана недействительной, кредитор обратился с иском о возврате суммы займа. Однако Судебная коллегия обоснованно отказала в удовлетворении требования. Было отмечено, что все решения, необходимые для увеличения капитала, уже состоялись (в том числе и решение общего собрания), и после этого речь может идти лишь об уменьшении уставного капитала.

Этот подход показателен, он напоминает, что вопрос о том, являются ли отношения корпоративными или нет, следует решать исходя из наличия или отсутствия признака членства. Например, для увеличения доли в уставном капитале требуется соответствующее решение органа (совета директоров) о формировании повестки общего собрания участников корпорации и одобрении будущего увеличения уставного капитала (или изменения распределения долей), проведения самого общего собрания и т.п. Если речь идет лишь о предположениях и допущениях, то логика рассуждений остается зыбкой и сохранит порок недостаточной обоснованности. Даже в том случае, если участник имеет не просто намерение увеличить долю участия в результате финансирования корпорации, но и письменно заявил об этом, данный факт сам по себе не может порождать правовых последствий: необходимы соответствующие корпоративные акты. В случаях, когда организационно-правовой формой корпорации является публичное акционерное общество (ст. 97 ГК РФ), возможность быстрого и «камерного» увеличения уставного капитала

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2018 г. №305-ЭС17-17008 // СПС «КонсультантПлюс».

практически исключена (изменение уставного капитала, приобретение и отчуждение акций здесь находится в поле специального регулирования).

По одному из первых дел, в которых была использована указанная логика рассуждений, участник, обладавший 50 процентами долей участия, предоставил обществу льготный заем (по сравнению с обычными рыночными условиями) и как поручитель погасил отдельные обязательства общества. При открытии конкурсного производства он потребовал включить его требования к обществу в реестр требований кредиторов¹. Суды, в том числе суд округа, удовлетворили данное заявление. Однако Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ направила дело на новое рассмотрение, указав на необходимость более тщательно проанализировать «разумные экономические мотивы выбора конструкции займа, привлечения займа от именно аффилированного лица». При этом было высказано мнение, что если другая сторона (как правило, это другие кредиторы) представила доказательства корпоративного характера отношений по займу, то опровергать это должен уже участник корпорации.

Квалификация заемных отношений как фиктивных, а сделки займа как мнимой (п. 2 ст. 170 ГК РФ), уместна в условиях, когда сами заемные отношения не состоялись. В сложившейся доктрине и практике мнимая сделка справедливо считается совершенной с умыслом обеих сторон². Такое понимание ситуации приводит к тому, что обе стороны или хотя бы одна из них считается не рассчитывающей на возникновение эффекта той сделки, которая по изложенной логике является мнимой. Между тем, в приведенном выше примере общество остро нуждалось в финансовых ресурсах, лучшим вариантом при отсутствии рынка дешевых кредитов было бы получение средств именно от дружественного кредитора (каковым и выступил один из

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июня 2017 г. №308-ЭС17-1556 (2) по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-408 Гражданского кодекса Российской Федерации/ Отв. ред. А.Г. Карапетов [электронное издание]. М.: М-Логос, 2018. С. 553, авторы комментария к статье – В.В. Байбак, А.Г. Карапетов.

участников общества), а общество реально воспользовалось ими (т.е. заемные отношения фактически состоялись).

С учетом этих обстоятельств, позиция Судебной коллегии по экономическим спорам выглядит неубедительно¹. В Определении есть весьма примечательное суждение. О правиле в абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве судебный орган указал: «По смыслу названной нормы к подобного рода обязательствам относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено корпоративным законодательством (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы займодавец не участвовал в капитале должника)». Последнее предположение уводит ход рассуждений в плоскость философских построений, оторванных от корпоративной жизни. Более того, с нашей точки зрения, приведенное суждение не соответствует тексту и смыслу Закона.

Анализ позволяет признать, что проявление «корпоративного элемента» при банкротстве требует выделения трех различных ситуаций и, соответственно, различного инструментария для возникающих проблем.

Для первой характерно стремление кредитора увеличить свою долю участия и тем самым изменить имеющиеся корпоративные отношения. Фактически он использует несостоятельность должника для решения поставленной цели.

Во второй ситуации наличие корпоративных отношений проявляется в том, что в силу имеющегося права участия кредитор (или группа кредиторов) обеспечивает вступление корпорации в определенные правоотношения. Здесь всегда имеет место два вида правоотношений: а) ранее возникшие

¹ Представляется, сам этот подход в нашу практику проник как очередное заимствование из зарубежного законодательства, в данном случае – из немецкого, где подобные займы участников хозяйственного общества и вытекающие из них требования рассматриваются в качестве «дополнительных взносов». В результате осуществляется так называемая «переквалификация» (Umqualifizierung), см. об этом: Шайдуллин А.Р. Понижение в очередности (субординация) займов в Германии и Австрии // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 116–158.

корпоративные и б) последующие обычные гражданско-правовые (например, займа, поручительства). Обусловленность вторых первыми (как это и было в приведенном выше примере) заключается в том, что вступление во второй вид отношений было вынужденным. Типичным примером является выдача поручительства или кредита корпорацией под влиянием действий (и голосования) мажоритарного участника. Но это — явно не корпоративные отношения, а было или не было воздействия, рождающего «зависимость» в значении Закона о банкротстве, необходимо доказать¹ (чаще всего это вполне заметно). Но квалифицировать гражданско-правовые отношения, хотя бы и участием членов корпорации, как корпоративные, неправомерно².

В третьей ситуации «корпоративный элемент» является случайным фактором (например, если лишь один из участников является членом корпорации), здесь имеющиеся отклонения имеют другую (не корпоративную) природу, чаще всего — обычный сговор.

Таким образом, корпоративная природа в действительности редко проявляется при нарушениях законодательства о банкротстве. Говорить о «корпоративном характере» можно в тех случаях, когда право участия, как центральный (системообразующий) элемент корпоративных отношений, выступает решающей (определяющей) причиной, по которой участники корпорации заключают соответствующее соглашение.

Поэтому, если в сделке отсутствуют признаки мнимости и притворности, выяснен ее рыночный характер, договор займа должен признаваться действительным³. На то, что само по себе заключение договора с аффилированным лицом не может вызвать необходимость понижения

¹ При этом важно учитывать, что члены корпорации не только имеют права, но и обязанности (п. 4 ст. 65.2. ГК РФ). В доктрине корпоративного права это выражено также в признании необходимости проявлять заботу о делах корпорации (*duty of care*) и лояльность по отношению к ней (*duty of loyalty*).

² Представляется, именно этот аспект имеет в виду И.С. Шиткина, когда обращает внимание на потребности нормативного закрепления и доктринального признания активной позиции членов корпорации к ее делам, состоянию, развитию: см.: Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С.45–65.

³ См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февраля 2017 г. №Ф04-4160/2016 по делу №А45-27751 // СПС «КонсультантПлюс».

очередности требований, обращено внимание и в п. 2 Обзора судебной практики от 29 января 2020 г.

При участии членов корпорации в отношениях поручительства заметны сходные проблемы. Здесь могут быть отдельные нюансы в выявлении взаимного влияния (зависимости), но все, в конечном счете, сводится к роли (значению) права участия; в противном случае, перед нами если и есть зависимость, то не вызванная корпоративными отношениями¹.

Задача выяснения признаков зависимости, как правило, решается путем применения повышенного стандарта доказывания. Если же поручителем выступает корпорация, то важно выяснить, каким количеством голосов обладал заинтересованный участник (акционер) на общем собрании или совете директоров при получении согласия корпорации на это. При незначительной доле участия, отсутствии аффилированных с ним лиц и невозможности участника определять ведение дел в обществе вряд ли есть основания отказывать во включении требований корпорации в реестр. Следовательно, прежде чем делать вывод о том, сказались ли корпоративные отношения в деле о банкротстве, следует выяснить объем права участия, его соотношение с правами участия других участников, определить, как и в чем проявилось данное право и т.д. На практике обычно возникает потребность в проверке ряда дополнительных обстоятельств. Так, если участник является мажоритарным, то при рассмотрении его заявления суд должен более тщательно, по сравнению с общеисковым гражданским процессом, изучить обстоятельства внутрикорпоративной жизни, в том числе сведения, указывающие на то, что кредитор не воспользовался и не воспользуется

¹ Так, участник корпорации продал постороннему лицу акции под поручительство самой корпорации, арбитражный суд признал договор поручительства недействительным (сделки с преимуществом), см.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее - ВАС РФ) от 30 ноября 2010 № 10254/10 // СПС «КонсультантПлюс». По мнению И.М. Шевченко, требования по выплате участнику «ликвидируемого хозяйственного общества за счет имущества данного общества денежных средств при прекращении отношений, связанных с владением этим участником (акционером) долями (акциями), не могут конкурировать с обязательствами должника перед иными кредиторами-участниками гражданского оборота: участники (акционеры) должника вправе претендовать лишь на часть имущества ликвидируемого общества, оставшегося после расчетов с другими кредиторами» (Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного (внутригруппового) характера // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 36–54).

преимуществами своего корпоративного положения. Вопрос о том, какой именно долей должен обладать участник корпорации для распространения на него повышенного стандарта доказывания, должен решаться применительно к конкретной ситуации¹. Однако любую свою позицию по этому вопросу суд должен специально мотивировать.

Понижение требований путем «переквалификации»² отношений в корпоративные отношения возможно в тех относительно редких случаях, когда на самом деле возникают корпоративные отношения или имеются доказанные намерения участников корпорации породить корпоративные отношения либо изменить их (то есть затрагивают само право участия³). На деле же чаще всего обнаруживается специфическое проявление силы и свойств права участия членов корпорации. Если это происходит в силу негласной договоренности незаконно использовать право участия и за счет этого получить преимущества при банкротстве, то нет никакой необходимости в «переквалификации» — сделка должна признаваться недействительной по правилам главы III. 1 Закона о банкротстве. В остальных случаях установление отрицательных имущественных последствий приведет к исключению заемных операций и поручительства во внутрикорпоративных отношениях (что было бы несправедливо и крайне нежелательно в сложившихся условиях российской экономики).

Случаи предоставления средств в рамках корпорации часто связаны не с попыткой субъектов права выдать корпоративные отношения за обычные

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 июня 2018 года №305-ЭС18-413 г. по делу №А40-163846/2016 // СПС «КонсультантПлюс». В данном деле акционер владел лишь 19 процентами акций (т.е. формально не мог быть отнесен к мажоритарным), но суд счел, что к его сделкам также должен применяться «повышенный стандарт доказывания», поскольку положение данного акционера все же «значимо при голосовании».

² Нормативное определение этого слова отсутствует, судебные органы применяют его в самом широком смысле. Поскольку речь идет об определении правового характера сложившихся отношений, то с не меньшим основанием можно говорить и просто о «квалификации». Иногда к подобным ситуациям применяется выражение «обход закона», что допустимо только в случаях, когда имела место попытка обойти правило, запрещающее включать в реестр требования из корпоративных отношений. Оценка этого выражения в значении п. 3 ст. 10 ГК РФ требует установления некоторых дополнительных обстоятельств.

³ Такие случаи судебной практики известны, см., например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 февраля 2018 г. №305-ЭС-17-17208 по делу №А40-10067/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Предоставленные участником денежные (заемные) средства были зачтены как его взнос в уставный капитал, т.е. сумму, определяющую его долю участия – явный признак именно корпоративных отношений.

гражданско-правовые, а с усилиями участников оказать содействие, разрешить затруднения, минимизировать расходы.

Возникло также мнение, увязывающее вопрос о корпоративных займах с достаточной или недостаточной величиной уставного капитала. В литературе отмечается, что, если ранее в центре внимания были вопросы о действительности займа, то ныне Судебная коллегия по экономическим спорам стала применять «аналог юридической фикции, признав платеж существующим, но квалифицировать его как увеличение уставного капитала неординарным, не предусмотренным законодательством способом»¹. Вряд ли развитие этого подхода уместно в отечественной практике: уставный капитал хозяйственных обществ, конечно, может использоваться для обслуживания оборота, но фактически он в нашей стране не выполняет такой функции.

В другом случае как действия, совершенные в обход закона, были квалифицированы действия по предоставлению заемных средств дочерней компании в условиях отсутствия у нее оборотных средств². Состоявшиеся по делу решения судов, удовлетворивших заявление о включении в реестр требований кредиторов, отменены.

Обращение внимания Судебной коллегии на то, как было организовано финансирование, обоснованно, но точно так же можно задаться вопросом о том, почему из фокуса внимания суда выпал аспект выдачи денежных средств другим кредитором без тщательной оценки положения должника или обеспечения со стороны всей группы компаний, включая материнскую?

¹ Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины Recharacterization в российскую правовую систему // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 221–240. Речь идет о проявлении доктрины «недостаточной капитализации» («Deep Rock doctrine», «substance over form»), реализуемой в ряде правопорядков.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 февраля 2018 г. №310-ЭС17994(1,2) по делу №А68-10446/2015 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная коллегия отметила, что следовало или заявить о банкротстве, или взять кредит в банке, или предпринять меры для санации, приложив необходимые усилия для формирования и выполнения экономически обоснованного плана. Указано также, что мажоритарные участники общества должны были понимать, что использование вложений через заемный механизм ведет к тому, что публичный порядок финансирования (вложение – дивиденды – налогообложение) не осуществляется, кризисная ситуация оказывается завуалирована, создается иллюзия благополучного положения дел в обществе. Поэтому в ситуации, когда одобренный мажоритарным участником (акционером) план выхода из кризиса, не раскрытый публично, не удалось реализовать, на таких участников (акционеров) относятся убытки, связанные с санационной деятельностью в отношении контролируемого хозяйственного общества, в пределах капиталозамещающего финансирования. Такие участники несут риск неэффективности избранного плана «непубличного дофинансирования».

Равно настораживает категоричность утверждения о том, что банковский кредит якобы имеет какие-то предпочтения (не учитывая того, что он обходится дороже). Такая избирательность заставляет задуматься, надо ли по намеченной линии проводить различие кредиторов? Ведь в результате корпоративные займодавцы, очередность которых понижается, оказываются несправедливо, на наш взгляд, ущемлены в правах. Заметим, что сам должник не является публичным обществом, использованные в определении выражений «публично», «публичный порядок» означают лишь использование обычных формальных процедур в имущественном обороте. По делу совершенно точно установлено, что заемные средства не выводились из общества, а реально направлялись на погашение задолженности.

Проблема возможности понижения очередности в реестре требований кредиторов, выдавших заем должнику в предбанкротный период, а равно и ряда других лиц (прежде всего, аффилированных) в отечественном законодательстве является дискуссионной, на сегодняшний момент не разрешена¹. Заметим, что суды склонны и в других случаях признавать наличие разнообразных зависимостей между субъектами права в качестве корпоративных отношений².

Рекомендация 92 Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности допускает, что в отношении контрактов в пределах группы компаний законодательство может предусматривать весьма жесткие меры (в том числе их расторжение, признание долга в качестве вклада с соответствующим понижением очередности). Рекомендация 184 допускает, что сумма требований лица, связанного с должником, может быть «сокращена», его требования могут

¹ См.: Мазур А.С. Проблемы субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве заемщиков // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 197–202.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 2 августа 2018 г. №305-ЭС18-1570 // СПС «КонсультантПлюс». В данном случае Судебная коллегия признала, что требования одного из супругов, вытекающие из соглашения об уплате алиментов, могут быть скорректированы (уменьшены) с учетом того, какого рода выплаты направлены на обеспечение разумных потребностей детей, а удовлетворение требований в размере, превышающем разумные потребности, может привести к тому, что права других кредиторов окажутся ущемлены. В части, превышающей такой (разумный) размер, денежные требования другого супруга также являются обоснованными, но подлежат выплате после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди.

быть «субординированы», а права при голосовании — «ограничены»¹. Отечественная судебная практика, судя по всему, развивается, опираясь на эти положения. Однако, и это важно, в названном акте подобные действия рекомендуется применять после внесения законодательных правил, а не в силу просто решения суда, и при тщательном изучении данных прав.

При применении к корпоративным отношениям норм законодательства о банкротстве, а равно и иного законодательства, при оценке существа, характера и направленности корпоративных отношений нельзя ограничиваться анализом только общецивилистических или специально-правовых критериев. Организация и деятельность корпораций, их внутренние взаимосвязи в значительной мере определяются локальными актами, установками корпоративного правотворчества², стандартами и требованиями системы корпоративного поведения³, а в последнее время и корпоративными договорами (ст. 67.1. ГК РФ), без учета содержания которых трудно или даже невозможно понять и оценить действия корпорации и отдельных ее участников.

Распространение формализованного применения различных стандартов доказывания, сложившихся при рассмотрении дел о несостоятельности, к отношениям с корпоративным элементом, порой ведет к малоубедительным решениям⁴.

Стало укореняться мнение, что требования кредиторов, являющихся членами корпорации, должны быть понижены в очереди по сравнению с

¹ См. часть первую и вторую Руководства ЮНСИТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о несостоятельности, приняты 25 июня 2004 г. Комиссией ООН по праву международной торговли // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

³ Включая положения Кодекса корпоративного управления (Кодекс корпоративного поведения одобрен Советом директоров Банка России 21 марта 2014 г., крупные корпорации принимают собственные кодексы или аналогичные акты), Корпорации, действующие на страховом, финансовом, банковском рынке также вырабатывают специальные системы снижения рисков и следуют им (комплаенс-контроль).

⁴ К числу таких дел, думается, надо отнести и решения по привлечению к субсидиарной ответственности банка HSBC. Как известно, Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ поддержала мнение судов, отказавших в утверждении мирового соглашения, см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 августа 2018 г. №308-ЭС17-6757 (2,3) // СПС «КонсультантПлюс».

независимыми кредиторами¹. В литературе предлагается все займы, предоставленные компании участником, отличать от остальных, поскольку «такие займы могут проводиться с заведомо противоправной целью: создать выгодную учредителям кредиторскую задолженность с целью увеличения контроля» при несостоятельности². Однако это лишь весьма неудачное предположение, равно как и утверждение, что все займы берутся с предосудительными, неблагоприятными целями³.

В известном деле о банкротстве⁴ Судебная коллегия Верховного Суда РФ состоявшиеся судебные акты отменила и дело направила на новое рассмотрение: законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым понижается очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) лиц по обязательствам, не являющимся корпоративными. Тот факт, что участник корпорации является также его займодавцем, сам по себе не свидетельствует о «корпоративном характере» требования по возврату суммы займа для целей банкротства. Судебная коллегия потребовала при новом рассмотрении дела тщательно выяснить природу заемных обязательств и оценить возможную взаимосвязь данных обязательства и участия в корпорации, имея в виду, что эти обязательства лишь формально могут иметь гражданско-правовую природу. В том числе требуется оценить поведение участника в предшествующий период, экономические мотивы действий, размер доли участия, возможность влиять на принимаемые решения корпорации. При доказанности такой связи

¹ По мнению С.Л. Будылина, здесь была использована практика Англии (см.: Будылин С. Все ли кредиторы равны? Комментарий Обзора ВС о требованиях аффилированных лиц в банкротстве // Адвокатская газета [электронный ресурс]: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vse-li-kreditory-ravny/> (дата обращения – 02.07.2020). Этот же автор обращает внимание на возможные издержки этого подхода, поскольку субординация требований по таким займам приведет к отказу помогать членам группы, находящимся в предбанкротном состоянии.

² Подшивалов Т.П. Охрана интересов должника в договорном обязательстве при банкротстве и злоупотребление корпоративным контролем // Право и экономика. 2017. № 12. С. 41–45.

³ При этом практика заемных операций между корпорациями и их участниками не просто распространена, но и ожидаема, экономически необходима, если даже не учитывать, что ставки по таким займам обычно минимальны или условны (с номинальной величиной процентов).

⁴ Имеется в виду дело о банкротстве ООО «Нефтегаз-технологии», см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. №308-ЭС17-1567 по делу №А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

следует, ссылаясь на п. 2 ст. 170 ГК РФ или п. 1 ст. 10 ГК РФ, абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве, признавать данное требование корпоративным.

Полагаем, что здесь уместна смена коннотации задачи при проверке. Например, подозрение о попытке наращивания подконтрольной кредиторской задолженности (с противоправной целью последующего увеличения в интересах должника и его аффилированных лиц) количества голосов легко проверяется путем соотнесения сроков и объемов. Увеличение уставного капитала, как известно, требует совершенно иных (не имевших места в данном деле) юридических фактов. Что касается фиктивности займа, то и это легко проверяемо (по материалам дела видно, что средства были направлены на погашение долгов). Возложение же на кредитора обязанности «доказать гражданско-правовую природу отношений» уводит траекторию доказательств в обвинительный уклон.

Вряд ли правильно применять в таких случаях повышенный стандарт доказывания, требуя именно от займодавца доказать факты и обстоятельства того, что это именно гражданско-правовые отношения¹. Что, разумеется, не снимает с него обязанность представить все известные данные (информацию). В судебной практике отмечается, что сам по себе факт связанности не должен рассматриваться как основание для признания заемных отношений корпоративными².

Определенные уточнения сложившегося подхода к доказательствам при займах с «корпоративным элементом» все же начали вырабатываться. Так, были отменены состоявшиеся судебные акты по одному из споров и отмечено, что применение повышенного стандарта доказывания в отношении одного участника и неприменение такого же подхода к другому ставит

¹ При анализе одного из довольно известных дел о банкротстве, обоснованно замечено, что использование данного стандарта доказывания «в некоторых случаях будет означать, что на добросовестного займодавца будет возлагаться почти непреодолимое бремя доказывания того, что он не верблюд» (см.: Арабова Т.Ф., Будылин С.Л. Дело о транзитном должнике, или Верховный Суд о субординации требований // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. №9. С. 3–24.

² См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14 февраля 2019 №305-ЭС-18-17629 // СПС «КонсультантПлюс». Естественно, аффилированный кредитор в таких случаях должен представить дополнительные доказательства, раскрыть информацию о реальных отношениях, в том числе о том, каковы основания внутригруппового перераспределения денежных потоков.

второго участника в неравное положение. Между тем, по смыслу закона и исходя из существа стандартов доказывания, требуется одинаково неформальное отношение к конкурирующим требованиям¹.

Интенсивное развитие и применение методик исследования влияния аффилированных и иных заинтересованных лиц на ситуации, предшествующие несостоятельности и сопровождающие ее, к сожалению, иногда носит «антикорпоративный» характер. Именно поэтому целесообразна указанная ранее дифференциация ситуаций, связанных с «корпоративным элементом», что позволило бы преодолеть слабость отечественной регуляторной политики и создать разумный баланс между задачами законодательства о несостоятельности и реализацией концепции «корпоративного щита».

Необходимо также развитие комплаенса как системы внутренних правил, снижающих риски, запрещающих или ограничивающих отдельные действия участников корпораций. Такие правила могли бы быть сформированы на базе устоявшихся «лучших корпоративных практик» и включены, например, в Кодекс корпоративного управления². Например, уместно было бы в разделе V данного акта предусмотреть разработку и принятие советом директоров общества системы управления рисками и внутреннего контроля, направленную на предотвращение убытков третьим лицам в результате соглашений с участниками, в том числе при банкротстве. Наличие такой системы, а также ее практическое использование, должны учитываться судами при установлении аффилированности и зависимости участников и корпорации, а также при решении вопроса о возможности переквалификации гражданско-правовых отношений в корпоративные.

Подводя итог, можно отметить следующее:

¹ По делу известно, что в хозяйственном обществе было два участника, оба в разное время предоставляли кредит обществу. Но если требование первого участника включено в реестр, то включить требование второго участника суды отказались со ссылкой на аффилированность (см.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 1 ноября 2019 г. №307-ЭС19-10177 (2, 3) по делу №А56-42355/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Кодекс корпоративного управления, одобрен Советом директоров Банка России 21 марта 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

- смысл категории «заинтересованность», в значении Закона о банкротстве, заключается в наличии таких связей и зависимостей, которые способны влиять на принимаемые должником решения, в результате возникает неопределенность причин, мотивов и результатов по сравнению с обычными (стандартными) действиями, в том числе могут возникать негласные договоренности, направленные на незаконное извлечение выгоды из ситуации несостоятельности за счет других лиц;

- все виды зависимостей, значимых при формировании реестра требований кредиторов, условно можно разделить на «служебные», «организационные» и «личные». Для первых характерно наличие официального статуса, требующего осуществления определенной функции, для вторых характерны связи, вызванные наличием организационно-структурных образований (например, при вхождении в группу лиц), третий вид зависимостей связан не только отношениями свойства и родства, но и других устойчивых личных связей (в том числе дружбы, психологических);

- законодатель признал «заинтересованными» лишь членов группы компаний, хотя заинтересованными могут быть и дочернее или материнское общество, а равно и лица, контролирующие их в целом;

- для вывода о незаконности сделок должника с членами группы компаний и холдинговых образований необходимо привести аргументы, обосновывающие значительное отклонение поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного поведения, при их отсутствии сам факт заемных отношений или поручительства не может выступать обстоятельством, указывающим на намерение причинить вред кредиторам;

- определяющим критерием возникновения корпоративных отношений является появление у соответствующего субъекта права участия, а при намерении его увеличения — совершение действий, направленных именно на это. Иное толкование ведет к расширительному и необоснованному толкованию абз. восьмого ст. 2 Закона о банкротстве. Поэтому следует исключить практику «переквалификации» каких-либо отношений (заемных,

поручительства и др.) только в силу их возникновения с участием членов корпорации;

- проявление «корпоративного элемента» при банкротстве требует выделения трех различных ситуаций и, соответственно, различного инструментария для возникающих проблем. Для первой характерно стремление кредитора увеличить свою долю участия и, тем самым, изменить имеющиеся корпоративные отношения. Во второй ситуации наличие корпоративных отношений проявляется в том, что, в силу имеющегося права участия, кредитор (или группа кредиторов) обеспечивает вступление корпорации в определенные гражданско-правовые отношения. В третьей корпоративные отношения служат лишь фоном (случайным фактором), здесь имеющиеся отклонения имеют другую (не корпоративную) природу;

- само по себе участие в корпоративных отношениях не приводит к ничтожности соответствующих сделок и (или) понижению очередности их требований при банкротстве, но вызывает потребность дополнительной проверки ряда обстоятельств. При этом в отношении конкурирующих требований участников должны применяться одинаковые подходы к доказательствам, исключаящим чей-либо приоритет;

- применение повышенного стандарта доказывания ведет к возложению на участника корпорации, вступившего с ней в гражданские правоотношения, обязанности доказать природу этих отношений. Однако данный подход уместен и эффективен лишь в случае, когда участник может или должен обладать подобными сведениями; возлагая на участника такую обязанность, суд должен это специально мотивировать.

§ 3. Требования кредиторов, заявленные после закрытия реестра требований кредиторов

Необходимость стабильности хозяйственной жизни вполне касается и процедур, применяемых при несостоятельности (банкротстве), они и сами —

в целях собственной определенности — должны иметь временные пределы. Ограничено по времени и ведение реестра. Установление определенного периода выполняет и стимулирующую роль в распределении средств должника¹. Как пояснила Судебная коллегия по рассмотрению экономических споров Верховного Суда РФ, «добросовестному и осмотрительному кредитору не должно составлять труда предъявить свои требования в установленный срок»².

Реестр требований кредиторов подлежит закрытию по истечении двух месяцев с даты публикации сведений об открытии конкурсного производства (п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве)³. После этого включение новых требований в реестр не допускается⁴, за исключениями, установленными законом⁵. В числе таких исключений и правила п. 5 ст. 142, предусматривающие возможность включения в реестр требований предшествующих очередей⁶.

Согласно разъяснениям высших судебных органов, указанный срок является пресекательным, восстановлению не подлежит⁷, этому соответствует смысл и направленность указанной нормы закона.

¹ См. об этом: Суворов Е.Б. Суворов Е.Д. Банкротство в практике нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014–2015): акты и комментарии. М.: Статут, 2016. С. 202.

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. №305-ЭС18-8007 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. также: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 декабря 2004 г. № 86 «О правовом положении конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, заявивших свои требования после закрытия реестра требований кредиторов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Данное правило касается и тех случаев, когда сами требования являются обоснованными, см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 30 сентября 2010 г. N Ф10-5376/09 по делу №А23-1114/09Б-8-120 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Здесь, в частности, надо учитывать норму абз. 3 п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, рассматривающую в качестве заявленных в срок требования, заявленные в течение шести месяцев после указанной даты – если судебный акт не был внесен или не вступил в силу на день закрытия реестра.

⁶ В судебной практике эти нормы применяются без особых затруднений. Исключение, видимо, составляют случаи, когда признается, что срок не может считаться пресекательным в отношении лиц, «у которых отсутствовала возможность обратиться с соответствующим ходатайством в течение шести месяцев», и в условиях, когда они не были надлежащим образом извещены о времени и месте судебного заседания, не получили в установленном порядке копии решения либо по другим объективным причинам. Например, такая позиция был занята кассационным судом в отношении гражданина, лишённого доступа к сети Интернет, см.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23 октября 2013 г. N Ф05-12347/06 по делу №А40-4680/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например: п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 № 93 «О некоторых вопросах, связанных с исчислением отдельных сроков по делам о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс». Разъяснено, что лица, обратившиеся с требованиями после закрытия реестра, уже не могут участвовать в собраниях кредиторов, т.е. закрытие реестра влияет и на статус участвующих в деле лиц.

Однако утверждение о том, что закрытие реестра и невозможность восстановления срока для включения в реестр означают также и невозможность появления новых кредиторов¹, правильно лишь в основном. Наконец, Верховный Суд РФ полагает, что могут быть и исключительные случаи, «когда возможность предъявления требований в двухмесячный срок объективно отсутствовала, в связи с чем и не была реализована кредитором: такой кредитор не должен нести негативные последствия (в виде понижения очередности) за несовершение тех действий, совершить которые он был не в состоянии по объективным причинам»².

В соответствии с п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, требования, заявленные после закрытия реестра, удовлетворяются за счет имущества, оставшегося после удовлетворения всех требований, включенных в реестр. Подобные правопритязания также должны пройти проверку суда. Все это еще раз подтверждает, что сами по себе требования, как специфическая номинация субъективных гражданских прав в рамках процедур банкротства, не может быть оторвана от той правовой среды, в которой сформировалась.

Отметим, что суммы средств, направляемых на удовлетворение требований «зарегистрованных» кредиторов, могут быть увеличены в результате реализации норм о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника — п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве.

Возможны также ситуации, когда требования были заявлены своевременно, но затем (после закрытия реестра) были заявлены дополнительные требования, такие требования включаются в третью очередь лишь в пределах своевременно заявленных и установленных сумм³.

Исходя из совокупного смысла и направленности норм п.п. 4–9 ст. 142 Закона о банкротстве, требования кредиторов, удовлетворенные в рамках

¹ Что понимается и правоприменительными органами, см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 30 сентября 2010 г. №ФО-5376/09 по делу №А23-1114/09Б-8-120 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 апреля 2019 №304-ЭС17-1382 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например, Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 2 июля 2010 г. по делу №А55-13405/09 // СПС «КонсультантПлюс».

конкурсного производства, требования, оставшиеся неудовлетворенными в силу недостаточности имущества, а равно требования, не признанные арбитражным судом, требования, относительно которых кредитор вообще не обращался в арбитражный суд, считаются «погашенными» (законодатель использует именно этот термин). В научной литературе это выражение закона обычно толкуется как указание на именно прекращение соответствующего обязательства¹.

Это мнение, как общий подход при оценке положения в рамках процедур банкротства, в целом можно разделить, но вопрос о прекращении обязательств все же требует соотнесения с базовыми правилами прекращения данных правоотношений, так как соответствующие основания прекращения определяются именно ГК РФ (гл. 26). Отметим, его надо отделить от вопроса прекращения прав как элемента содержания обязательств (см. об этом далее). Некоторые из случаев прекращения обязательств при банкротстве можно считать прямо указанными в нормах ГК РФ, например, в силу предоставления отступного (ст. 409), в результате зачета (ст. 410). Однако чему соответствует прекращение обязательств в случаях, когда у должника просто отсутствует имущество? Норма ст. 416 ГК РФ (о прекращении обязательства невозможностью исполнения) вряд ли может быть применена, так как классическое ее толкование требует установления того, что за такое неисполнение «ни одна из сторон обязательства не отвечает»² (между тем, как известно, с должника не снимается ответственность за невозможность платежей). Не подлежит применению и ст. 419, поскольку сами по себе нормы, касающиеся процедур несостоятельности, не регулируют прекращения юридических лиц и последствий этого. Нет такой нормы и в

¹ Так, например, полагает Т.П. Шишмарева, см.: Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. С. 215–216.

² Практика применения Гражданского кодекса РФ части первой / Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-издат, 2008. С. 1071–1072.

Законе о банкротстве¹. Поскольку она явно требуется, имеет место законодательный пробел, в частности из содержания ст. 142 Закона о банкротстве, вывод о прекращении обязательств в силу отсутствия имущества у должника может быть сделан лишь логическим путем. Поэтому в указанной статье целесообразно предусмотреть общую норму об этом, не требующую специальных изысканий и толкований.

Правовые последствия закрытия реестра в основном определены и принципиальных затруднений применение соответствующих норм не вызывает. Это вовсе не означает отсутствие проблем, проявляемых на различном уровне, и требующих как модернизации имеющихся правил, так и концептуальных решений.

Одна из проблем, связана с тем, что отечественный законодатель не предусмотрел в Законе о банкротстве формирования специальных фондов, позволяющих удовлетворить обоснованные требования, которые не были своевременно заявлены не из-за пропуска срока, а потому, что сами права в отношении должника, образующие требование в конкурсном производстве, возникли после даты закрытия реестра². Создание резервов для удовлетворения подобных требований за счет части конкурсной массы видится уместным, при этом их формирование может осуществляться как по правилам капитализации платежей при ответственности должника за причинение вреда жизни или здоровью (п. 1 ст. 135 Закона о банкротстве), так и иным способом (например, по правилам страхования вкладов). Но реализации данной идеи явно мешает тот факт, что к моменту расчетов с «зарегистрованными» кредиторами средств практически не остается, создавать же

¹ Не дает определенного ответа на этот вопрос и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

² По мнению В.М. Химичева, такие случаи следует отнести к «пробелам правового регулирования»: Химичев В.А. Проблемы применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) в практике арбитражных судов // Закон. 2007. № 7. С. 40–56. Указанный автор исходит из того, что формально прав и заявитель, поскольку он сразу же заявил требование. Полагаем, что здесь наблюдается стандартная ситуация, характеризующаяся приматом процессуального регулирования над нормами, регулирующими материально-правовые отношения. Между тем, если исходить из смысла состоявшегося решения суда, установившего право кредитора получить известную сумму с должника, то вся правовая система должна была бы быть нацелена на исполнение этого акта, в том числе и в результате пересмотра всех предшествующих решений и действий (включая расчеты с кредиторами).

такой фонд заранее — до расчетов — крайне затруднительно экономически. Пока же подобные фонды (резервы) если и образуются, то лишь в рамках корпоративной практики, в крупных объединениях. Возможно, к созданию таких резервов наша экономика перейдет при очередном этапе совершенствования законодательства о банкротстве. Здесь надо заметить (с учетом действий Правительства РФ в период пандемии), что необходимые ресурсы неизбежно привлекаются, в том числе на национальном уровне, и лучше это делать заранее, организованно и осмысленно (например, путем откладывания средств по сделкам с избыточной эффективностью).

В литературе высказано и предложение о том, что в подобных случаях более удачным было бы возобновление производства по делу о банкротстве¹, но вряд ли оно может быть поддержано как общее правило (да, видимо, и неосуществимо из-за очевидных непропорциональных расходов).

В контексте вопроса о значении закрытия реестра отдельно требуется оценить положения п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве. Общий его смысл состоит в том, что кредиторы, требования которых не были удовлетворены в полном объеме, имеют право требовать обращения взыскания на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами, в размере требований, оставшихся непогашенными. При отсутствии такого имущества суд может удовлетворить требования путем взыскания денежной суммы².

Положения п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве породили множество вопросов, далеко не на все из них имеются ответы³. Часть их оказалась снята, когда при недавнем реформировании ГК РФ в ст. 64 был включен новый п. 5.2. Однако эти новеллы, строго говоря, регулируют несколько иную ситуацию — когда: а) юридическое лицо ликвидировано и б) имущество

¹ См., например: Адаева В. О «непогашенных» требованиях в конкурсном процессе // Корпоративный юрист. 2009. № 2. С. 53–55.

² Суды довольно часто так и поступают – при отсутствии имущества они просто взыскивают денежную сумму, см., например: Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2018 г. №12АП-7025/18 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Егоров А.В. Последние изменения российского законодательства о банкротстве банков // Хозяйство и право. 2005. № 2. С. 21–24; Вержак М., Полудняков В. Иски «последней надежды» // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 113–116; Бруско Б.С. Реализация права на внеконкурсное удовлетворение требований кредитора: теоретические и практические вопросы // Предпринимательское право. 2006. № 4. С.11–15.

этого субъекта «обнаружено». Конечно же, последнее условие можно было бы исключить, с достаточным уровнем основательности полагая, что имеет место просто лингвистическая (техническая) ошибка, поскольку законодатель, видимо, вовсе не хотел сказать, что взыскивать можно лишь то имущество, местонахождение и судьба которого ранее были неизвестны. Тем не менее, вопрос о том, что скрывается за словом «обнаружено» — в контексте публичности судебных процессов и необходимости обеспечения устойчивости имущественного оборота — вполне заслуживает обсуждения¹.

Так или иначе, но в нашем законодательстве появилась особая процедура «распределения обнаруженного имущества», в рамках которой назначенный судом арбитражный управляющий производит распределение имущества между теми лицами, которые «имеют на это право». Она должна быть определенным образом гармонизирована в правоприменительном процессе со случаями, подпадающими под действие п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве. В частности, была бы уместной выработка единообразного их толкования в обобщении судебной практики Верховным Судом РФ.

Полагаем возможным исключить п. 11 ст. 142 из Закона о банкротстве, поскольку норма п. 5.2 ст. 64 ГК РФ фактически шире. В ней дано и несколько иное понятие «имущества», включающее в себя требования к третьим лицам, возникшие из-за нарушения очередности удовлетворения кредиторов, в результате чего заинтересованное лицо не получило исполнения в полном объеме. Обратим внимание, поскольку это уже не отношения несостоятельности и здесь не действует банкротный приоритет, распределение осуществляется по правилам ГК РФ, а не Закона о

¹ В доктрине, в обобщениях судебной практики и конкретных делах по данной процедуре вопрос о требованиях кредитора увязывается с решением двух ключевых вопросов: а) добросовестностью кредитора и б) результатом оспаривания сделок должника, см., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 февраля 2019 г. №ФО-07-14757/18 по делу №А21-8039/2015; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 5 июля 2018 г. № Ф10-2365/18 по делу №А64 -362/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

банкротстве. По этой же причине вряд ли удачно использование термина «требование» в п. 5.2 ст. 64 ГК РФ¹.

В судебной практике признано, что «дата исключения юридического лица из ЕГРЮЛ не имеет правового значения для цели применения» рассматриваемой нормы².

Если ликвидация юридического лица произошла до даты введения нормы о процедуре распределения обнаруженного имущества, допускается обращение за ее проведением; важно, чтобы правоотношения, связанные с распределением активов, имели место и после ликвидации³.

Вряд ли сложилось ясное понимание и толкование того, когда и как именно применять процедуру распределения обнаруженного имущества. Норма абз. 2 п. 5.2 ст. 64 ГК РФ предусматривает, что она лишь может быть назначена, т.е. может и не назначаться. Кроме того, условием ее назначения является наличие средств, «достаточных для осуществления данной процедуры, и возможности распределения обнаруженного имущества среди заинтересованных лиц». Если можно соотнести вероятную стоимость имущества с будущими расходами на процедуру, с «возможностью распределения», когда еще сама процедура даже не назначена?

Таким правом не может обладать кредитор, не заявлявший требований и не включенный в реестр требований кредиторов. Этот вывод видится обоснованным с учетом гипотез норм как ГК, так и Закона о банкротстве — возможность предъявлять требование предоставляется лишь тем кредиторам, которые не получили удовлетворение в силу именно недостаточности имущества (то есть их права были установлены и включены в реестр

¹ Поэтому в этой связи некоторые авторы отмечают, что «фактически это дебиторская задолженность юридического лица» (Грищенко П. Юридический тупик // ЭЖ-Юрист. 2016. № 39. С. 1, 5).

² См., например: Постановление арбитражного суд Дальневосточного округ от 5 июля 2017 г. №Ф03-2401/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2019 г. №05АП-924/2019 по делу №А51-14166/2018; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2016 г. №13АП-2313/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

требований кредиторов). Но кредиторы не могут заявлять требований о признании права собственности (если даже считают имущество «своим»)¹.

Практика реализации этой нормы показывает, что есть и теоретические, и конкретные организационные проблемы, связанные с весьма кратким изложением обязанностей заявителя и суда, а также порядка представления доказательств².

Не всегда ясно, где граница «минимизации расходов» на проведение процедуры, на что часто указывают суды³, тем более, что они одновременно должны обеспечить баланс прав и законных интересов всех кредиторов, а не только кредитора-инициатора. В какой степени здесь применимо обычное толкование термина «имущество»⁴? Следует ли распространить требования кредитора не только на вещи и денежные суммы, но и на ценные бумаги⁵ и другие права⁶? Представляется, понимать слово «имущество» здесь надо сообразно задачам данных специальных норм: если то или иное благо обладает высокой ликвидностью, то процедура может применяться.

Заявление о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица может быть подано в

¹ О практике рассмотрения таких дел см.: Бычков А. После драки кулаками машут // ЭЖ-Юрист. 2016. № 6-7. С. 13.

² См.: Бруско Б.С. Актуальные проблемы применения упрощенного порядка ликвидации должника // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2015. № 4. С. 24–32.

³ См., например: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2019 г. по делу №А64-6367/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Так, судебная практика весьма осторожно относится к попыткам кредиторов обратить взыскание на доли участия в хозяйственных обществах, в которых ранее участвовал должник, см., например: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 29 марта 2013 г. №Ф09-250/13 по делу №А60-28294/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Так, было удовлетворено требование кредитора об оплате вексельной суммы, необоснованно уплаченной в рамках конкурсного производства как «текущий платеж», см.: Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 27 мая 2011 г. №Ф09-9680/10 по делу №А71-2691/2010-Г26 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Состав «имущества» и «имущественных прав» (ст. 128 ГК РФ) необычно обширен и даже компоновка различных благ в группы, названные в данной статье, не всегда помогает. В целом мы сдержанно относимся к возможности учитывать отдельные гражданские права, не обладающие экономической ценностью, в сфере банкротства. Это касается и секундарных прав, поскольку они отражают лишь изменения самой правоспособности действующего лица, есть «динамическая правоспособность» (см., например: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. I. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 279–287. Вряд ли есть смысл включать в понятие «имущество», применительно к обсуждаемому вопросу, и другие возможности и интересы, не имеющие прямого денежного выражения, в том числе «интересы особого пристрастия», т.е. неимущественные ценности, выраженные в материальном объекте (например, дорогие для обладателя, но не имеющие денежной ценности личные вещи покойного супруга), см. об этом: Лухманов М.И. Интерес особого пристрастия: защита субъективной неимущественной ценности в имущественной сфере // Опыты цивилистического исследования. Сб. статей. Вып. 3. Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.: Статут, 2019. С 156–124.

течение пяти лет с момента внесения в ЕГРЮЛ сведений о прекращении юридического лица. Но остается дискуссионным вопрос о его природе¹ и возможности продления². Полагаем, нет оснований считать данный срок пресекательным, но все случаи, когда он продлевается, должны быть обеспечены особой мотивировкой в судебном акте.

Имеются и другие сложности применения, например, каковы возможности кредиторов, не предъявлявших требований, если они не извещались о данной процедуре? С нашей точки зрения, неизвещение кредитора ведет к неустранимому пороку судебного акта.

В рамках обсуждаемой проблемы вопрос о взыскании имущества ликвидированного юридического лица специально не исследуется, хотя он, конечно же, имеется в виду (по итогам конкурсного производства, как правило, следует ликвидация должника). Трудно поддержать мнение о том, что ликвидированная организация хотя бы отчасти сохраняет свою правоспособность³. Полагаем, те редкие случаи, когда не прекращаются обязанности юридического лица при исключении его из реестра, связаны, во-первых, с налоговыми, а не гражданско-правовыми отношениями, а, во-вторых, не с признанием продолжения существования юридического лица, а с довольно тривиальным (часто — оправданным) расчетом налоговой службы на погашение оставшихся обязанностей участниками ликвидируемого юридического лица⁴.

Для понимания и истолкования п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве целесообразно учитывать ряд правовых позиций, высказанных

¹ По мнению М.В. Телюкиной, этот срок не является сроком исковой давности, это срок «существования прав» (см. Телюкина М.В. Практические проблемы обнаружения имущества ликвидированного должника // Законодательство. 2009. № 6. С. 52–55). См. также: Зайцева Ю.А. Возможность полного удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С.46–50.

² Судя по конкретным судебным делам, суды не оценивают его как пресекательный, в отличие от срока для заявления требований, см., например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2017 г. №303-ЭС17-17530 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. 2016. № 4. С. 29–32.

⁴ Пункт 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» определенно указывает, что правоспособность такого юридического лица утрачивается.

Конституционным Судом РФ при оценке конституционности данной нормы¹. В целом он не усмотрел признаков неконституционности, но отметил ряд весьма важных моментов. Во-первых, определил реализацию прав, предусмотренных данной нормой, как «специальный (экстраординарный) способ защиты прав кредиторов» (с чем надо согласиться). Во-вторых, указал, что «содержание и объем прав кредиторов являются производными от прав бывшего собственника-должника», эти права «не являются абсолютными», и, в целом, при реализации положения указанной нормы не должны нарушаться права и интересы других лиц.

Конституционный Суд РФ воздержался от оценки конкретных обстоятельств и не занимался пересмотром дел, поскольку ограничен специальной компетенцией, и поэтому до сих пор неясны пределы реализации данного способа защиты в условиях, когда имущество, которым ранее обладал должник, принадлежит на праве собственности другому лицу.

Вместе с тем понятно, что по данной категории дел, прежде всего, надо анализировать вопросы законности оснований приобретения новым владельцем (собственником) имущества и тщательно исследовать его собственное поведение (в том числе добросовестность), другие обстоятельства, связанные с приобретением имущества. Если же приобретатель действовал правомерно и добросовестно, основание для приобретения имущества соответствует законодательству, нет обстоятельств, которые бы опорочили основание перехода к нему титула собственности, то притязания кредитора, основанные на норме п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве, удовлетворению не подлежат. Во всяком случае, судебная практика развивается именно в этом направлении².

¹ Таких актов Конституционного Суда было несколько, первым было Определение от 9 ноября 2010 года № 1435-О-О по жалобе Ю.И. Бадовой, см. также Определение от 22 ноября 2012 г. № 2111-О по жалобе МУП «Тепловые сети» // СПС «КонсультантПлюс».

² Так, поскольку заявитель не доказал, что ответчик незаконно получил имущество должника, то было отказано в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ для пересмотра в порядке надзора, см. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 августа 2011 г. № ВАС-9864/11, см. также Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 мая 2010 г. № ВАС-5865/10 // СПС «КонсультантПлюс».

Как следует оценивать наличие норм п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве и п. 5.2. ст. 64 ГК РФ применительно к распространенному мнению о том, что после закрытия реестра требования всех кредиторов считаются прекратившимися (погашенными)?

Представляется, ни нормы Закона о банкротстве, ни п. 5.2. ст. 64 ГК РФ не предрешают вопроса о прекращении прав и соответствующих обязательств в рассматриваемой ситуации. Да они и не предназначены для этого, что подтверждается и их местом в системе правового регулирования, и использованием в соответствующих нормах термина «погашение», а не слов «аннулирование» или «прекращение» (что было бы логично, если бы законодатель намеревался заявить о том, что действие права исчерпано). Слово «погашение» в контексте локальных задач указанного специального регулирования есть указание на невозможность реализации заложенных в нем возможностей лишь в рамках регулируемых отношений (процедур несостоятельности).

Если реестр закрыт, а восстановление срока включения требований в реестр не допускается, реализация права кредитора не может происходить по обычному сценарию. Но сама невозможность реализовать право на получение утраченного блага в данных процедурах не является юридическим фактом, прекращающим соответствующие права (не предусматривает этого и законодатель). После того, как обязанное лицо (должник) прекращает свое юридически значимое существование (после внесения записи в ЕГРЮЛ), можно говорить лишь о прекращении правоотношения (обязательства), что вполне соответствует норме ст. 419 ГК РФ (она предусматривает, что обязательство прекращается ликвидацией как кредитора, так и должника). Однако ни логика, ни закон не дают оснований считать, что прекращает существование и субъективное право кредитора, в рамках процедур несостоятельности оно лишь не может быть реализовано. Вопрос о его последующей судьбе находится «в руках» законодателя, которой, исходя из достигнутого уровня развития экономики, юридической техники и

социальной ответственности¹ может найти определенные формы для реализации данного права. Так, для решения проблемы денежного обеспечения лиц, которым должник причинил вред здоровью, была сформирована модель перехода обязанности платежа к другому лицу даже после ликвидации должника (см. ст. 419 ГК РФ).

Относительно недавно для удовлетворения имущественных интересов публичных образований и иных кредиторов была разработана схема возмещения вреда, вызванного действиями лиц, контролирующих должника. Она основана не на том, что сохраняется прежнее обязательство и прежние обязанности должника, как это имеет место в норме ст. 419 ГК РФ (к моменту предъявления дополнительных требований он уже ликвидирован), а на усмотрении в действиях контролирующих должника лиц самостоятельного деликта, требующего правовой реакции. Все это есть явления одного порядка, обусловленные идеей правопорядка в рамках «возможного» (т.е. конкретного исторического периода)². Но как бы она ни проявлялась³, в ней отражен правовой концепт о задачах справедливого и разумного устройства социальных связей.

Также и применительно к п. 12 ст. 142 Закона о банкротстве и п. 5.2. ст. 64 ГК РФ в расчет бралась задача найти разумный способ реализации сохраняющегося права кредитора. В научной литературе используются различные термины для этого приема⁴. Лучше, наверное, было бы говорить о

¹ Разумеется, всегда требуется по соображениям справедливости отыскивать разумный баланс между правами кредиторов и лиц, являющихся приобретателями, см., например: Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. М.: Зерцало-М., 2012. С. 139-141. Уже отмечалось, что имущество добросовестного приобретателя не может быть изъято для удовлетворения таких требований кредиторов.

² Акцент на то, что порядок и справедливость всегда проявляются на фоне и в условиях конкретных исторических, экономических и политических обстоятельств отчетливо прослеживается в ряде работ, см., например: Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. С. 88-89.

³ Эта правовая идея обнаруживает себя в массе конкретных нормативных положений: от актов Древнего Рима до современных законов России. В цивилистике данный концепт проявляется чаще всего в постулате «всякий вред должен быть возмещен». «Гражданское право имеет своей задачей устранить вредные последствия, причиненные правонарушением ...» (Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 277-278).

⁴ В некоторых комментариях п. 12 ст. 142 Закона о банкротстве возможность кредитора предъявить требование уже после ликвидации должника оценивается как результат «трансформации» ранее имевшихся обязательств, см. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)», постатейный/Под общ. ред. В.Ф. Попондопуло // СПС «КонсультантПлюс».

«преобразовании» или «переквалификации»¹. В любом случае важно, что само исходное субъективное право на получение имущественного удовлетворения признается законодателем сохранившимся, оно лишь — под воздействием норм права и акта личной инициативы кредитора — преобразуется в содержание другого правоотношения. Вопрос о том, как именно будет с правовой точки зрения объяснена и построена такая реализация права, важен, но все же вторичен.

Изложенное позволяет считать, что само по себе закрытие реестра не приводит к прекращению субъективного права кредитора, но будет ли оно реализовано, пусть и в другой форме, зависит от установления законодателем самой возможности этого и волеизъявления кредитора.

В теоретическом плане остается открытым вопрос, надо ли считать приобретателей данного имущества должника непременно правонарушителями, а факт приобретения — деликтом (или иным правонарушением)? Представляется, искать ответ просто нет необходимости, поскольку само указание закона на то, что приобретение было «незаконным», показывает и логику последующих рассуждений. Поскольку для реализации действий приобретателя в сделке с должником требуется установить их незаконность, то, очевидно, потребуются прибегнуть к реституционному механизму (ст. 167 ГК РФ)². То есть распределению средств между заинтересованными кредиторами предшествует судебный акт признания сделки правообладателя с должником недействительной. Реституция, конечно же, не является универсальным средством, имеет свои ограничения и пределы применения³, но данный способ правового воздействия вполне уверенно ощущает себя в сегодняшней правовой среде. В целом он

¹ В том смысле, что ранее возникшее в регуляторных отношениях субъективное право, не получившее удовлетворения, признается изменившимся — под влиянием указанных норм закона — в сумму компенсации, присуждаемой кредитору по итогам процедуры распределения обнаруженного имущества.

² Имеется в виду, что не всякое реституционное обязательство носит двусторонний характер, что и отмечено в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г., этот вопрос решает суд.

³ Так, во многих случаях при недействительной сделке наступают иные последствия, прямо предусмотренные законом, а при добросовестности приобретателя реституция, как правило, не применяется, при недействительности односторонней сделки реституция как возврат сторон в первоначальное положение просто невозможна и т.д. См., например: Гутников О.В. Недействительные сделки. Теория и практика оспаривания. М.: Книжный мир, 2005. С. 143–189.

направлен на исправление ситуации в связи с нарушениями норм объективного права правопорядка путем приведения сторон сделки в первоначальное (до сделки) положение¹.

Таким образом, применение нормы п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве было бы правильно рассматривать не только как способ защиты конкретных прав определенных кредиторов (это верно лишь в отношении их), но и как реакцию закона на отклонение поведения всякого лица от положений объективного права.

Подведем итоги:

- признание срока для подачи заявлений о включении в реестр кредиторов пресекательным соответствует смыслу и направленности его нормативного установления, но действует лишь в рамках конкурсного производства;

- закрытие реестра требований кредиторов, по общему правилу, может рассматриваться как юридический факт, прекращающий соответствующие обязательства (но не субъективное право). Однако ни одна из норм главы 26 ГК РФ, содержащей основания для этого, не предусматривает такого основания. Поскольку в данном случае имеет место законодательный пробел, целесообразно в п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве прямо предусмотреть, что при закрытии реестра требований кредиторов неисполненные должником обязательства прекращаются;

- нормы п. 11 ст. 142 Закона о банкротстве и дополняющие их правила п. 5.2. ст. 64 ГК РФ допускают предъявление требований и после закрытия реестра, но они находятся вне «поля действия» банкротного приоритета и подчиняются нормам ГК РФ;

- срок для подачи заявления о процедуре распределения обнаруженного имущества (п. 5.2. ст. 62 ГК РФ) нет оснований считать

¹ Попытки объяснить появление рассматриваемого полномочия у заинтересованного кредитора как результат действия *cessio legis* (цессии в силу закона) видится необоснованным, поскольку отсутствует норма, указывающая на переход права от должника к заинтересованному кредитору.

пресекательным, но все случаи, когда он продлевается, должны быть обеспечены специальной мотивировкой в судебном акте;

- предъявлять требование по данным правилам не может кредитор, который не заявлял ранее требований и требования которого не включены в реестр;

- заявления кредиторов, предусмотриваемые п. 11 ст. 142 ФЗ о банкротстве и п. 5.2. ст. 64 ГК РФ, не могут содержать требования о признании права собственности на определенное имущество;

- закрытие реестра требований кредиторов означает невозможность использования механизма защиты прав, предусмотренного Законом о банкротстве, на что указывает и используемый законодателем термин «погашение», но не исключает применения иных способов защиты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ существа и правового значения реестра требований кредиторов при рассмотрении дела о несостоятельности (банкротстве) позволил сформулировать ряд выводов, отраженных в положениях, выносимых на защиту, и некоторые законодательные предложения. Наиболее существенными, раскрывающими логику и направленность исследования, являются следующие.

Вне зависимости от используемой модели правового регулирования несостоятельности (банкротства) существует потребность установления требований кредиторов, размера данных требований и очередности их удовлетворения. Эта группа норм в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) имеет организующий характер и отсутствует в других отраслях и институтах. Поэтому сделан вывод о том, что правовой субинститут порядка формирования и ведения реестра требований кредиторов является уникальным компонентом механизма правового регулирования и, с точки зрения архитектоники правового регулирования отношений несостоятельности, примыкает не к нормам материального или процессуального права, а связан и логически взаимодействует со специфическими нормами об организации и проведении процедур банкротства.

Отмечено, что реестр требований кредиторов следует рассматривать не только как «систему записей» (эксплицитный аспект), но и во взаимосвязи с другими юридическими фактами в деле (имплицитный аспект), а также учитывать его темпоральный (временной) эффект.

Установлено, что анализ правового регулирования отношений по формированию реестра требований кредиторов может проводиться на основе различных подходов, как путем изучения оснований внесения записей, так и путем исследования особенностей отдельных стадий существования отношений, в рамках которых возник долг. В таком случае могут быть

выявлены взаимосвязи различных стадий и отличия регулятивных средств. В частности, современные стандарты доказывания, не являясь источниками права, в делах о банкротстве выполняют собственную функцию инструментария, позволяющего полнее раскрыть обстоятельства дела и минимизировать риск принятия несправедливых решений. Выделены этапы формирования реестра требований кредиторов и показано, что все они (от заявления о включении в реестр до закрытия реестра) функционально взаимообусловлены и взаимосвязаны.

Заявление кредитора о включении его требования в реестр следует оценивать как самостоятельный юридический факт (ст. 8 ГК РФ) — разновидность «сделкоподобных» действий. Со сделками его объединяет направленность (ст. 153 ГК РФ), но, в отличие от сделок, такие действия не вызывают правовых последствий только в силу их совершения. Такое заявление не может рассматриваться как исковое заявление, поскольку в данном случае нет «спора о праве». Подача заявления о включении в реестр требований кредиторов означает также согласие участвовать в процессе для взаимосвязанной оценки всех требований, касающихся имущества должника, готовность подчиняться возможной модификации отношений, в том числе изменения величины долга.

Установление очереди, в том числе в результате субординации требований, составляет самостоятельный этап формирования реестра требований кредиторов. Сделан вывод о том, что требуется выработка концептуального отношения к очередности, в том числе к определению количества очередей и допустимости «подочередей». Субординация требований кредиторов как таковая не противоречит принципу справедливого и пропорционального удовлетворения требований и способна выполнять многообразные функции в делах о несостоятельности. Однако в действующем законодательстве ее применение сведено к действию, аналогичному мерам ответственности.

Природа требований кредиторов, в значении Закона о банкротстве, определяется субъективными правами в сложившейся договорной связи либо в обязательстве, возникшем в результате других, предусмотренных законом обстоятельств (внедоговорных обязательств, обязанности уплаты обязательных платежей и т.д.). Такое требование нет оснований относить к какому-то особому самостоятельному субъективному праву (*sui generis*). Однако в рамках конкурсного производства и действия специального режима, предусмотренного законодательством о несостоятельности (банкротстве), удовлетворение данных требований осуществляется по модели: «должник — множество кредиторов».

В диссертации выражено мнение о целесообразности уточнить состав конкурсных требований, которые должны включаться в реестр требований кредиторов, если это не противоречит принципам банкротства. В частности, уместно уравнивать требования по возмещению убытков с требованиями основной задолженности, включая и требования упущенной выгоды в тех случаях, когда она является планово-расчетной и неизбежной компонентой организации производственного процесса.

Прием преобразования имущественных неденежных требований в денежные для включения в реестр требований кредиторов (трансформация) заключается в установлении арифметической величины требования и не предполагает появления нового обязательства. Он отражает специфику отношений несостоятельности, объективно необходим при процедуре конкурса и целесообразно его закрепление непосредственно в ст. 2 Закона о банкротстве. Трансформация требований позволяет проявить не только справедливость в отношении кредитора, заявившего данное требование, но и реализовать основные задачи конкурсного процесса, в том числе исключить предоставление преимуществ одним кредиторам за счет других.

Установление требований кредиторов, как этап формирования реестра, уместно оценивать в виде различных взаимообусловленных компонентов (включая рассмотрение разногласий, обжалование сделок и т.д.). В рамках

данного этапа выясняется возможность признать заявленное требование основанным на реально существующем субъективном праве и допустимость его включения в конкурс.

При анализе такого компонента как обжалование сделок сделан вывод о целесообразности уточнить критерии сделок, предусматривающих понижение очередности в п. 2 ст. 61.6. Закона о банкротстве, включая последствия сделок с предпочтением. Внесены предложения, направленные на уточнение применения последствий признания сделок недействительными в соответствии с п. 2 ст. 61.2. и п. 3 ст. 61.3. Закона о банкротстве. В частности, о нецелесообразности применять последствия, предусмотренные названными нормами, только потому, что средства по сделке или поручительство представлены заинтересованными лицами или членами данной корпорации (при условии, что предоставление было на рыночных или более льготных условиях). Анализ позволяет считать, что при отказе включить такие требования в реестр решающим фактором должно являться не каждое отдельное обстоятельство и (или) действие кредитора, а использование данных договоров и иных инструментов (в целом правомерных) для достижения незаконной цели (контроля в отношении несостоятельности или должника). Также следует исключить переквалификацию отношений должника с членами корпорации в корпоративные отношения (с подозрением о скрытом увеличении уставного капитала) без установления полного состава требуемых юридических фактов, необходимых для увеличения уставного капитала (включая необходимые в таких случаях решения уполномоченных органов корпорации).

Высказано мнение, что при толковании и применении норм о субординации как меры ответственности следует исходить из того, что она вызывает различный эффект для правомерно и неправомерно действовавших кредиторов, а также наличия двух этапов реализации ее механизма. Для правонарушителей она является средством наказания, а для правомерно действовавших кредиторов — мерой защиты. В результате недопущения

недобросовестных кредиторов к участию в распределении конкурсной массы, ее часть, которую они потенциально могли бы получить, остается в конкурсной массе. В результате оказываются реализованными и обычные цели правозащитного механизма: каждый из пострадавших получает свою часть утраченного, в том числе за счет правонарушителей.

Правильно сформированный реестр требований кредиторов является одним из важнейших средств противодействия фиктивной задолженности. Отмечается, что под нею — в целях применения законодательства о несостоятельности — следует понимать как фактическое отсутствие имущественного предоставления в счет совершенной сделки, так и формирование долга в целях, противоречащих смыслу и направленности процедур банкротства, незаконному получению благ или преимуществ. При этом факт организации и формирования фиктивной задолженности в делах о банкротстве должен рассматриваться как особое правонарушение (конкурсный деликт), что требует выяснения состава всех его элементов. Если в части объективной стороны поведения правонарушение заключается в действиях, нарушающих специальные нормы законодательства о банкротстве и прав отдельных лиц (кредиторов, должника), то в части, касающейся субъективного отношения правонарушителя речь должна идти об умысле, проявляющемся в совершении конкретных действий. Возникновение задолженности без такого признака (например, если она вызвана случайными обстоятельствами) должно, по общему правилу, сводиться к исключению требования из реестра.

Требования кредиторов могут быть основаны на судебном акте, принятом вне дела о банкротстве, такие требования до проверки судом, рассматривающим дело о банкротстве, не могут считаться установленными. В основании причин, требующих специальной проверки всех требований в одном процессе, лежит связь и взаимозависимость прав всех кредиторов: их объем объективно зависит друг от друга, изменяясь в отношении одной и той же величины (конкурсной массы) — увеличение доли одного кредитора

вызывает автоматическое уменьшение доли другого. Наконец, судебный акт, определивший основание и размер требования лишь одного из кредиторов, в рамках процедур банкротства следует считать доказательством только фактов, имеющих отношение к этому кредитору. На лиц, не участвовавших в деле по иску кредитора к должнику, не распространяется общая презумпция о необходимости доказывать установленные обстоятельства, они имеют право возражать против такого требования.

В работе сделан вывод о том, что под «заинтересованностью» в значении Закона о банкротстве следует понимать наличие связей и зависимостей, способных влиять на принимаемые должником решения. В результате возникает неопределенность причин, мотивов и результатов по сравнению с обычными (стандартными) действиями, в том числе могут возникать негласные договоренности, направленные на незаконное извлечение выгоды из ситуации несостоятельности за счет других лиц. Предложена систематизация таких зависимостей и расширение круга лиц, относящихся к «зависимым». Внесены предложения по оценке наличия зависимости и ее влияния применительно к отдельным договорам (в том числе поручительства, займа). Сделан вывод о том, что само по себе участие в корпоративных отношениях не приводит к ничтожности соответствующих сделок и (или) понижению очередности их требований при банкротстве, но вызывает потребность дополнительной проверки ряда обстоятельств, а в отношении конкурирующих требований участников не должны применяться неодинаковые подходы к доказательствам.

Заккрытие реестра требований кредиторов стимулирует завершение процесса и направлено на обеспечение определенности правового положения участников. В работе отстаивается мнение о том, что закрытие реестра требований кредиторов означает невозможность использования механизма защиты прав, предусмотренного Законом о банкротстве, на что указывает и используемый законодателем термин «погашение» (а не «аннулирование» или «прекращение»), но не исключает применения иных способов защиты.

**Список использованных нормативных правовых актов,
материалов судебной практики и специальной литературы**

1. Нормативные правовые акты

1. Конституция РФ (Основной закон) от 12 декабря 1993 // Официальный интернет-портал правовой информации /URL – <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. №3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2014. - № 6. - Ст. 550.
3. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
4. Гражданский кодекс РФ от 26 ноября 1996 № 14-ФЗ. Часть вторая // СЗ РФ. - 1996. - № 5.- Ст. 410.
5. Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ. Часть первая // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
6. Гражданско-процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
7. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. - 2000. - № 32. - Ст. 3340.
8. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. - 2002. - № 43.- Ст. 4190.
9. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4162.
10. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. - 1996. - № 17. - Ст. 1956.
11. Федеральный закон от 26 июня 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. - 2006. - № 31 (часть I). - Ст. 3434.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. №382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве)» // СЗ РФ. - 2016. - № 1. - Ст. 2.
13. Градостроительный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. // СЗ РФ. - 2005 - № 1 (часть 1). - Ст. 16.
14. Постановление Правительства РФ от 9 июля 2004 г. №345 «Об утверждении Общих правил ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов» // СЗ РФ. - 2004. - № 29. - Ст. 3052.
15. Положение Банка России от 19.12.2019 № 706-П «О стандартах эмиссии ценных бумаг»: URL - Официальный сайт Банка России - <http://www.cbr.ru/>, 30.04.2020.
16. Общие правила ведения арбитражным управляющим реестра требований кредиторов, утв. постановлением Правительства РФ от 9 июля 2004 г. № 345 // СЗ РФ. - 2004. - № 29. - Ст. 3052.

1.2. Иные правовые акты

1. Bankruptcy Code: URL: <https://www.usbankruptcycode.org/> (дата обращения – 20.12.2020).
2. Code de commerce. - URL: www.legifrance.gouv.ru/affichCodeArticle.do?cidTexte=\\ (дата обращения – 20.12.2020).
3. Insolvenzordnung (InsO); URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/inso/index.html> (дата обращения – 20.12.2020).
4. Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь/ – URL: <https://pravo.by>, (дата обращения – 11.05.2020).
5. Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан/ – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000176>, (дата обращения – 11.05.2020).
6. Кодекс корпоративного управления, одобрен Советом директоров Банка России 21 марта 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Коммерческий кодекс Франции (Регламентарная часть). (Предисловие, перевод и комментарии В. Н. Захватаева). – М.: Волтерс Клувер, 2010 – 670 с.
8. Коммерческий кодекс Франции/Пер. и комм. В.Н. Захватаева. - М.: Волтерс Клувер, 2008. – 1269 с.
9. Методические рекомендации по заполнению типовой формы ведения реестра требований кредиторов, утв. приказом Министерства экономического развития и торговли от 1 сентября 2004 г. № 234 // СПС «Консультант плюс».
10. Указание Банка России от 15 декабря 2014 № 3482-У об утверждении формы Реестра требований кредиторов негосударственного пенсионного фонда // СПС «КонсультантПлюс».
11. Руководство ЮНСИНТРАЛ для законодательных органов по вопросам законодательства о банкротстве. Ч. I–III. (электронное издание). URL - Нью-Йорк: ООН, 2012.

2. Судебные акты

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. №10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с

запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. №39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2010 года № 1435-О-О по жалобе Ю.И. Бадовой // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 июня 2012 № 35 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 25 декабря 2018 г. «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июня 2005 г. № 94 «О порядке рассмотрения заявления должника о признании его банкротом при отсутствии у него имущества, достаточного для покрытия расходов по делу о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах удовлетворения требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 апреля 2009 г. № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом "О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 июля 2005 № 93 «О некоторых вопросах, связанных с исчислением отдельных сроков по делам о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря № 96 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 37 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания

Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: URL: http://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2018 (дата обращения – 20.02.2019).

23. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 июля 2006 г. №КГ-А41-6514-06 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 сентября 2013 г. N Ф09-2252/11 по делу № А07-16925/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 июня 2016 г. № 310-ЭС15-50 (3) // СПС «КонсультантПлюс».

27. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 июля 2017 г. № 306-ЭС17-1387 по делу № А06-2865/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 303-ЭС17-2748 по делу № А59-537/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 сентября 2011 г. № Ф08-4869/11 по делу № А53-9308/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 8 июня 2018 г. № 305-ЭС18-6805 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27 августа 2019 г. № 305-ЭС19-4324 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Президиума Верховного Арбитражного Суда РФ от 5 апреля 2012 г. № 14055/11 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 303-ЭС16-12221 (1) по делу № А59-46605/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2019 г. № 306-ЭС17-2344 (31) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308ЭС17-1556 (1) по делу № А32-19056/14 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 декабря 2018 г. № 305ЭС-4004 (1) // СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 305-ЭС18-15540 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Верховного Суда РФ от 17 декабря 2018 г. № 309-ЭС18-14765 // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2019 г. № 305ЭС18-22069 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-8671 (2) // СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2017 по делу № 303-ЭС17-10124 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20 июля 2004 № КГ-А41/5351-04-2 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 октября 2016 г. № 305-ЭС16-6006 // СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Семнадцатого апелляционного арбитражного суда от 24 апреля 2014 г. № 17АП-4165/2011-ГК по делу № А50-14741/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2018 г. № 305-ЭС18-11840 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 июня 2018 г. № 305-ЭС18-1779 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС-1556 (1) // СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 сентября 2007 г. № 3646/07 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.11.2015 № 15АП-17496/2015 по делу № А32-29459/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 февраля 2019 г. № 305-ЭС17-2344 (31) // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2019 г. № 305-ЭС18-22969 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Определение Арбитражного суда Тюменской области от 19 сентября 2019 г. № А70-3391/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2019 г. № 305-ЭС18-22069 // СПС «КонсультантПлюс».

56. Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 3525/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556 (1) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23 июля 2018 г. № 310-ЭС17-20671 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС15-5734 (4) // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2018 г. № 310-ЭС17-17994 (1, 2) // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2018 г. № 301-ЭС18-9388 (1) // СПС «КонсультантПлюс».

62. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2019 г. № 304-ЭС18-14031 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июня 2017 г. № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.07.2018 № 310-ЭС17-20671 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 305-ЭС18-15540 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.07.2016 № 305-ЭС16-2411 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2019 г. № 308-ЭС18-16640 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 октября 2018 № 308-ЭС18-9470 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2018 № 301-ЭС17-22652 (1) по делу № А43-10686/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС-20056 (6) // СПС «КонсультантПлюс».

72. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

74. Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 305-ЭС17-2110 по делу № А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

75. Определение Верховного Суда от 31 июля 2017 г. № 305-ЭС15-11230 по делу № А40-125977/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

76. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 25 февраля 2019 г. № 308-ЭС17-1634 (5) // СПС «КонсультантПлюс».

77. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2018 г. № 303-ЭС18-19565 по делу № А51-23102/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 2751/10 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 апреля 2018 г. по делу № 305-ЭС16-19572 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2012 г. № 8141/12 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 27 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-19058 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.04.2010 № ВАС-2070/10 по делу № А58-7656/09 // СПС «КонсультантПлюс».

83. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 июня 2016 № 302-ЭС16-2049 по делу № А33-20480/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 15 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-17611 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-1894 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-18943 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 июня 2017 г. № 308-ЭС17-1556 (2) по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февраля 2017 г. №Ф04-4160/2016 по делу № А45-27751//СПС «КонсультантПлюс».

89. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 10254/10 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 4 июня 2018 года № 305-ЭС18-413 по делу № А40-163846/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15 февраля 2018 г. № 305-ЭС-17-17208 по делу № А40-10067/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 февраля 2018 г. № 310-ЭС17994 (1, 2) по делу № А68-10446/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

93. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 2 августа 2018 г. № 305-ЭС18-1570 // СПС «КонсультантПлюс».

94. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 6 августа 2018 г. № 308-ЭС17-6757 (2, 3) // СПС «КонсультантПлюс».

95. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1567 по делу № А32-19056/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

96. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14 февраля 2019 № 305-ЭС-18-17629 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 7 октября 2019 г. № 307-ЭС17-11745 (2) // СПС «КонсультантПлюс».

98. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 марта 2019 г. № 305-ЭС18-15540 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 декабря 2004 г. № 86 «О правовом положении конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, заявивших свои требования после закрытия реестра требований кредиторов» // СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 30 сентября 2010 г. № Ф10-5376/09 по делу № А23-1114/09Б-8-120 // СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 23 октября 2013 г. № Ф05-12347/06 по делу N А40-4680/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

102. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 30 сентября 2010 г. № ФО-5376/09 по делу № А23-1114/09Б-8-120 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 2 июля 2010 г. по делу № А55-13405/09 // СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2018 г. № 12АП-7025/18 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 февраля 2019 г. № ФО-07-14757/18 по делу № А21-8039/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 5 июля 2018 г. № Ф10-2365/18 по делу № А64-362/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 июля 2017 г. № Ф03-2401/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2019 г. № 05АП-924/2019 по делу № А51-14166/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2016 г. № 13АП-2313/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

110. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 февраля 2019 г. по делу № А64-6367/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 29 марта 2013 г. № Ф09-250/13 по делу № А60-28294/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 27 мая 2011 г. № Ф09-9680/10 по делу № А71-2691/2010-Г26 // СПС «КонсультантПлюс».

113. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2017 г. № 303-ЭС17-17530 // СПС «КонсультантПлюс».

114. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 августа 2011 г. № ВАС-9864/11 // СПС «КонсультантПлюс».

115. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 мая 2010 г. № ВАС-5865/10 // СПС «КонсультантПлюс».

3. Монографические работы

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. [Текст]/М.М.Агарков/ Избранные труды по гражданскому праву. Т. I. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 278 с.

2. Бевзенко Р.С. Обеспечение обязательств (залог, поручительство, гарантия): Сб. публикаций. [Текст]/Р.С. Бевзенко. – М. Статут, 2015. – 592 с.

3. Белов В.А. Вексельное законодательство России. [Текст]/В.А. Белов. – М.: ЮрИнфоР, 1996. – 496 с.

4. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. [Текст]/В.С. Белых: Монография. – М.: Проспект, 2014. – 432 с.
5. Белых В.С., Дубинчин А.А., Скуратовский М.Л. Правовые основы несостоятельности (банкротства). [Текст]/В.С. Белых. - М.: Норма, ИНФРА-М, 2001. – 311 с.
6. Бруско Б.С. Категория защиты в российском конкурсном праве. [Текст]/Б.С. Бруско. – М., 2006. – 200 с.
7. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика. [Текст]/В.А. Вайпан. – М.: Юстицинформ, 2017. – 280 с.
8. Варкалло Витольд. Об ответственности по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). [Текст]/В. Варкалло. – М.: Прогресс. 1978. – 328 с.
9. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. [Текст]/В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2018. – 528 с.
10. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1888. [Текст]/А.Х. Гольмстен // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. Книга вторая. Февраль. – С. 193. – 195 с.
11. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. [Текст]/А.Х. Гольмстен. – СПб., 1894. – 249 с.
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. [Текст]/В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
13. Грибов А.Ю. Деньги и ценные бумаги: сущность и правовой режим. [Текст]/А.Ю. Грибов. – М.: РИОР, 2006. – 192 с.
14. Grimm Д.Д. Лекции по догме римского права. [Текст]/Д.Д. Гримм. – М.: Зерцало, 2003. – 497 с.
15. Гутников О.В. Недействительные сделки. Теория и практика оспаривания. [Текст]/О.В. Гутников. – М.: Книжный мир, 2005. – 381 с.
16. Добрачѐв Д.В. Развитие института возмещения убытков в свете модернизации российского гражданского законодательства: научно-практическое пособие. [Текст]/Д.В. Добрачев. – М: Юстицинформ, 2012 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Дождев Д.В. Римское частное право: Учебник. [Текст]/Д.В. Дождев. – М.: Норма, 1996. – 704 с.
18. Дорохина Е.Г. Правовое регулирование управления в системе банкротства. [Текст]/Е.Г. Дорохина // СПС «Консультант Плюс».
19. Егоров А.В., Папченкова Е.А., Ширвиндт А.М. Представительство: исследование судебной практики. [Текст]/А.В. Егоров. – М.: Статут, 2016. – 383 с.
20. Егорова М.А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. [Текст]/М.А. Егорова. – М.: Статут, 2014. – 752 с.

21. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: Уч. Пособие. [Текст]/С.П. Иванова. – М.: Юстиция, 2018. – 200 с.
22. Иоффе О.С. Обязательственное право. [Текст]/О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
23. Кавелин К.Д. Что есть гражданское право и где его пределы // Кавелин К.Д. Избранные произведения по гражданскому праву. [Текст]/К.Д. Кавелин. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 722 с.
24. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. [Текст]/С.А.Карелина. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.
25. Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство застройщика: теория и практика правоприменения: монография. [Текст]/С.А. Карелина. – М.: Юстицинформ, 2018. – 240 с.
26. Карелина С.А., Фролов И.В. Банкротство страховых организаций. [Текст]/С.А. Карелина. – М.: Юстицинформ, 2018. – 128 с.
27. Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. [Текст]/Д.Н. Кархалев. – М.: Статут, 2009. – 332 с.
28. Клейнман А.Ф. О несостоятельности частных лиц по советскому процессуальному праву. [Текст]/А.Ф. Клейн. – Иркутск: Издание Иркутского университета, 1929. – 41 с.
29. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. [Текст]/Н.В. Козлова. – М.: Статут, 2005. – 476 с.
30. Концепция развития гражданского законодательства. [Текст]. – М.: Статут, 2009. – 219 с.
31. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. [Текст]/Отв. ред. М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2015. – 653 с.
32. Кораев К.Б. Неплатежеспособность: Новый институт правового регулирования финансового оздоровления и несостоятельности (банкротства): монография. [Текст]/К.Б. Кораев. – Москва: Проспект, 2017. – 320 с.
33. Корпоративное право: Учебник/Под общ. ред. И.С. Шиткиной. [Текст] – М.: Статут. 2019. – 735 с.
34. Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России. [Текст]/Е.В. Кравчук. – М.: Юстицинформ, 2013. – 160 с.
35. Кузнецов А.П. Банкротство застройщика: теория и практика защиты участников строительства: монография. 2-е изд., перераб. и доп. [Текст]/А.П. Кузнецов. – Москва: Проспект, 2017. – 112 с.
36. Кузнецов С.А. Основные проблемы института несостоятельности (банкротства). [Текст]/С.А. Кузнецов – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с.
37. Лавров Д.Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве. [Текст]/Д.Г. Лавров – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 250 с.

38. Лотфулин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве: научно-практическое пособие. [Электронное издание] [Текст]/Р.К. Лотфуллин – М.: Saveliev, Batanov & Partners. 2019. – 1720 с.
39. Лотфулин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность лиц, контролирующих должника. [Электронное издание] [Текст]/Р.К. Лотфуллин – М.: Saveliev, Batanov & Partners, 2018. – 125 с.
40. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства // Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. [Текст]/Л.А. Лунц – М.: Статут, 1999. – 352 с.
41. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. [Текст]/К.И. Малышев – СПб., 1871. – 227 с.
42. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. [Текст]/М.Н. Марченко – М.: Проспект, 2011. – 510 с.
43. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник. [Текст]/М.Н. Марченко – М.: Проспект, 2016. – 304 с.
44. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Т.1. [Текст]/Д.И. Мейер – М.: Статут, 1997. – 290 с.
45. Модельные правила европейского частного права/Пер. в англ. [Текст] – М.: Статут, 2013. – 989 с.
46. Морозов С.Ю. Транспортное право: Учеб. Пособие. [Текст]/С.Ю. Морозов – М: Волтерс Клувер, 2008. – 347 с.
47. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима [Текст]/С.А. Муромцев – М.: Статут, 2003. – 685 с.
48. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 томах/Под ред. С.А. Карелиной. Том I. [Текст] – М.: Статут, 2019. – 925 с.
49. Новоселова Л.А. Денежные расчеты в предпринимательской деятельности. [Текст]/Л.А. Новоселова – М.: ЮрИнфоР, 1996. – 160 с.
50. Папе Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии: Комментарий к действующему законодательству/ Пер. с нем. [Текст]/Г. Папе – М., 2002. – 262 с.
51. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. [Текст]/И.А. Покровский – М.: Статут, 1998. – 353 с.
52. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах/Отв. ред. В.В. Долинская. [Текст] – М.: Проспект, 2018. – 192 с.
53. Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности/Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. [Текст] – М.: Юстицинформ, 2020. – 340 с.
54. Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. [Текст]/Ю.В. Романец – М.: Зерцало-М., 2012. – 400 с.
55. Рыков И.Ю. Субсидиарная ответственность: тенденции современного менеджмента. [Электронное издание] [Текст]/И.Ю. Рыков – М.: Статут, 2019. – 195 с.

56. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. [Текст]/Р. Саватье – М.: Прогресс, 1972. – 440 с.
57. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–408 Гражданского кодекса Российской Федерации/ Отв. ред. А.Г. Карапетов. [Электронное издание] [Текст] – М.: М-Логос, 2018. – 1264 с.
58. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. [Текст]/Е.А. Суханов – М.: Статут, 2016. – 456 с.
59. Сырых В.М. Теория государства и права. [Текст]/В.М. Сырых – М.: Юстицинформ, 2012. – 412 с.
60. Телюкина М.В. Конкурсное право: теория и практика несостоятельности (банкротства). [Текст]/М.В. Телюкина – М.: Дело, 2002. – 536 с.
61. Телюкина М.В. Лекции по конкурсному праву. [Текст]/М.В. Телюкина – М.: Юриспруденция, 2018. – 220 с.
62. Ткачев В.Н. Конкурсное право: правовое регулирование несостоятельности (банкротства) в России. [Текст]/В.Н. Ткачев – М.: Волтерс Клувер, 2006.
63. Токар Е.Я. Вопросы применения конструкции представительства хозяйственными обществами. [Текст]/Е.Я. Токар – М.: Юстицинформ, 2018. – 204 с.
64. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. [Текст]/Д.О. Тузов – М.: Статут, 2007. – 206 с.
65. Улинский А.И. Конкурсный процесс. Несостоятельность торговая и неторговая по русскому законодательству. [Текст]/А.И. Улинский – Курск, 1915. – 114 с.
66. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. Т. 2. [Текст]/Д.Н. Ушаков – М.: Русский язык, 2009. – 334 с.
67. Филиппова С.Ю. Юридические факты в гражданском праве. Часть 1. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. [Текст]/С.Ю. Филиппова – М.: Статут, 2020.
68. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. [Текст]/Р.О. Халфина – М., 1974. – 347 с.
69. Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. [Текст]/В.М. Хвостов - М.: Спарк, 1996. – 522 с.
70. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. [Текст]/Г.Ф. Шершеневич – М.: Статут, 2000. – 477 с.
71. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т.2. [Текст]/Г.Ф. Шершеневич – М.: Спарк, 1995. – 384 с.
72. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. [Текст]/Г.Ф. Шершеневич. – Казань, 1890. – 458 с.
73. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. [Текст]/Т.П. Шишмарева. – М.: Статут, 2018. – 239 с.

74. Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. [Текст]/Т.П. Шишмарева // СПС «Консультант Плюс».

75. Эрлих М.Е. Конфликт интересов в процессе несостоятельности (банкротства): правовые средства разрешения: Монография. [Текст]/М.И. Эрлих. – М., 2014. С. 34–36.

76. Этимологический словарь Шанского. [Электронное издание] [Текст]/ – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%BA/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81> (дата обращения – 20.08.2019).

4. Статьи

1. Адаева В. О «непогашенных» требованиях в конкурсном процессе. [Текст]/В. Адаева // Корпоративный юрист. – 2009. – № 2. – С. 53-55.

2. Акинфеева В.В. Особенности банкротства отсутствующего должника. [Текст]/В.В. Акинфеева // Шестой Пермский конгресс (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.)/Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016. – С. 166-170.

3. Алоян А.Э. Модели абсолютной защиты обязательственных прав. [Текст]/А.Э. Алоян // Закон. – 2015. – № 8. – С. 138-146.

4. Алоян А.Э. Проблемы имплементации доктрины recharacterization в российскую правовую систему. [Текст]/А.Э. Алоян // Вестник гражданского права. – 2017. – № 6. – С. 221-240.

5. Аминов Е.Р. Особенности соглашения о новации в процедуре несостоятельности (банкротства). [Текст]/Е.Р. Аминов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 5. – С. 28-33.

6. Асосков А.В., Курзински-Сингер Е. Пределы действия судебных и третейских решений по кругу лиц. [Текст]/А.В. Асосков // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 2.- С. 6-35.

7. Байбак В.В. Реституционные, кондикционные и виндикационные требования в гражданском обороте. [Текст]/В.В. Байбак // Объекты гражданского оборота: сб. ст./Отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2007. – С. 179-196.

8. Батянов М.В. Основные условия принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и последствия введения процедур несостоятельности. [Текст]/М.В. Батянов // Право и экономика. – 2014. – № 5. – С. 69-72.

9. Бевзенко Р.С. Анализ тезисов о принципе добросовестности в гражданском праве. / URL: https://zakon.ru/blog/2019/8/20/analiz_tezisov_o_principe_dobrosovestnosti_v_grazhdanskom_prave (дата обращения – 09.10.2019).

10. Белоусов И.А. Подчинение требований по займам участников корпорации в деле о банкротстве. [Текст]/И.А. Белоусов // Вестник

экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 5. – С. 120-169.

11. Белых В.С. Возмещение убытков в результате недобросовестных действий конкурсного управляющего. [Текст]/В.С. Белых // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2017. – № 3-4. – С. 65-72.

12. Белых В.С. Правовое регулирование деятельности криптовалютных бирж. [Текст]/В.С. Белых // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 2-7.

13. Богданов Е.В., Богданова Е.Е., Богданов Д.Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица. [Текст]/Е.В. Богданов // Гражданское право. – 2016. – № 4. – С. 29-32.

14. Борк Р. Экономический анализ права конкурсного оспаривания. [Текст]/Р. Борк // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 8. – С. 150-166.

15. Бруско Б.С. Реализация права на внеконкурсное удовлетворение требований кредитора: теоретические и практические вопросы. [Текст]/Б.С. Бруско // Предпринимательское право. – 2006. – № 4. – С. 11-15.

16. Бруско Б.С. Актуальные проблемы применения упрощенного порядка ликвидации должника. [Текст]/Б.С. Бруско // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2015. – № 4. – С. 24-32.

17. Будылин С.Л. Прецедент на распутье. Краткая история судебного правотворчества в России. [Текст]/С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия в России. – 2015. – № 11. – С. 112-149.

18. Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве. По мотивам Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413. [Текст]/С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 11. – С. 130-157.

19. Булгаков Д.А. Можно ли считать конкурсного управляющего представителем государства: позиция ЕСПЧ? [Текст]/Д.А. Булгаков // Закон. 2012. – № 2. – С. 62-71.

20. Бычков А. После драки кулаками машут. [Текст]/А. Бычков // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 6-7. – С. 13.

21. Верещагин А.Н. Дело 1907 г. о внеконкурсном оспаривании сделки должника. [Текст]/А.Н. Верещагин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 176-192.

22. Вержак М., Полудняков В. Иски «последней надежды». [Текст]/М. Вержак // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 113-116.

23. Виллемс Й.Х. Экспертное заключение по проекту главы четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. [Текст]/Й.Х. Виллемс // Вестник гражданского права. – 2011. – № 2. – С. 255-268.

24. Витрянский В.В. Банкротство и ликвидация в свете судебной практики. [Текст]/В.В. Витрянский // Закон. – 2007. – № 7. – С. 5-14.

25. Витрянский В.В. Понятие, критерии и признаки несостоятельности. [Текст]/В.В. Витрянский // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3: Российско-

британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве), 27 ноября – 1 декабря 2000 г. – М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. – С. 47-52.

26. Витрянский В.В. Российское законодательство о несостоятельности (банкротстве) в процессе его перманентного реформирования // Актуальные проблемы частноправового регулирования. [Текст]/В.В. Витрянский. *Liber amicorum* в честь академика М.К. Сулейменова. Алматы: Зангер, НИИ частного права, 2011. – С. 232-247.

27. Волос А.А. Вопросы соотношения принципов надлежащего и реального исполнения обязательства. [Текст]/А.А. Волос // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы / В.В. Акинфиева, А.А. Ананьева, С.И. Афанасьева и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. – С. 142-145.

28. Ворожевич А. ВС РФ установил стандарт доказывания при оспаривании мнимой сделки общества-банкрота. [Текст]/А. Ворожевич // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 44.

29. Габдрахманов Д.Ф. Субординация требований кредиторов в континентальной правовой семье. [Текст]/Д.Ф. Габдрахманов // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 105-107.

30. Галкин С.С. Конкурсный контроль в контексте норм главы III.2 Закона о банкротстве. [Текст]/С.С. Галкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 21-26.

31. Голубцов В.Г. Модель банкротства физического лица в концепции гражданской несостоятельности по российскому законодательству. [Текст]/В.Г. Голубцов // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. – С. 32-36.

32. Грищенко П. Юридический тупик. [Текст]/П. Грищенко // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 39. – С. 1, 5.

33. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений. [Текст]/О.В. Гутников // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 26-39.

34. Гутникова А.С. Банкротство в России. Оспаривание сделок в ходе конкурсного производства. [Текст]/А.С. Гутникова // Законодательство. – 2003. – № 7. – С. 57-67.

35. Долгова М.О. Мировое соглашение в делах о банкротстве: процессуально-правовой аспект // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). [Текст]/М.О. Долгова/Отв. ред. В.Ф. Яковлев. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. – Вып. 25. – С.122-130.

36. Егоров А.В. Залог и банкротство: в поисках удачного регулирования. [Текст]/А.В. Егоров // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2007. – № 6. – С.4-37.

37. Егоров А.В. Последние изменения российского законодательства о банкротстве банков. [Текст]/А.В. Егоров // Хозяйство и право. – 2005. – № 2. – С. 21-24.

38. Егоров А.В. Субординация аффилированных кредиторов при банкротстве: актуальный вызов времени. [Текст]/А.В. Егоров // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 39. – С. 30-39.

39. Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова. [Текст]/А.В. Егоров // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 12. – С. 6-61.

40. Жаренцова Ю.С. Субсидиарная ответственность при банкротстве: отдельные аспекты нововведений. [Текст]/Ю.С. Жаренцова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 7. – С. 26-32.

41. Загоруйко И.Ю. Современные подходы к понятию несостоятельности (банкротства) кредитной организации. [Текст]/И.Ю. Загоруйко //Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 16–18 ноября 2016 г.): Сб. научн. статей. – М.: Статут, 2017. – С. 373-377.

42. Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве // Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новел законодательства и практики его применения. [Текст]/О.Р. Зайцев/Под ред. В.В. Витрянского [электронное издание]. – М.: Статут, 2010. – С. 105-110.

43. Зайцева Ю.А. Возможность полного удовлетворения требований кредиторов ликвидированного юридического лица. [Текст]/Ю.А. Зайцева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 4. – С.46-50.

44. Законодательство о банкротстве США. (Тезисы доклада судьи Сиднея Брукса, федеральный суд банкротства США, Денвер-Колорадо. [Текст]/Сидней Брукс) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1993. – № 8. – С. 57-63.

45. Зинченко С.А., Галов В. Правовая природа имущественной основы корпоративных коммерческих организаций. [Текст]/С.А. Зинченко // Северо-Кавказский юридический вестник. – Ростов-на-Дону. – 2002, № 3. – С. 3-25.

46. Зуев Д.Ю. Специфика применения правил искового производства в делах о несостоятельности (банкротстве). [Текст]/Д.Ю. Зуев) // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 190- 208.

47. Калнан Р. Неправомерные действия // Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве). [Текст]/Р. Калнан // Специальное приложение Вестника Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – № 3. – С. 167-176.

48. Каменев А.Л. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении требований кредиторов в деле о банкротстве должника. [Текст]/А.Л. Каменев // Арбитражные споры. – 2014. – № 4. – С. 18-28.

49. Карапетов А.Г., Фетисова Е.М., Матвиенко С.В., Сафонова М.В. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за май 2017 г. [Текст]/А.Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 7. – С. 27-70.

50. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Право неденежных кредиторов на участие в процессе несостоятельности (банкротства) должника. [Текст]/С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2007. – № 3. – С. 2-5.

51. Карелина С.А., Эрлих М.Е. Разграничение денежных и неденежных обязательств в процессе несостоятельности (банкротства). [Текст]/С.А. Карелина // Корпоративный юрист. – 2008. – № 2. – С. 50-54.

52. Карелина С.А. Банкротство: в поисках «золотой середины» // Эффективное антикризисное управление [Электронный журнал]. URL: http://www.info.e-c-m.ru/magazine/91/eau_91_382.htm (дата обращения – 22.03.2019).

53. Карелина С.А. Защита прав и законных интересов кредиторов и должника при осуществлении процедур несостоятельности (банкротства). [Текст]/С.А. Карелина // Предпринимательское право в рыночной экономике: Новая правовая культура, 2004. – С. 146-156.

54. Карелина С.А. К вопросу о роли судебной практики в системе источников правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства). [Текст]/С.А. Карелина // Право и экономика. – 2017. – № 11. – С. 19-25.

55. Карелина С.А. Особенности реализации принципа равенства прав в процессе несостоятельности (банкротства) должника. [Текст]/С.А. Карелина // Законодательство. – 2008. – № 6 – С. 34-39.

56. Карелина С.А. Особенности реализации принципов правового регулирования отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством) должника. [Текст]/С.А. Карелина // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности/Отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2016. – С. 298-309.

57. Карелина С.А. Правовая природа, сущность и особенности правоотношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством). [Текст]/С.А. Карелина // Лекции по предпринимательскому праву. Новое в правовом регулировании бизнеса: сб. статей/Отв. ред. Е.П. Губин, Е.Б. Лаутс // СПС «Гарант».

58. Кархалев Д.Н. Объект охранительного правоотношения. [Текст]/Д.Н. Кархалев // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 51-58.

59. Кокорин И.В. Все кредиторы равны, но некоторые равнее других. К вопросу о субординации корпоративных займов при банкротстве в России, Германии, США. [Текст]/И.В. Кокорин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С.119-137.

60. Кондратьева К.С. К вопросу об оценке имущества должника в качестве достаточного погашения расходов по делу о банкротстве при принятии к производству заявления о признании гражданина банкротом. [Текст]/К.С. Кондратьева // Седьмой Пермский конгресс юристов-ученых (Пермь, 16–18 ноября 2016 г.): Сб. научных статей. – М.: Статут, 2017. – С. 385-390.

61. Кораев К.Б. Законодательная реализация теорий оспаривания сделок несостоятельного должника. [Текст]/К.Б. Кораев // Закон. – 2011. – № 8. – С. 67-75.

62. Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина. [Текст]/К.Б. Кораев // Российская юстиция. – 2014. – № 7. – С. 10-13.

63. Кораев К.Б. Правовой статус конкурсных кредиторов в деле о банкротстве. [Текст]/К.Б. Кораев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 208 с.

64. Кораев К.Б. Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям. [Текст]/К.Б. Кораев // Юрист. – 2018. – № 2. – С. 25-29.

65. Коротков Д.Б. К вопросу о допустимости «альтернативных» способов оспаривания сделок должника в процедуре банкротства. [Текст]/Д.Б. Коротков // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.): избранные материалы/Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2016. – С. 214-217.

66. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (начало). [Текст]/Х. Коциоль // Вестник гражданского права. – 2017. – № 3. – С. 205-221.

67. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. [Текст]/О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. – М.: Статут, 2005. Т. 1. – С. 52-53.

68. Кресс В.В. Предпочтительное удовлетворение требований кредиторов как специальное основание для оспаривания сделок должника. [Текст]/В.В. Кресс // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2010. – № 6. – С.6-10.

69. Кузнецов С.А. Оспаривание окончательного решения третейского суда об утверждении мирового соглашения. Комментарий к постановлению Президиума ВАС РФ от 29 июня 2010 г. № 2070/10 [Текст]/С.А. Кузнецов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 4. – С. 84-93.

70. Лехтинен Л. Правовые формы предпринимательства на основе Гражданского кодекса России. [Текст]/Л. Лехтинен // Хозяйство и право. – 1995. – № 8. – С. 56-59.

71. Лоренц Д.В. Юридическая природа реституции. [Текст]/Д.В. Лоренц // Законы России: опыт анализ, практика. – 2009. – № 12. – С.112-116.

72. Лухманов М.И. Интерес особого пристрастия: защита субъективной неимущественной ценности в имущественной сфере. [Текст]/М.И. Лухманов // Опыты цивилистического исследования. Сб. статей. Вып. 3. Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М.:Статут, 2019. – С 156-124.

73. Мазур А.С. Проблемы субординации требований аффилированных кредиторов в делах о банкротстве заемщиков. [Текст]/А.С. Мазур // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 10. – С. 197-202.

74. Маковский А.Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации. [Текст]/А.Л. Маковский // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – С. 157-172.

75. Мамагеишвили В.З. Ответственность директоров по праву Великобритании и Австрии. [Текст]/В.З. Мамагеишвили // Право и бизнес. Приложение к журналу Предпринимательское право. – 2015. – № 2. – С. 27-37.

76. Марков П.А., Баркова Л.А. Особенности ведения двойного реестра требований кредиторов при банкротстве застройщиков. [Текст]/П.А. Марков // Вестник арбитражной практики. – 2015. – № 5. – С. 4-11.

77. Мацкевич П.Н. О действии свойства преюдициальности судебного решения при рассмотрении вопросов включения в реестр требований кредиторов в рамках производства по делу о банкротстве. [Текст]/П.Н. Мацкевич // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 198-206.

78. Мелихов Е. Соглашение кредиторов: вопросов больше, чем ответов. [Текст]/Е. Мелихов // Корпоративный юрист. – 2015. – № 9. – С. 15-17.

79. Мелихов Е. Субординация долга: практика Великобритании, США и перспективы применения в России. [Текст]/Е. Мелихов // Слияния и поглощения. – 2015. – № 4 (18). – С. 34-45.

80. Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом. [Текст]/Р.Т. Мифтахутдинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 4. – С. 114-121.

81. Монастырский Ю.Э. Правовая логика возложения убытков на контролирующих лиц. [Текст]/Ю.Э. Монастырский // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 82-95.

82. Мороз А.И. Субординация требований при банкротстве должника: как учитывать требования без встречного предоставления со стороны кредитора? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС18-11840 [Текст]/А.И. Мороз // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С.18-32.

83. Морозов С.А. Ограничения на перемену лиц в обязательстве, должник по которому находится в процедуре банкротства. [Текст]/С.А. Морозов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2018. – № 2. – С. 46-55.

84. Мусарский С.В. О существовании обязательств с истекшей исковой давностью. [Текст]/С.В. Мусарский // Законодательство. – 2008. – № 7. – С.33-38.

85. Одинцов С. Применение в США «субстантивной консолидации» в делах о банкротстве корпоративной группы. [Текст]/С. Одинцов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 5. – С. 246-249.

86. Османова Д.О. Отношения родства или свойства как инструмент для злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве). [Текст]/Д.О. Османова // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 3. – С. 57-60.

87. Пахаруков А.А. Реализация принципа соразмерности в правовом регулировании отношений несостоятельности. [Текст]/А.А. Пахаруков // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2018. – № 3. – С. 28-32.

88. Первухина Л.Ф. Значение судебного прецедента в практике федеральных судов Российской Федерации. [Текст]/Л.Ф. Первухина // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Красноярск: Изд-во Сиб. юрид. ин-та МВД России, 2005, Ч. 2. – С. 20-26.

89. Пирогова Е.С. Правовой статус кредиторов при несостоятельности (банкротстве). [Текст]/Е.С. Пирогова / Правовое регулирование несостоятельности в России и Франции: Сборник статей / НИУ ВШЭ и университет Ниццы — Софии Антиполис. – М.: Юстицинформ, 2016. – С. 36-44.

90. Подшивалов Т.П. Охрана интересов должника в договорном обязательстве при банкротстве и злоупотребление корпоративным контролем. [Текст]/Т.П. Подшивалов // Право и экономика. – 2017. – № 12. – С. 41-45.

91. Поляков С.Б. Судебный прецедент в России: форма прав или произвола? [Текст]/С.Б. Поляков // Lex russica. – 2015. – № 3. – С. 28-42.

92. Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве. [Текст]/В.Ф. Попондопуло // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44-52.

93. Приходько И. Оспаривание требований кредитора, подтвержденных судебным приказом, иными кредиторами должника, впавшего в банкротство, в контексте последних изменений АПК РФ и разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 года N 62 [Текст]/И. Приходько // Хозяйство и право. – 2017. – № 3. – С. 42-67.

94. Разумов И.В. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих компанию банкрота: детальная инструкция от Верховного Суда. [Текст]/И.В. Разумов // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 1 (1008).

95. Разыграева Е.Н. Криминальное банкротство – форма хищения? [Текст]/Е.Н. Разыграева // Журнал российского права. – 2017. – № 5. – С. 97-104.

96. Рожкова М.А. О круге денежных обязательств, значимых для определения признака банкротства. [Текст]/М.А. Рожкова // Корпоративный юрист. – 2009. – № 4. – С.22-23.

97. Рягузов А.А. Международные банкротства в практике российских судов. [Текст]/А.А. Рягузов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2010. – № 9. – С.38-53.

98. Саркисян А.В. Сам себе кредитор, или К проблеме манипуляций дружественными кредиторами в банкротстве. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.04.2017 № 305-ЭС16-19572 [Текст]/А.В. Саркисян // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 5. – С. 25-30.

99. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника. [Текст]/О.М. Свириденко // Lex russica. – 2018. – № 12. – С. 18-24.

100. Свириденко О.М. Институт несостоятельности (банкротства) в системе гражданского права. [Текст]/О.М. Свириденко // Журнал российского права. – 2011. – № 1. – С. 39-46.

101. Сергеева Е.С. Базовый подход к определению организационных отношений в гражданском праве. [Текст]/Е.С. Сергеева // Юрист. – 2016. – № 22. – С. 9-13.

102. Сидорова В.Н. Особенности регулирования корпоративных отношений в процедурах института несостоятельности (банкротства). [Текст]/В.Н. Сидорова // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2017 года, г. Москва) / под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. – М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2017. – С. 37-45.

103. Сеницын С.А. Относительная юридическая природа вещного притязания, охранительного субъективного права, виндикационного правоотношения. [Текст]/С.А. Сеницын // Законодательство. – 2013. – № 10. – С. 10-21.

104. Сеницын С.А. Экономический смысл сделки: вопросы юридической квалификации. [Текст]/С.А. Сеницын // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 110-121.

105. Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности. [Текст]/К.И. Скловский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 2. – С. 94-118.

106. Скрипичников Д.В. Некоторые вопросы о несостоятельности (банкротстве) Великобритании. [Текст]/Д.В. Скрипичников // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 30. – С. 25-31.

107. Скуратовская М.М. Роль судебной практики и судебного прецедента при оспаривании решений третейских судов. [Текст]/М.М. Скуратовская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 1. – С. 64-71.

108. Смола А.А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд. [Текст]/А.А. Смола // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 8. – С. 129-165.

109. Солодилов А.В. Статус залоговых кредиторов в деле о банкротстве: материально-правовой и процессуальный аспекты. [Текст] /

А.В. Солодилов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2010. – № 7. – С. 10-19.

110. Суворов Е.Д. Возражения субсидиарного должника по обязательствам несостоятельного лица как способ достижения баланса конституционно значимых интересов. [Текст] / Е.Д. Суворов // Закон. – 2018. – № 7. – С. 50-67.

111. Суворов Е.Д. Конкуренция оснований недействительности. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 24.10.2017 № 305-ЭС17-4886 (1) [Текст] / Е.Д. Суворов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 4. – С. 33-40.

112. Суворов Е.Д. О некоторых вопросах банкротного специалитета и его ограничениях. [Текст] / Е.Д. Суворов // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 158-166.

113. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению. [Текст] / Е.Д. Суворов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2019. – № 4 – С. 130-161; № 5. – С. 53-107.

114. Суханов Е.А. О Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. [Текст] / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2010. – № 4. – С. 4-21.

115. Сысоева О.В. Последствия оспаривания сделок должника по специальным основаниям. [Текст] / О.В. Сысоева // Юрист. – 2013. – № 24. – С. 17-21.

116. Тарнопольская С.В. Оспаривание сделок кредитных организаций, совершаемых в преддверии банкротства: сложности и перспективы. [Текст] / С.В. Тарнопольская // Закон. – 2014. – № 3. – С. 52-59.

117. Телюкина М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации. [Текст] / М. Телюкина // Хозяйство и право. – 2018. – № 5. – С. 3-25.

118. Телюкина М.В. Исключение недвижимости из конкурсной массы: новое основание? Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.09.2015 № 305-ЭС15-1943 [Текст] / М.В. Телюкина // Вестник экономического правосудия РФ. – 2015. – № 19. – С. 21-25.

119. Телюкина М.В. Практические проблемы обнаружения имущества ликвидированного должника. [Текст] / М.В. Телюкина // Законодательство. – 2009. – № 6. – С. 52-55.

120. Теплов Н.В. Залог всего имущества, или к чему приводит лоббизм узких интересов. [Текст] / Н.В. Теплов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 5. – С. 130-159.

121. Тимофеев Е.В., Гутиев Г.В. Новый подход к налоговым злоупотреблениям. [Текст] / Е.В. Тимофеев // Закон. – 2018. – № 11. – С. 58-64.

122. Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения. [Текст] / Е.Е. Уксусова // *Lex russica*. – 2014. – № 2. – С. 211-227.

123. Уксусова Е.Е. Гражданское судопроизводство по делам о банкротстве: проблемы законодательного регулирования и правоприменения (продолжение). [Текст] / Е.Е. Уксусова // *Lex russica*. – 2014. – № 6. – С. 683-703.

124. Улезко А. Новые подходы к субсидиарной ответственности лиц, осуществляющих фактический контроль. [Текст] / А. Улезко // *Юридическая работа в кредитной организации*. – 2018. – № 1. – С. 4-15.

125. Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция. [Текст] / К.А. Усачева // *Вестник гражданского права*. – 2017. – № 5. – С. 8-54.

126. Федотов Д.В. К вопросу о способах противодействия включению в реестр требований кредиторов фиктивной задолженности, подтвержденной решением суда. [Текст] / Д.В. Федотов // *Российский судья*. – 2019. – № 2. – С. 7-11.

127. Филатова У.Б., Горбач О.В. Доктрина «снятия корпоративной вуали»: некоторые аспекты применения. [Текст] / У.Б. Филатова // *Гражданское право*. – 2019. – № 1. – С. 7-10.

128. Филиппов А.С. Банкротство ликвидируемого должника: как это работает. [Текст] / А.С. Филиппов // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. – 2015. – № 6. – С. 40-65.

129. Харитонов Ю.С. Особенности удовлетворения требований конкурсных кредиторов с залоговым обеспечением [Текст] / Ю.С. Харитонов // *Предпринимательское право*. – 2016. – № 4. – С. 11-17.

130. Хатламаджиян К.Т. Прекращение залога вследствие прекращения основного обязательства и реализации предмета залога в условиях банкротства залогодателя. [Текст] / К.Т. Халамхаджян // *Законодательство и экономика*. – 2013. – № 4. – С. 33-36.

131. Хафтунг-Афифи О. Правовой институт оспаривания правовых действий в праве Германии при несостоятельности. [Текст] / О. Хафтунг-Афифи // *Сборник статей о праве Германии*. Вып. 1. Германно-российская ассоциация юристов, 2015. – С.202-209.

132. Химичев В.А. Проблемы применения законодательства о несостоятельности (банкротстве) в практике арбитражных судов. [Текст] / В.А. Химичев // *Закон*. – 2007. – № 7. – С. 40-56.

133. Хлестов П.В. AMICUS CURIAE по делу № А40-109356/2017 Инициативное научное заключение (по аналогии с § 34.1 Регламента Конституционного Суда РФ) по вопросу возможности включения ценных бумаг, переданных покупателю в рамках исполнения первой части договора репо, в состав его конкурсной массы // URL: <http://www.phplaw.ru/upload/iblock/a86/Инициативное%20научное%20заключ>

ение%20по%20делу%20№%20А40-109356-2017.pdf (Дата обращения – 11.09.2019).

134. Хоуман М. Роль режима несостоятельности в рыночной экономике. [Текст] / М. Хоуман // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Специальное приложение к № 3: Российско-британский семинар судей, рассматривающих дела о несостоятельности (банкротстве), 27 ноября – 1 декабря 2000 г.М.: ЮРИТ-Вестник, 2001. – С. 34-46.

135. Чернова М.В. О формировании понятийного аппарата в сфере банкротств. [Текст] / М.В. Чернова // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 15 //СПС «Гарант»

136. Чехомова В.Е. Оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства. [Текст] / В.Е. Чехомова // Арбитражный управляющий. – 2017. – № 4. – С. 36-37.

137. Чокорая М. Субординация требований аффилированных кредиторов. [Текст] / М. Чокорая // Юридическая работа в кредитной организации. – 2018. – № 4. – С.32-38.

138. Шайдуллин А.Р. Понижение в очередности (субординация) займов в Германии и Австрии. [Текст] / А.Р. Шайдуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 12. – С. 116-158.

139. Шевченко И.М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве. [Текст] / И.М. Шевченко // Российский судья. – 2018. – № 3. С. 10-14.

140. Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного (внутригруппового) характера. [Текст] / И.М. Шевченко // Арбитражные споры. – 2018. – № 4. – С. 36-54.

141. Шевченко И.М. К вопросу об определении размера субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве. [Текст] / И.М. Шевченко // Судья. – 2018. – № 4. – С. 42-46.

142. Широкова Е.В. Изменение нормативно установленной иерархии требований кредиторов в деле о банкротстве: зарубежный опыт и перспективы отечественного регулирования. [Текст] / Е.В. Широкова //Закон. – 2019. – № 3 // СПС «Консультант Плюс».

143. Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных отношениях (на примере хозяйственных обществ). [Текст] / И.С. Шиткина // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2015. – № 2. – С. 2-26.

144. Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики. [Текст] / И.С. Шиткина // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С.45-65.

145. Шиткина И.С. Ответственность контролирующих должника лиц при несостоятельности (банкротстве). [Текст] / И.С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2017. – № 8. – С.3-24.

146. Шишмарева Т. К вопросу о преобразовании неденежных обязательств в денежные в процедурах несостоятельности (банкротства). [Текст] / Т. Шишмарева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 6. – С. 33-36.

147. Щербаков Н.Б. Алеаторные сделки. [Текст] / Н.Б. Щербаков // О договоре: Сб. статей. – М.: Статут, 2017. – С. 196-226.

148. Щукин А.И. О легализации иностранного судебного решения, принятого против российского юридического лица, в отношении которого инициировано дело о банкротстве. [Текст] / А.И. Щукин // Закон. – 2016. – № 8. – С. 142-153.

149. Эрлих М.Е. Признание сделок должника недействительными как средство удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности. [Текст]/М.Е. Эрлих // Законодательство. – 2012. – № 5. – С. 31-40.

150. Эстерлейн Ж.В. Разграничение понятий «несостоятельность» и «банкротство». [Текст] / Ж.В. Эстерлейн // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сборник научных статей/Отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М.: Статут, 2017. – С. 467-471.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Авдеев С.С. Банкротство как способ ликвидации юридического лица [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/С.С. Авдеев. – М., 2003. – 19 с.

2. Андреев С.Е. Соотношение реабилитационных и ликвидационных аспектов правоотношений в сфере банкротства [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/С.Е. Андреев. – М., 2004. – 216 с.

3. Белоликов А.И. Банкротство как способ защиты нарушенных прав: [Текст] Дис. ... канд. юрид. наук/А.И. Белоликов. – М., 2004. – 186 с.

4. Бруско Б.Л. Защита прав и законных интересов кредиторов в конкурсном праве: [Текст] Дис. ... канд. юрид. наук/Б.Л. Бруско. – Иркутск, 2004. – 204 с.

5. Бычкова К.М. Удовлетворение требований кредиторов в рамках процедуры несостоятельности в России и Франции: сравнительно-правовой анализ [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/К.М. Бычкова. – М., 2018. – 280 с.

6. Вайпан В.А. Реализация принципа справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности [Текст]: Дис. ... докт. юрид. наук/В.А. Вайпан. – М., 2019. – 628 с.

7. Валуйский А.В. Проблемы удовлетворения требований кредиторов по законодательству о несостоятельности (банкротства) России и зарубежных стран [Текст]: Автореф. дис. канд. юрид. наук/А.В. Валуйский. – Саратов, 2002. – 30 с.

8. Владыка Е.В. Проблемы правового регулирования деятельности должника [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Е.В. Владыка. – М., 2007. – 32 с.
9. Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России [Текст]: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук/О.В. Зайцев. – М., 2017. – 59 с.
10. Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество: теория и практика [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/А.Б. Козырева. – М., 2016. – 232 с.
11. Кравченко Е.С. Проблемы защиты и реабилитации должника при несостоятельности (банкротстве) в Великобритании, Германии, Франции, России (сравнительно-правовой анализ) [Текст]: Дис. ...канд. юрид. наук/Е.С. Кравченко. – М., 2003. – 232 с.
12. Матвеева Е.Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/Е.Н. Матвеева. – М., 2006. – 27 с.
13. Поташник О.А. Формирование, реализация и распределение конкурсной массы несостоятельного должника-организации в ходе конкурсного производства (правовые проблемы) [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/О.А. Поташник. – М., 2015. – 252 с.
14. Пустошкин О.В. Правовые средства достижения цели института несостоятельности (банкротства) юридического лица [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/О.В. Пустошкин. – Самара, 2005. – 221 с.
15. Сайфуллин Р.И. Поручительство и банкротство: взаимная связь правовых институтов [Текст]: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук/Р.И. Сайфуллин. – М., 2018. – 35 с.
16. Смирнов Р.Г. Природа правоотношения несостоятельности (банкротства) [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/Р.Г. Смирнов. – М., 2004. – 195 с.
17. Студенцова О.А. Правовое регулирование процедур банкротства по законодательству России и США: сравнительный анализ [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/О.А. Студенцова. – М., 2006. – 158 с.
18. Хамидуллина Ф.И. Нравственные начала гражданского права [Текст]: Дис. ... докт. юрид. наук/Ф.И. Хамидуллина. – Казань, 2019. – 59 с.
19. Химичев В.А. Правовое положение кредиторов при банкротстве по законодательству Российской Федерации [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/В.А. Химичев. – М., 2005. – 25 с.